

Джозефина Тей

ДОЧЬ

ВРЕМЕНИ

Молодой инспектор полиции Грант прикован к больничной койке. В Скотланд-Ярде ходят легенды, что он способен определить преступника с первого взгляда, по внешности. Чтобы развлечь его, друзья приносят ему множество портретов различных исторических персонажей. Неожиданно Гранта заинтересовал один из них. Это Ричард III, герой одноименной драмы Шекспира, о котором всякий еще со школьной скамьи знает, что он захватил трон своего брата Эдуарда IV, отравил свою жену, убил двух малолетних наследных принцев. Изучив исторические свидетельства, Грант составляет собственную версию загадочной истории Ричарда III...

На Западе Джозефина Тей занимает особое место среди авторов детективного жанра из-за ее пристрастия к исторической тематике.

Для массового читателя.

- [Джозефина Тей](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)

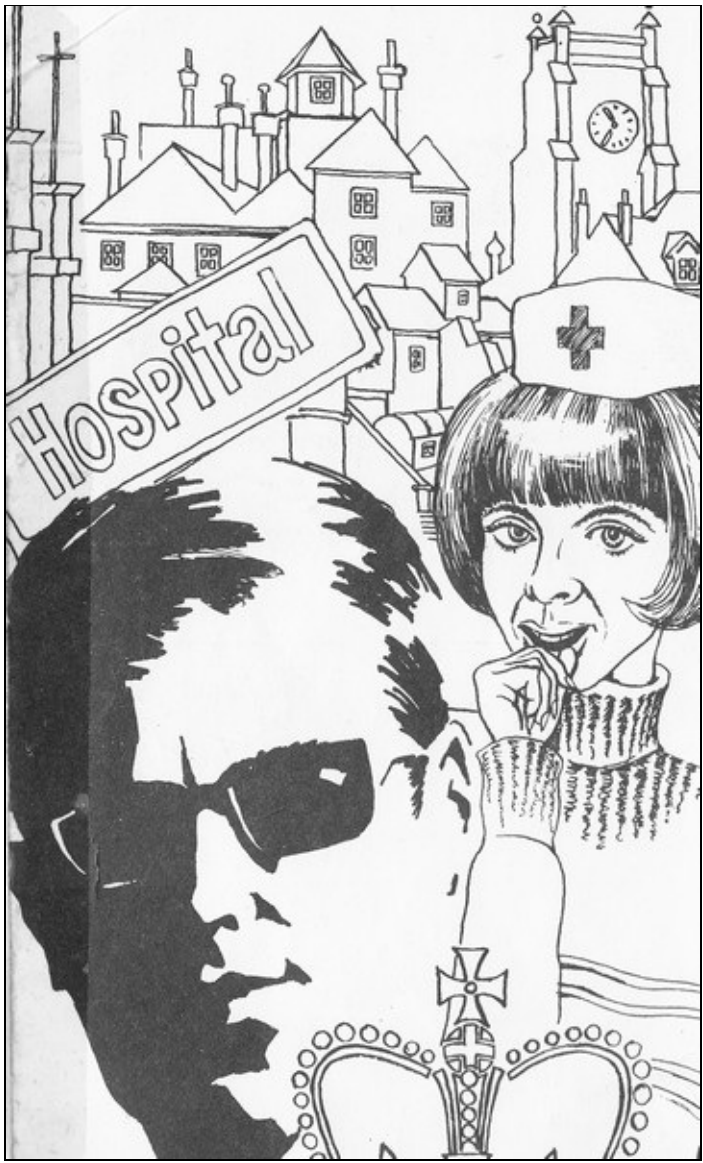
- [notes](#)

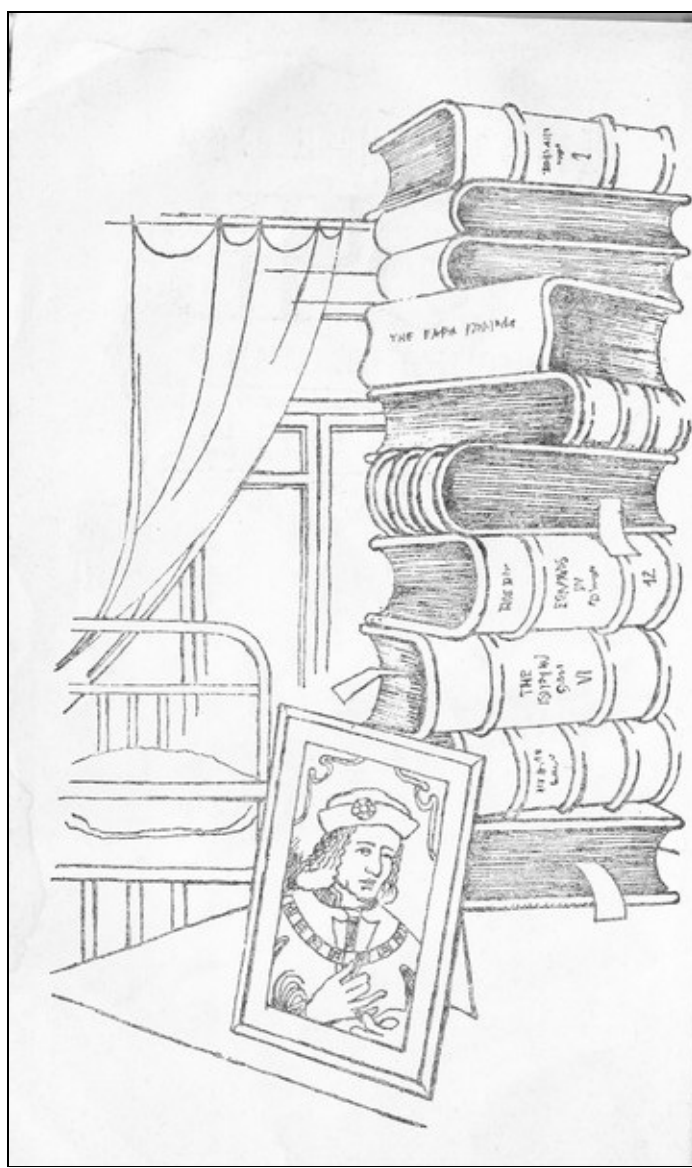
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)

- [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Джозефина Тей

Дочь времени

Грант лежал на высокой больничной койке и с отвращением глядел в потолок. Он наизусть знал все до единой трещинки на его изумительно чистой поверхности. Он составил из них карту и уже не раз путешествовал по ее рекам, островам и континентам. Потом превратил потолок в загадочные картинки и старался различить спрятанные в них человеческие лица, силуэты птиц, рыб. Он сделал математический расчет потолка, вспомнив с детства забытые теоремы, вывел суммы углов треугольников.

Однажды Грант намекнул Пигалице, мол, хорошо бы повернуть его койку, чтобы он смог исследовать другой участок потолка, но выяснилось, что это нарушило бы симметрию в палате. А симметрия в медицине чтится почти так же свято, как гигиена. Все, что нарушает симметрию, считается грубым невежеством.

— Почему бы вам не взяться за чтение, — предложила как-то Пигалица. Друзья завалили его целой грудой только что вышедших романов в ярких обложках.

— Тошно стало от такого количества слов, которые по воле людей — их, кстати, тоже слишком много на земле — ежесекундно обрушиваются на нас из-под печатного станка. Даже подумать страшно.

— У вас просто перестал действовать кишечник, — заключила Пигалица.

Пигалицей была сестра Ингэм — миниатюрная, но пропорционально сложенная блондинка. Грант прозвал ее Пигалицей, чтобы частично вознаградить себя за все унижения, которые он испытывал, подчиняясь командам этой фарфоровой куколки. Он свободно мог бы поднять ее одной рукой, если бы стоял на своих двоих. Мало того, что Пигалица указывала ему,

что можно, а что нельзя, она еще и переворачивала его огромное неподвижное тело с такой легкостью, что Грант едва сдерживался от обиды. Такого понятия, как тяжесть, для нее, видимо, не существовало. Она перетряхивала матрасы с той же неосознанной грацией, с какой китайские циркачи вертят тарелочки на своих бамбуках. В отсутствие Пигалицы Грант переходил в заботливые руки Амазонки, крепкие, как ветви букового дерева. Амазонка — сестра Даррол — была родом из Глостера и страшно тосковала по дому, особенно в сезон желтых нарциссов. У нее были мягкие и теплые ладони и бархатные, как у коровы, глаза. Лицо ее всегда выражало сострадание, а малейшее физическое усилие заставляло пыхтеть, как водяной насос. Впрочем, Грант считал: лучше быть неприподъемным, нежели не иметь в чьих-то там глазах вообще никакого веса.

Он очутился на больничной койке под опекой Пигалицы и Амазонки после того, как свалился в уличный канализационный колодец. Залететь в колодец и на виду у всех изображать персонаж какой-то гротескной пантомимы — этого с ним еще никогда не приключалось.

За секунду до того, как упасть, Грант преследовал Бенни Скола и вот-вот должен был его схватить. Даже тот факт, что Бенни, скрывшись за углом, угодил в объятия сержанта Вильямса, не мог утешить Гранта, а лишь обострял его муки при мысли о комичности его положения.

Теперь у Бенни было целых три года на то, чтобы одуматься и хорошим поведением скостить себе срок. В больницах же, увы, хорошее поведение не учитывается.

Грант оторвал взгляд от потолка и покосился на стопку книг на прикроватной тумбочке. «Хорошо бы, — подумал он, с тоской отводя глаза от ярких обложек, — хорошо бы закрыть все типографии лет на тридцать, пока не вырастет новое поколение. Объявить литературный мораторий! Никто тогда не станет насильно кормить тебя этой идиотской чепухой». Грант услышал, как отворилась дверь. Кто-то подошел к его кровати, и он закрыл глаза, давая понять, что не имеет желания разговаривать. В следующую минуту его нос уловил слабый аромат, как будто повеял ветерок с грасских полей. Он втянул воздух, и его мозг усиленно заработал. Пигалица — та распространяет вокруг себя запах лавандовой присыпки, от Амазонки пахнет мылом и йодом. Точно! «Ланкло № 5» из самого дорогого магазина. Только одна женщина из его знакомых пользовалась этими духами — Марта Холлард.

Грант приоткрыл глаза и посмотрел на вошедшую. Марта склонилась было над ним, чтобы убедиться, спит он или нет, и теперь стояла в нерешительности (будто она могла хоть раз быть нерешительной), глядя на нетронутую стопку книг на столике. В одной руке она держала две только что купленные книги, а в другой — ветку сирени. Он подумал: не потому ли Марта выбрала белую сирень, что та не отвлекала внимания от ее шикарного черно-белого костюма. На ней были новая шляпка и, как всегда, жемчуга, которые в свое время возвратились к ней не без содействия Гранта. Она была элегантна, как парижанка, и, слава Господу, совсем не вписывалась в больничную обстановку.

— Я разбудила тебя, Ален?

— Я не спал.

— Наверное, они тут совершенно некстати, — сказала Марта, положив книги рядом с их презренными братьями. — Но, может быть, ты найдешь их более интересными. Ты открыл хотя бы одну?

— Я не могу больше читать.

— Тебя, наверное, боли одолели?

— Меня одолела скука!

— Бедненький. — Она вынула нарциссы из вазы, которая была слишком велика для них, эффектным сценическим жестом швырнула их в умывальник и поставила вместо них сирень.

— Займись чем-нибудь другим. Всегда можно совершенствовать свои умственные

способности, я уже не говорю о душе или характере. Или изучить какую-нибудь философию. Йогов, например. Хотя, пожалуй, человеку с аналитическим умом трудно дается познание абстрактного. Я забыла, играешь ты в шахматы ты или нет? Может, примешься за шахматные задачи?

— Мой интерес к шахматам имеет скорее всего наглядный характер.

— Наглядный?

— Да, они бывают очень красивыми — короли, пешки и все прочие. Очень изящные.

— Чудно! Вот я и принесу тебе шахматы, развлекись. Ну, хорошо, не хочешь шахмат, возьмишь решить научную загадку. Попытайся найти ключ к какой-нибудь тайне.

— Ты имеешь в виду преступление? Но я же помню наизусть все на свете следственные дела. Вряд ли кто-то сможет к ним что-либо добавить. Особенно человек, прикованный к постели.

— Я не имела в виду досье Скотланд-Ярда. Я хотела предложить тебе что-нибудь... как это сказать... классическое. Что-нибудь эдакое, что оставалось загадкой для многих поколений.

— Ну, например?

— Например, сундук с письмами.

— Только не Мария Стюарт!

— Почему нет? — воскликнула Марта, которая, как все актрисы, представляла себе Марию Стюарт лишь в белом монашеском покрывале.

— Меня может заинтересовать женщина с дурной репутацией, но глупая — никогда.

— Глупая? — воскликнула Марта своим низким голосом Электры.

— Глупейшая.

— Ну будет тебе, Ален.

— Носи она другой головной убор, никто бы и не вспомнил о ней. Все дело в шляпе.

— Ты думаешь, что, если бы она носила соломенную шляпу, она любила бы с меньшей страстью?

— Никогда она никого не любила, в шляпе или без.

— Откуда ты это знаешь?

— Мария Стюарт была ростом метр и восемьдесят сантиметров. Почти все очень высокие женщины отличаются сексуальной холодностью. Любой врач тебе подтвердит.

Сказав это, он подумал вдруг, почему за все годы, с тех пор как Марта стала обращаться к нему всякий раз, когда нуждалась в кавалере, ему ни разу не приходила в голову мысль, что ее знаменитая сдержанность к мужчинам может быть как-то связана с ее ростом. Но Марта не захотела проводить параллелей, ее по-прежнему занимала история любимой королевы.

— И все же она была мученицей. Это ты признаешь?

— Мученицей чего?

— Своей религии.

— Ревматизм — вот чьей единственной мученицей она была. Она обвенчалась с Дарнли без разрешения Папы, а с Босвелом — по протестантскому обряду.

— Сейчас ты мне скажешь, что она не была в заточении.

— Вся беда в том, что ты представляешь ее сидящей в маленькой каморке в башне замка, окна забраны решеткой, и лишь старый слуга слышит ее молитвы. На самом же деле у нее было шестьдесят слуг! Она горько жаловалась, когда их число сократилось до каких-то несчастных тридцати, и чуть не умерла от огорчения, когда из всей обслуги остались два секретаря, несколько служанок, вышивальщица и одна-две кухарки. И королева Елизавета вынуждена была содержать их за свой счет! Двадцать лет она платила из своего кошелька, и все это время Мария Стюарт обещала шотландскую корону всякому, кто устроит переворот и вернет ей утраченный

трон или, в крайнем случае, трон Елизаветы.

Он взглянул на Марту. Та улыбалась.

— Ну что, полегчало немного?

Грант засмеялся.

— Да. На целую минуту я забыл о боли. Хотя бы одно доброе дело можно числить за Марией Стюарт!

— Ну что же, придется отказаться от надежды, что тайна сундука с письмами будет разгадана. Может быть, возьмешься за Железную Маску?

— Не помню, кто это был, но меня вряд ли может заинтересовать человек, лица которого я не видел.

— Ах да! Я забыла о твоём пристрастии к лицам. Кстати, у всех Борджиа были интересные лица. Я уверена, что они натолкнули бы тебя на разгадку какой-нибудь тайны, если бы ты захотел взглянуть на них.

Раздался стук, и в дверях появилось бесхитрое личико миссис Тинкер, увенчанное еще более бесхитрым сооружением в виде шляпы. Это была историческая шляпа. Миссис Тинкер не снимала ее с тех пор, как начала «ходить» к Гранту, и он не представлял ее в каком-нибудь другом головном уборе.

— Я слышала, что у вас гость, и уже было повернула назад, как вдруг голос показался мне знакомым. А, думаю, это всего-навсего мисс Холлард! Ну, тогда я не помешаю.

В руках у нее было множество пакетов и букетик анемонов.

— Вот и хорошо, — сказала Марта, — я ухожу, чтобы не мешать миссис Тинкер кормить тебя вкусными вещами, которые наверняка лежат в этих пакетиках.

Миссис Тинкер просияла.

— Хотите попробовать? Только что из печки.

— Ах, разумеется, я буду наказана: все сдобное смерть для моей талии.

После некоторого колебания она выбрала два маленьких печенья и бросила их в свою сумочку.

— До свидания, Ален. Я загляну к тебе на днях, и ты начнешь вязать носок. Ничто так не успокаивает нервы, как вязание.

Уже в дверях Марта послала ему воздушный поцелуй и исчезла.

Через два дня Марта пришла снова, но не для того, чтобы вручить ему спицы и пряжу. Она влетела в палату, как свежий ветерок, в высшей степени элегантная в своей меховой папаше, сдвинутой набекрень с той небрежностью, которая заняла у нее не одну минуту перед зеркалом.

— Я ненадолго, дорогой. Я по пути в театр. Сегодня у меня утренний спектакль, помоги мне, Господи. Все эти классные дамы, снующие туда-сюда с чайными подносами... Я вижу: хоть одну книжицу из тех, что я принесла, ты перелистал.

— Да, да. Ту, что о горах. Действительно, удачная вещь. Я часами разглядывал картинки. Ничто так не влияет на наше мироощущение, как горы.

— Ну, тогда вот еще тебе картинки.

Марта высыпала ему на грудь целый дождь фотографий из большого плотного конверта.

— Что это?

— Это все лица, — ответила она, сияя. — Десятки и десятки всевозможных лиц — мужчины, женщины, дети.

Он взял первую попавшуюся фотографию — гравюру с портрета XVI века. На ней была изображена женщина.

— Кто это?

— Лукреция Борджиа. Правда, душечка?

— Возможно, возможно. Ты серьезно говоришь, что с ней связана какая-то тайна?

— Конечно. Никто так и не смог доказать, чем она была — орудием в руках своего брата или его сообщницей.

Грант отбросил в сторону Лукрецию и взял другую картинку. Это был портрет маленького мальчика в одежде конца XVIII века, под которым была заметна подпись: «Людовик XVII».

— Вот тебе отличнейшая загадка, — сказала Марта. — Сын Людовика XVI. Удалось ли ему спастись, или он погиб в заточении?

— Откуда ты это все взяла?

— Я выгащила Джеймса из его каморки в Музее Виктории и Альберта и заставила пойти со мной в гравюрный магазин. Я знала, что он будет в восторге от этой идеи.

Это так похоже на Марту — предполагать, что любой служащий государственного учреждения, если он к тому же автор пьес и специалист по портрету, всегда готов бросить работу и бежать в гравюрный магазин, чтобы доставить ей удовольствие.

Он взглянул на обратную сторону фотографии с какого-то портрета елизаветинской эпохи. Оказалось, что это был граф Лестер.

— Так вот он каков, Робин королевы Елизаветы? Никогда не представлял себе его. Какая же тайна связана с Робинсом?

— Конечно же, загадка Эми Робсарт.

Эми Робсарт его не интересовала. Какое ему дело до того, как и почему она умудрилась упасть с лестницы. Тем не менее ему понравилось рассматривать фотографии. Лица людей всегда интересовали его, еще до поступления в полицию, а уж в Скотланд-Ярде личный интерес превратился в профессиональный. Как-то раз, в самом начале своей службы, они с шефом присутствовали на следственном эксперименте — опознании преступника. И он, и его начальник были заняты расследованием совершенно другого дела, но что-то заставило их остаться и наблюдать за тем, как два человека — мужчина и женщина — прохаживались вдоль выстроенных в ряд людей неопределенной наружности, пытаясь опознать того, кто им нужен.

— Знаешь, кто из них подозреваемый?

— Не знаю, но попробую догадаться.

— Вот как? Кто же, по-твоему?

— Третий слева.

— В чем его обвиняют?

— Понятия не имею.

Шеф с интересом посмотрел на Гранта. Но когда мужчина и женщина отказались опознать преступника и ушли, а люди, участвовавшие в опознании, вышли из ряда и, переговариваясь между собой, оправляли пиджаки и галстуки перед тем как вернуться к обычной жизни, один из них продолжал оставаться на месте. Третий слева покорно ждал, пока его уведут обратно в камеру.

— Ну и ну! — вымолвил шеф. — Как тебе это удалось? Что ж, неплохо. Он угадал вашего из всех двенадцати, — обратился он к следователю, проводившему эксперимент.

— Вы знали его? По нашим данным, этот человек ранее никогда не привлекался.

— Нет, в первый раз вижу. Даже не знаю, по какому делу он проходит.

— Почему же ваш выбор пал на него?

Грант заколебался, впервые анализируя ход своей мысли. Он не поддавался никакому объяснению. Грант как бы повиновался инстинкту. Наконец он с трудом выдавил: «У него, единственного из всех двенадцати, нет морщин на лице».

Его собеседники дружно засмеялись. Но тут Грант быстро нашел нужный довод: «Может, это звучит глупо, но я так не считаю. В зрелом возрасте только идиоты не имеют морщин. Идиот — высшая степень безответственности. Из этих двенадцати только один человек был без морщин».

После этого случая в Скотланд-Ярде долго ходили разговоры о способности Гранта определить преступника «с первого взгляда». А шеф как-то сказал ему, иронически улыбаясь: «Неужели вы и впрямь считаете, инспектор, что существует такое понятие, как „криминальная внешность“»? — «Не надо упрощать, — ответил Грант, — такое понятие имело бы право на жизнь, если бы существовал только один вид преступления. Но их так же много, как велико разнообразие человеческой натуры. Если полицейский начнет делить преступников на категории, он в них потонет».

Интерес Гранта к типам человеческого лица перерос в планомерное изучение. Он систематизировал, сравнивал. Нельзя, говорил он, делить лица на категории, но всякому лицу можно дать характеристику. Когда однажды Грант рассматривал фотографии участников одного нашумевшего судебного процесса, у него не возникло вопроса, кто из них обвиняемый, а кто судья. Правда, один из адвокатов, по внешнему виду, вполне мог оказаться на скамье подсудимых, ибо адвокат, как и все обычные люди, может пасть жертвой какой-нибудь страсти — жадности, например. Но не судья. Его характеризуют особые качества: неподкупность, беспристрастность. Поэтому и без парика судью невозможно спутать с обвиняемым.

Друг Марты Джеймс, по-видимому, увлекся, отбирая для него гравюры, так что целая коллекция портретов нарушителей закона или их жертв не давала Гранту скучать, пока Пигалица не принесла вечерний чай. Когда он стал собирать фотографии, чтобы положить их в тумбочку, его рука нащупала в складках одеяла еще одну, не замеченную ранее.

На портрете был изображен мужчина в бархатном берете и камзоле с разрезными рукавами по моде конца XV века. Ему было лет тридцать пять-тридцать шесть, лицо худощавое, чисто выбритое. Воротник камзола богато украшен драгоценными камнями. Мужчина надевал на мизинец своей правой руки кольцо. Но смотрел он не на кольцо, его взгляд был устремлен куда-то вдаль.

Портрет отличался от всех остальных. У Гранта возникло впечатление, будто художник

старался изобразить нечто такое, что его талант был не в силах передать средствами живописи. Выражение глаз — самое интересное и неповторимое в человеческом лице — ускользнуло от него. Не получилась у художника еще одна деталь: он не сумел оживить складку тонких губ широкого рта — рот у него вышел деревянным. Больше всего ему удалась лепка лица — высокие, крепкие скулы, впадины под ними и слишком широкий, чтобы казаться мужественным, подбородок.

Перед тем как перевернуть фотографию, Грант еще раз внимательно взглянул на портрет. Кто он — судья, солдат, принц крови? Во всяком случае, человек, привыкший нести бремя большой ответственности. Знавший тяготы власти. В высшей степени честный. Добросовестный, может быть, даже чересчур. Натура широкая, но способен беспокоиться по пустякам. Явный кандидат в язвенники. В детстве, должно быть, был слаб здоровьем. На лице печать непередаваемого, невыразимого страдания, испытанного еще в раннем возрасте. Не похоже на лицо калеки. Художник уловил это и смог запечатлеть на портрете: припухлость нижних век, как у ребенка, спавшего слишком долго, неровность кожи. Что-то старческое проглядывало в чертах молодого лица.

Грант перевернул портрет, чтобы узнать, кто это. Подпись на обратной стороне гласила: «Портрет Ричарда III. Национальная портретная галерея. Художник неизвестен».

Так вот он какой, Ричард III! Горбун, чудовище, которым няньки пугали детей. Погубитель невинных душ. Синоним злодейства.

Грант снова взглянул на фотографию. Неужели именно это самое художник хотел передать, рисуя глаза. Неужто таков взгляд человека, мучимого совестью?

Он долго еще вглядывался в портрет. Узкие, глубоко посаженные глаза. Сперва Гранту казалось, что они обращены на какой-то предмет, но на самом деле художник использовал такой прием, чтобы показать сосредоточенность, почти отрешенность своего героя. Слегка сдвинутые брови придавали лицу озабоченный, хмурый вид.

Когда Пигалица вошла, чтобы забрать пустую чашку, Грант все еще смотрел на фотографию. Давненько ему не попадалось ничего подобного. Джоконда показалась бы ему сейчас простым плакатом.

Пигалица увидела, что чай остался не выпит, потрогала рукой остывший чайник и надула губы. «Что ей, делать нечего, кроме как таскать подносы с чаем, к которому он и не притрагивается?»

Грант протянул ей портрет. Что она думает о нем? Если бы этот человек был ее пациентом, каков был бы ее диагноз?

— Печень, — сказала Пигалица сухо и удалилась со своим подносом, стуча каблучками и тряся кудрями в знак протеста. Но у доктора, вошедшего в палату сразу после ее ухода, оказалось иное мнение. Он внимательно посмотрел на протянутый ему портрет и произнес после минутного молчания:

— Полиомиелит.

— Детский паралич? — удивился Грант, но тут же вспомнил, что Ричард III был сухорукий.

— А кто это? — спросил доктор.

— Ричард Третий.

— Вот как? Интересно.

— Вы знали, что у него была сухая рука?

— Разве? Нет, не знал. Я полагал, что он горбун.

— Он и был горбун.

— Помнится, рассказывали еще, что он родился уже с зубами и ел живых лягушек. Что ж,

мой диагноз был, пожалуй, на редкость точен.

— Потрясающе! Что дало вам повод предположить полиомиелит?

— Вот теперь, когда вы меня спросили, я не смогу вам объяснить. Выражение лица, пожалуй. Такое встречается у детей-калек. Если он с детства горбун, то этим, возможно, все и объясняется, а не полиомиелитом. Я вижу, художник предпочел не изображать его горбатым.

— Да. Придворным живописцам приходилось соблюдать кодекс приличий. Только после Кромвеля позирующие стали просить изобразить их «так, как они есть, со всеми бородавками».

— С Кромвеля, я вам скажу, и начался этот снобизм наоборот, от которого мы до сих пор страдаем, — заметил доктор, исследуя гипсовую повязку на ноге Гранта. — «Дескать, я простой человек, какой с меня спрос». Нет спроса, так нет ни приличных манер, ни доброжелательства, ни душевной широты. — Он ущипнул Гранта за большой палец ноги с интересом, не имеющим отношения к теме разговора. — Это болезнь общая. Извращенные понятия. В Штатах есть места, где для политического деятеля появиться перед избирателями в пиджаке и галстук равносильно смерти. Сочтут за чванство. Быть своим парнем — вот что требуется! Неплохо, совсем неплохо, — заключил он, имея в виду Грантов палец. — Вот интересно, — продолжал доктор, возвращаясь к портрету, — насчет полиомиелита. Может быть, действительно именно он и был причиной сухорукости. Так или иначе, это любопытно. Портрет убийцы. Нетипичный случай, как вы полагаете?

— Типа убийцы не существует в природе. Человек становится убийцей по разным причинам. Однако я что-то не припомню ни одного дела, где бы у убийцы было такое лицо.

— Разумеется, он был единственным в своем роде. Мне кажется, ему неведомы были угрызения совести.

— Ничуть.

— Я однажды видел Оливье в роли Ричарда Третьего. Что это была за игра! Само олицетворение злодейства. Казалось, вот-вот перейдет грань и упадет в гротеск, но удержался.

— О чем вы подумали в первый момент, еще не зная, кто изображен на портрете, что сразу пришло вам на ум? — спросил Грант. — Злодейство?

— Нет. Я подумал о болезни.

— Странно, не правда ли? Я тоже не подумал о злодействе. А теперь, когда я знаю, кто это, прочитав имя на обороте, я не думаю ни о чем другом, кроме как о злодействе.

— У каждого есть свое представление о злодействе, как и о красоте, — ответил доктор. — Что ж, я загляну теперь к вам в конце недели. На боли не жалуетесь?

И он удалился.

Тут только Грант вспомнил, что портрет был ему дан как иллюстрация для разгадки некой тайны. Какая тайна связана с именем Ричарда III?^[1]

Наконец он вспомнил. Ричард убил двух своих маленьких племянников при невыясненных обстоятельствах. Они просто-напросто исчезли. Исчезли в тот момент, если память ему не изменяет, когда Ричарда не было в Лондоне. Он поручил это дело кому-то еще. Подлинная судьба двух мальчиков так и осталась неизвестной.

Во времена Карла II нашли два скелета (кажется, где-то под лестницей?). Все были уверены, что это и есть останки двух малолетних принцев, но доказательств никаких не было.

Обидно все-таки, что человек, получивший высшее образование, так мало помнит из истории. У Гранта всего только и осталось в памяти, что Ричард III был братом Эдуарда IV. Эдуард IV был высоченного роста светловолосый красавец и большой любитель женщин. Горбатый Ричард после смерти брата взошел на престол вместо законного претендента — малолетнего сына Эдуарда и, чтобы избавиться себя от дальнейших хлопот, организовал убийство этого самого наследника и его маленького братца. Еще он вспомнил, что Ричард погиб в битве

при Босворте, что, умирая, требовал подать ему коня^[2] и что он был последним из Йорков по мужской линии. Последним Плантагенетом.

Каждый школьник, закрывая главу, посвященную Ричарду III, облегченно вздыхал, потому что этим заканчивалась война Алой и Белой Розы и можно было наконец перейти к Тюдорам. Тюдоры были, правда, скучноваты, но зато легко запоминались.

Когда Пигалица пришла приготовить Гранта ко сну, он спросил:

— У вас случайно не найдется учебника истории?

— Учебник истории? Зачем он мне? — Это был не вопрос, и Грант не обязан был отвечать.

Его молчание смутило Пигалицу, и она поспешно выпалила: — Если вам так нужен этот учебник, спросите у сестры Даррол, когда она принесет ужин. Она не расстанется со школьными книжками, они у нее на полке. Может быть, среди них найдется и история.

Как это похоже на Амазонку — держать при себе учебники! Она так скучала по своей школе в Глостершире, особенно в пору цветения желтых нарциссов. Когда она ввалилась в палату, неся на подносе творожный пудинг с подливкой из тушеного ревеня, лицо Гранта изображало терпеливое спокойствие и даже благосклонность. Амазонка перестала быть просто крупной особой женского пола, испускающей звуки водяного насоса, и превратилась в добрую фею, раздающую милости.

Ну конечно, у нее есть учебник истории. Даже два, кажется. Она хранит их в память о любимой школе. У Гранта чуть было не сорвался с языка вопрос, хранит ли она еще и свои куклы, но вовремя сдержался.

— Я так любила историю, — воскликнула Амазонка. — Это был мой любимый предмет!

Моим героем был Ричард Львиное Сердце.

— Прохвост, каких мало, — проронил Грант.

— Неправда! — вскричала она обиженным тоном.

— У таких обычно бывает увеличена щитовидная железа, — безжалостно продолжал

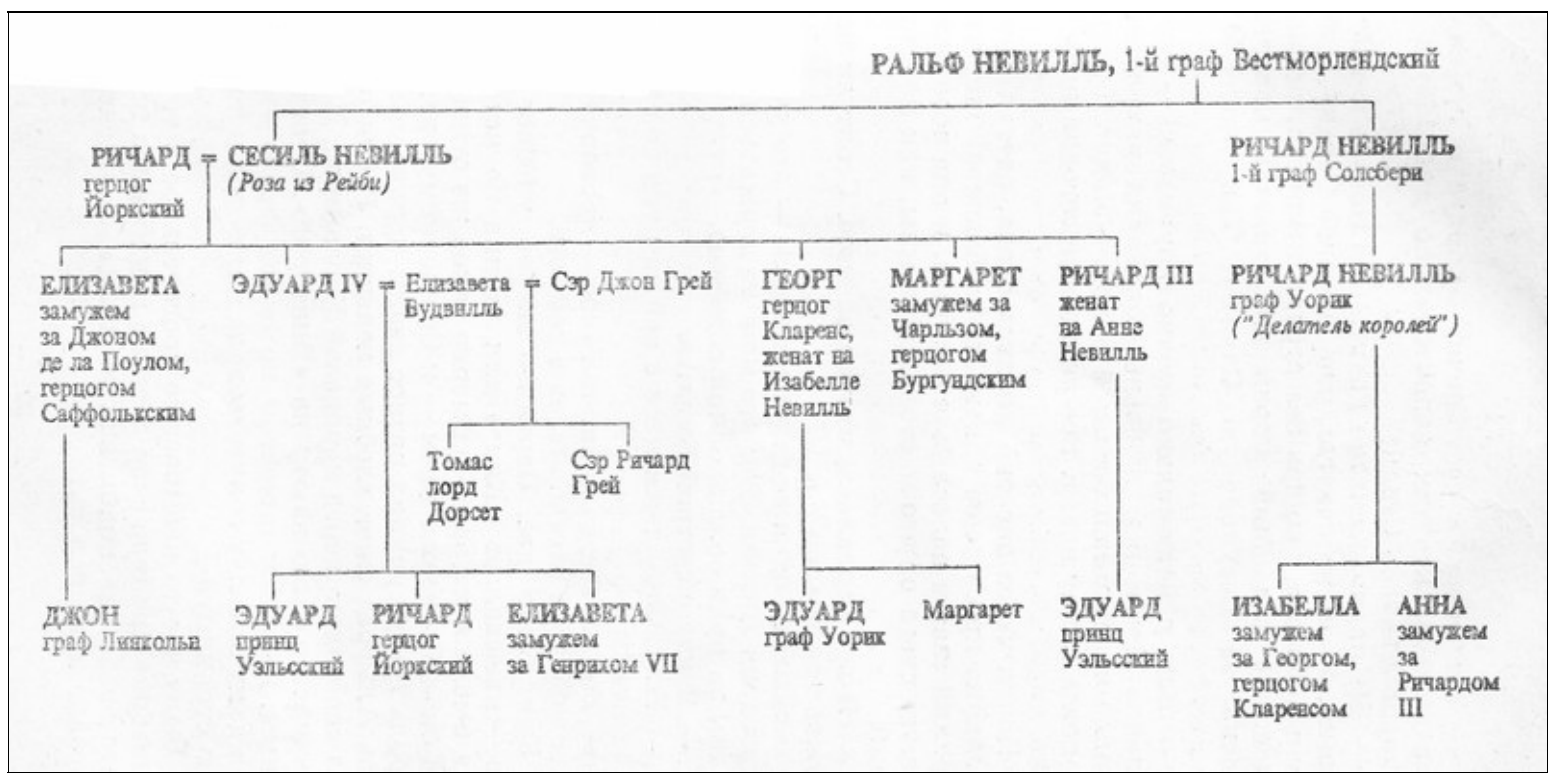
Грант. — Носился по всей планете, как безумный.^[3] Вы уже кончили дежурство?

— Мне надо еще собрать посуду.

— Не могли бы вы дать мне почитать ваш учебник на ночь?

— Ночью вам полагается спать, а не корпеть над учебниками.

— Не все ли равно, читать или глазеть в потолок? Больше мне ничего не остается. Так принесете?

— Тащиться в сестринский корпус и обратно ради кого-то, кто так непочтительно отзывается о Ричарде Львиное Сердце?

— Ну ладно, — сказал Грант, — не гожусь я в мученики. Я лично считаю, что Львиное Сердце — образец доблести, рыцарь без страха и упрека, полководец, не ведавший поражений, трижды кавалер Ордена за Безупречную Службу. Так принесете книжку?

— Вам действительно нужно поучиться! — промолвила Амазонка, любовно поправляя накрахмаленный чепец своей большой рукой. — Ладно, принесу, когда пойду назад. Все равно мне сегодня идти в кино.

Почти через час она явилась снова, одетая в необычайно просторное пальто из верблюжьей шерсти. Верхний свет в палате был потушен, и она возникла в круге света от его настольной лампы, как добрый гений.

— Я все надеялась, что вы заснете. Стоит ли начинать так поздно?

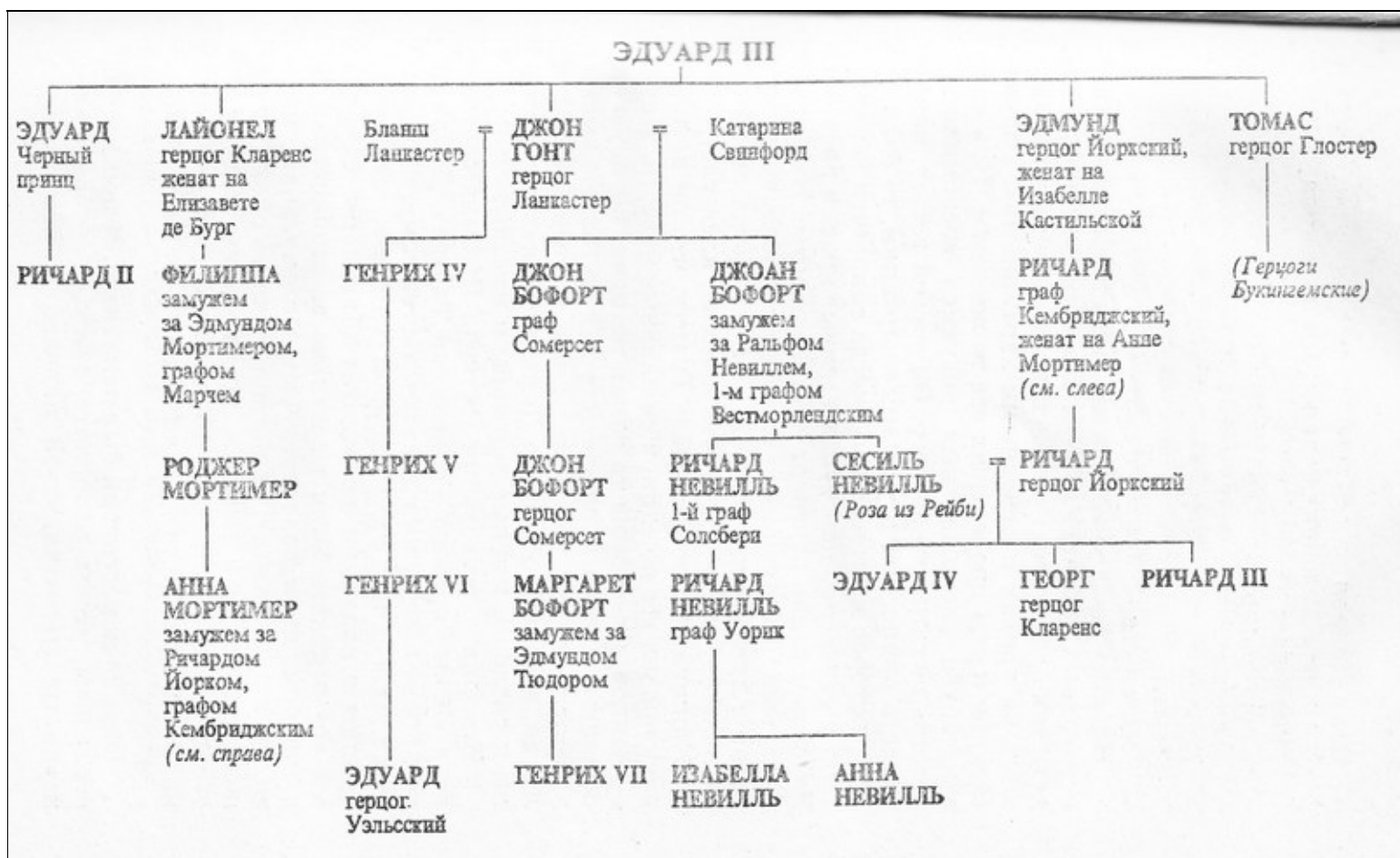
— Только одна вещь усыпит меня — это учебник по истории Англии. Так что можете держаться с кем-то там за руки со спокойной совестью.

— Я иду с сестрой Бэрроуз.

— Все равно, держитесь с ней за руки со спокойной совестью.

— Вот вы всегда скажете такое, — проворчала она миролюбиво и растворилась в темноте.

Книг было две. Первая — скорее учебное пособие — называлась «Книга для чтения по истории». Она имела к истории примерно такое же отношение, как библейские рассказы — к Священному писанию: король Канут учинил разнос своим придворным, король Альфред сжег хлебные лепешки, Рейли расстелил свой плащ перед королевой Елизаветой, Нельсон удалился в свою каюту на «Виктории». Отпечатано ясным, крупным шрифтом по одной фразе в абзац. Каждому эпизоду сопутствовала иллюстрация на целую страницу.

Было что-то невыразимо трогательное в том, что Амазонка хранила свои детские книжки. Он любопытствовал, не подписана ли книга ее именем. На форзаце красовалось:

Элла Даррол
 3-й класс Ньюбриджская средняя школа
 Ньюбридж
 Глостершир
 Англия
 Европа
 Земля
 Вселенная.

Надпись была увенчана великолепной коллекцией переводных картинок. «Неужели, — подумал он, — все дети так одинаковы: расписывают учебники, занимаются на уроках переводными картинками». Разумеется, он и сам проделывал все то же самое. При виде этих грубо раскрашенных рисунков воспоминания детства нахлынули на него. Он совсем забыл, какую радость приносили переводные картинки, то блаженство, которое испытываешь, когда сдирается верхний слой и отчетливо проступают живые краски рисунка. Взрослым редко перепадает такое счастье. Ну, может быть, еще чвакнувший звук клюшки, пославшей мяч точно в лунку, или, скажем, момент, когда леска натягивается, давая знать, что наконец клюнуло.

Книжка так понравилась Гранту, что он не торопясь прочел все до единой ее наивные повести. В конце концов, это и была та самая история, которую запоминают взрослые, после того как из головы выскакивают все эти многочисленные налоги, литургии Лауда, заговоры Ржаного Дома, бесконечные расколы и раздоры, мирные договоры и измены.

История царствования Ричарда III была озаглавлена «Юные принцы — пленники Тауэра».

Дойдя до нее, Грант обнаружил доказательство тому, что даже тогда маленькая Элла Дарролл считала, что юные принцы в подметки не годятся Львиному Сердцу: все «о» в тексте были тщательно заштрихованы карандашом, двум золотоволосым мальчуганам, играющим в луче солнца, проникшем сквозь оконную решетку, были, как водится, пририсованы очки, а на обороте иллюстрации кто-то сыграл в крестики-нолики. Элла, по-видимому, поставила крест на этой истории.

Однако ж рассказик был занятным. И достаточно страшным, чтобы распалить детское воображение: невинные малютки, злой дядюшка. Классический сюжет, воплощенный с классической простотой. В общем, превосходная назидательная история.

«Но злодеяние не прошло для него даром. Народ Англии был потрясен, узнав об этом кровавом преступлении, и решил, что ему более не нужен такой король. Обратились к его дальнему родственнику во Франции по имени Генрих Тюдор с просьбой прийти и царствовать. Произошла битва, в которой Ричард пал смертью храбрых. Но его имя было так ненавистно народу, что часть его войска перешла на сторону его соперника».

Простенько и со вкусом. В репортажном духе. Грант взялся за вторую книжку. На этот раз учебник был настоящим. Для удобства пользования тысячелетняя история Англии была поделена на главы, посвященные периодам царствования такого-то короля или такой-то королевы. Неудивительно, что люди обычно связывают имена исторических личностей со временем какого-нибудь короля или королевы, не думая о том, что эти личности могли жить и при их преемниках. Их автоматически рассовывают по своим полочкам: Пипс — при Чарльзе II, Шекспир — при Елизавете, герцог Мальборо — при королеве Анне. И никому не приходит в голову, что те, кто жил при королеве Елизавете, могли также видеть и Георга I. Люди приучены с детства мыслить категориями царствований.

Правда, такой подход к истории может быть удобен инспектору полиции, неподвижно лежащему со сломанной ногой и поврежденным позвоночником, который, чтобы не свихнуться, копается в книгах в поисках сведений о давным-давно сгинувших царственных особах.

Грант был удивлен, обнаружив, что Ричард III так недолго продержался на троне. Он был воистину выдающимся человеком, если стал одним из самых известных королей английской истории, пробыв на троне всего два года. Если Ричард не мог ужиться с людьми, то влиять на них он, вне всякого сомнения, умел.

Учебник подтверждал мысль о том, что Ричард был незаурядной личностью.

«Ричард был талантливым, но не слишком разборчивым в средствах человеком. Он смело заявил о своих притязаниях на престол, используя абсурдное утверждение, что брак его брата с Елизаветой Вудвилль не освящен законом, а следовательно, их дети незаконнорожденные. Его поддержали те, кто опасался передачи трона малолетнему. Ричард начал свое правление с того, что двинулся на юг, где его хорошо приняли. Во время его похода на юг два маленьких принца, жившие в Тауэре, внезапно исчезли, и все сочли, что их убили. Вспыхнуло восстание, которое Ричард подавил с особой жестокостью. Чтобы вернуть себе былую популярность, он созвал парламент, который принял ряд важных законов, отменивших грабительские поборы в пользу короля.

Но последовало еще одно восстание. Оно приняло форму вторжения в Англию французских войск во главе с Генрихом Тюдором из дома Ланкастеров. Произошло

столкновение на Босвортском поле в графстве Лестершир. Благодаря предательству лорда Стэнли Генрих одержал победу. Хотя Ричард и пал на поле битвы смертью героя, но слава после него осталась дурная, не лучше, чем после короля Джона».

Бог его знает, что это были за грабительские поборы? И как англичане могли терпеть, что короли смещали друг друга с помощью французских войск? Конечно, во времена войны Алой и Белой Розы Франция еще не полностью оторвалась от Англии. Она тогда считалась более родственной, чем, скажем, Ирландия. В XV веке для англичанина поездка во Францию была делом обыкновенным, в Ирландию же уезжали только в знак протеста.

Грант лежал и размышлял о том, какой была в те времена Англия. Куда ни глянь, кругом океан зелени и ни единой фабричной трубы от Кемберленда до Корнуолла. Англия, еще не знавшая изгородей. Англия лесов, полных дикого зверья, и болот, живых от множества водяной птицы. Каждые несколько миль повторяются в различных вариациях крохотные селения: замок, церковь, сельские домики; монастырь, церковь, сельские домики. Полоски обработанной земли вокруг жилищ, а за ними бесконечная зеленая страна. Ничем не нарушаемый зеленый простор. Дороги от селения к селению с глубокими колеями, обсаженные деревьями и кустарником, алеющим то цветками дикой розы, то ягодами боярышника — в зависимости от времени года. Непроходимые зимой и белые от пыли летом.

Целых тридцать лет на этой зеленой, просторной земле бушевала война Алой и Белой Розы. Это была даже не война, а скорее кровавая междоусобица, вражда Монтекки и Капулетти, которым нет дела до простых людей. Никто, конечно, не врывался в дома жителей, чтобы узнать, кто за Йорков, а кто за Ланкастеров, не тащил никого по этапу, если ответ оказывался неудобным. Это была малая, локальная война, похожая на ссору двух соседей. Вдруг на чьем-нибудь лугу, за огородами закипал бой, а кухня превращалась в лазарет, затем воюющие перемещались куда-нибудь еще, и там тоже разгоралась битва. Через несколько недель хозяева, узнав о развитии событий, затевали яростный спор, так как хозяйка держала сторону Ланкастеров, а хозяин был сторонником Йорков. Совсем как споры между футбольными болельщиками. Никто не преследовал ни Йорков, ни Ланкастеров, как в наше время не было гонений на болельщиков «Арсенала» или клуба Челси.

Долго еще размышлял Грант о прошлом зеленой-зеленой страны Англии и вдруг незаметно для себя заснул. Его знаний о судьбе маленьких принцев не прибавилось ни на грош.

— Неужто не могли найти картинку повеселее? — воскликнула Пигалица на следующее утро, кивая на портрет Ричарда, который Грант поставил на ночной столик, прислонив его к стопке книг.

— Вы не находите, что у него интересное лицо?

— Интересное! У меня от него мурашки по спине. Сразу видно: преступник!

— А в учебниках истории говорится, что он был человеком недюжинного ума.

— Ну так и Синяя Борода был недюжинного ума.

— И, говорят, его любил народ.

— Синюю Бороду тоже любили.

— И был храбрым воином, — не унимался Грант. — Что, нечем крыть?

— Не понимаю, что вас так к нему тянет? Кто хоть он такой?

— Ричард Третий.

— Ах так! Ну все понятно.

— Вы хотите сказать, что вы его таким и представляли?

— Именно.

— На каком основании?

— Вы что, не знаете, что он зверский убийца?!

— Вы неплохо изучили историю.

— Это всем известно. Расправился со своими племянниками, бедными детками. Задушил их.

— Задушил? — оживился Грант.

— Да-да, задушил подушкой. — Маленьким энергичным кулачком она взбила подушку, которую держала, и ловко установила ее на место.

— Почему задушил? Почему не отравил? — удивился Грант.

— Откуда мне знать, меня там не было.

— Где это сказано, что их удушили?

— В учебнике по истории.

— А на кого ссылался учебник?

— Почем я знаю? Ни на кого не ссылался. Там просто сказано, что был такой факт.

— А там было сказано, кто это сделал?

— Тиррел. Вы что, истории, что ли, не проходили?

— Я присутствовал на уроках. А это не одно и то же. Кто же такой был Тиррел?

— Понятия не имею. Какой-то друг Ричарда.

— Откуда же взяли, что это сделал он?

— Он сам сознался.

— Сознался?!

— После того как его признали виновным, конечно. Перед тем, как его повесили.

— Значит, Тиррела повесили именно за убийство принцев?

— Ну да, да. Можно, я уберу эту мрачную картинку и поставлю что-нибудь повеселее? В этой куче фотографий, что вам давеча принесла мисс Холлард, были такие симпатичные личики.

— Не нужно мне никаких симпатичных личиков. Я интересуюсь только мрачными лицами, «зверскими убийцами» и людьми «недюжинного ума».

— Ладно, о вкусах не спорят, — сдалась Пигалица. — Не мне на него глядеть. Но, по моему

глубокому убеждению, от этого, ей-богу, кости быстрее не срастаются.

— Хорошо, если мой перелом не срастется, вините по всем Ричарда Третьего. Не такой уж это большой грех, как мне кажется, по сравнению со всем тем, что он натворил.

Надо будет спросить Марту, знает ли она что-нибудь о Тирреле. Она, конечно, не эрудит, но ее учили в дорогой частной школе, которую все так хвалят, авось что-нибудь в память и запало.

Однако первым его посетителем в тот день оказался сержант Вильямс, большой, розовый, чисто выбритый. И на некоторое время Грант забыл о битвах древних времен и погрузился в мир ныне живущих личностей, готовых в любую минуту сотворить какую-нибудь пакость. Вильямс плотно уселся на жесткий стульчик для гостей, широко расставив колени и щуря от солнца свои серо-голубые глазки, как довольный кот. Приятно было поговорить о делах профессиональных, перебрасываясь отрывистыми фразами, понятными только людям, занятым общим делом. Приятно было узнать, что новенького там, на свободе, кто дал маху, а кто пошел в гору.

— Шеф велел передать привет, — сказал Вильямс, собираясь уходить. — И если что-нибудь нужно, просил ему сообщить.

Солнце уже не слепило Вильямсу глаза, и он заметил вдруг портрет, прислоненный к стопке книг. «Что это за тип?» Грант стал было объяснять, как вдруг сообразил, что перед ним свой брат полицейский. То есть человек, привыкший, как и он сам, угадывать по лицам.

— Портрет мужчины неизвестного художника XV века, — сказал он. — Что скажешь?

— Ничего не смыслю в портретах.

— Я говорю не о портрете. Каково твое мнение о человеке?

— А-а, понимаю, — Вильямс нагнулся поближе и изобразил на лице крайнюю степень сосредоточенности, сдвинув белесые брови. — Что значит: каково мое мнение?

— Ну, скажем, куда бы ты его определил — на скамью подсудимых или в судьи?

Вильямс подумал немного и выпалил:

— В судьи!

— Уверен?

— Вне всякого сомнения. А что? Вы разве — нет?

— Я тоже. Но мы оба ошиблись. Его место на скамье подсудимых.

— Не может этого быть, — проговорил Вильямс, снова вглядываясь в фотографию. — А вы знаете, кто он такой?

— Да. Это Ричард Третий.

Вильямс присвистнул.

— Вот оно что! Так, так. Маленькие пленники Тауэра и все такое. Злой дядюшка собственной персоной. Могу себе представить теперь, когда вы его назвали. Но с первого взгляда ни-ни, никогда не догадаешься. В том смысле, что он прохвост. Вылитый наш судья, старик Хэлсбери, а уж он-то если в чем и виноват, то лишь в том, что слишком мягок с этими ребятами за решеткой. Он, бывало, в обвинительном заключении весь вывернется ради них.

— Ты знаешь, как были убиты принцы?

— Ничего мне не известно о Ричарде Третьем. Знаю только, что мать два года не могла им разродиться.

— Что?! Где ты слышал эту басню?

— Ну, наверное, на уроке истории.

— Должно быть, ты ходил в какую-то особенную школу. Ни в одном из моих учебников ни слова не сказано о том, кто, как и кого рожал. Вот почему чтение Шекспира и Библии всегда так освежает. Что-нибудь да и узнаешь новенькое из области полового воспитания. Ты когда-нибудь

слыхал о человеке по имени Тиррел?

— Слыхал. Это тот бандюга, который служил океанских на линиях «Пи-энд-О». Утонул на «Египте».

— Да нет. Я тебе говорю об историческом персонаже.

— Из истории не помню ничего, кроме 1066^[4] и 1603 года.

— А что произошло в 1603-м? — спросил Грант, не переставая думать о Тирреле.

— Нам навсегда привязали к хвосту эту Шотландию.

— Было бы лучше, чем если бы она каждые пять минут хватала нас за горло? Тиррел, говорят, был тот самый, кто убрал мальчишек.

— Племянников? Нет, это имя мне ничего не говорит. Ну, я пошел. Чем я могу быть вам полезен?

— Ты идешь на Чаринг-Кросс-роуд?

— Да, в «Феникс».

— Сделай мне одолжение.

— Слушаю вас.

— Зайди в одну из книжных лавок и купи «Историю Англии». Для взрослых. И «Жизнь короля Ричарда III», если тебе попадетсЯ.

— Сделаю, будьте спокойны.

Выходя из палаты, Вильямс столкнулся с Амазонкой и был поражен, увидев нечто такое же, как и он сам, только в платье сестры милосердия. Он сконфуженно поздоровался, вопросительно взглянул на Гранта и исчез за дверью.

Амазонка сообщила Гранту, что она собралась делать влажное обертывание в четвертой палате, но не могла не заглянуть к нему, чтобы выяснить, убедился он или нет.

— В чем убедился?

— В благородстве Ричарда Львиное Сердце.

— Я не дошел еще до Ричарда Первого. Но прошу вас, расскажите, что вы знаете о Ричарде Третьем, пусть в четвертой палате немного обождут.

— Ах, эти бедные птички! — воскликнула она, и ее большие коровьи глаза приняли страдальческое выражение.

— Какие птички?

— Да эти малютки. Помню, как по ночам меня мучали кошмары. Я все боялась, что кто-то войдет и положит мне во сне на лицо подушку.

— Именно так и было совершено убийство?

— Да, разве вы этого не знали? Когда двор находился в Уорике, сэр Джеймс Тиррел поскакал назад в Лондон и приказал Дайтону и Форресту убить. Потом они зарыли их под какой-то лестницей и завалили камнями.

— Но в той книжке, что вы мне дали, об этом ни слова.

— Ой, да это просто учебник. Чтобы зубрить к экзаменам. Понимаете? Из этих зубрежных учебников разве узнаешь что-нибудь интересное по истории!

— Где же вы набрались таких колоритных сплетен о Тирреле?

— Никакие это не сплетни, — обиделась Амазонка. — Все можно найти у сэра Томаса Мора в его записках. И уж вряд ли во всей истории есть боле уважаемый и надежный человек, чем Томас Мор. Разве не так?

— Разумеется, так. С моей стороны было бы нахальством противоречить сэру Томасу Морю.

— Ну так вот, обо всем этом написал Томас Мор, а он-то как раз и жил в то время и лично знал их всех.

— Дайтона и Форреста?

— Да нет! Конечно нет. Я имею в виду Ричарда и бедную королеву.

— Королеву? Супругу Ричарда?

— Да.

— Почему «бедную»?

— Он сделал ее жизнь невыносимой. Говорят, он ее отравил. Потому что хотел жениться на своей племяннице.

— Зачем ему это было нужно?

— Затем, что она была наследницей престола.

— Понятно. Он избавился от мальчиков и захотел жениться на их старшей сестре?

— Ну конечно. Не мог же он жениться на одном из мальчиков!

— Нет, я думаю, такое не могло прийти в голову даже Ричарду.

— Вот он и хотел жениться на Елизавете, чтобы прочней чувствовать себя на троне, но на самом деле она вышла замуж за его преемника. Она приходилась бабушкой королеве Елизавете Первой. Мне всегда импонировало, что у Елизаветы была родня со стороны Плантагенетов. Не нравились мне эти Тюдоры. Ну, я пошла, а то явится с обходом старшая сестра, а я еще не успела с четвертой палатой.

— Тогда наступит конец света.

— Мне конец наступит, — сказала Амазонка и удалилась.

Грант снова принялся за чтение учебника, пытаясь разобраться в перипетиях войны Алой и Белой Розы. Напрасно он старался. Войска стремительно двигались то в одном направлении, то в другом. Йорки и Ланкастеры сменяли друг друга на троне с такой быстротой, что голова шла кругом. С таким же успехом можно стоять и смотреть, как на ярмарочном «автодроме» кружатся и сталкиваются друг с другом автомобильчики.

И все же он был уверен, что разгадка этой истории лежит еще глубже. Ее семена были посеяны столетием раньше, когда был низложен Ричард II и правление Йорков прервалось. Грант это все знал потому, что в юности видел «Ричарда Бордоского» в Новом Театре. Четыре раза он ходил на этот спектакль.

Три поколения узурпаторов престола из дома Ланкастеров правили Англией: Генрих IV несчастливо, но умело, шекспировский принц Хэл,^[5] герой Азенкура и безудержный храбрец, и его полоумный и обреченный сын.^[6] Ничего нет удивительного, что люди жаждали восстановления легитимной власти, видя, как бездарные друзья полоумного Генриха VI профукали победы во Франции, пока Генрих носился со своим детищем — Итонским колледжем и уговаривал придворных дам отказаться от чрезмерных декольте.

Все трое Ланкастеров были неистовыми фанатиками, что резко контрастировало с либерализмом двора, угасшим со смертью Ричарда II. Политика Ричарда, основанная на принципе «живи и дай жить другим», сменилась чуть ли не за одну ночь гонениями на еретиков. Почти столетие продолжали гореть на кострах еретики. Неудивительно, что в сердцах простых людей тлел и разгорался другой огонь — огонь недовольства. Он запылал вовсю, когда на арене появился герцог Йоркский. Это был умный, здравомыслящий, влиятельный политик, одаренная натура, принц королевской крови и наследник Ричарда II по прямой линии. Возможно, люди и не способствовали тому, чтобы Йорк сместил на троне этого дуралея Генриха, но они наверняка хотели, чтобы он взял в руки власть и навел порядок в стране.

Йорк попытался это сделать, но наградой ему была смерть на поле боя, а члены его семьи большую часть своей жизни провели в изгнании или за монастырскими стенами, скрытые от посторонних глаз. Однако когда волнения улеглись, на троне оказался его сын, сражавшийся с ним бок о бок, и страна утихомирилась под властью этого высокого светловолосого красавца,

большого женолюбца, но в высшей степени проницательного политика.

Вот почти все, что Грант смог вынести из истории войны Алой и Белой Розы.

Он оторвал взгляд от книги и увидел, что посреди палаты стоит старшая сестра.

— Я постучала в дверь, — сказала она, — но вы слишком увлеклись чтением.

Вид у нее был подтянутый, недоступный. Она по-своему элегантна, вроде Марты. Руки в белых крахмаленных манжетах непринужденно сложены на узкой талии, концы белоснежного чепца свободно падают на плечи, что придавало лицу выражение неистребимого достоинства. Серебряный значок об окончании медицинской школы служил ее единственным украшением. «Есть ли на свете фигура более величественная, чем старшая сестра превосходной клиники», — подумал Грант.

— Я тут занялся историей, — сказал он, — и не заметил, как летит время.

— Прекрасное занятие. Заставляет видеть вещи в их истинном свете. — Переводя взгляд на портрет, она спросила: — Вы за Йорков или за Ланкастеров?

— Так вы догадались, чей это портрет?

— Еще бы! Когда я была практиканткой, я много времени проводила в Национальной галерее. У меня не было денег и я легко уставала, а там было так тепло, так тихо и можно было сидеть и отдыхать сколько угодно. — Она улыбнулась уголком рта, мысленно нисходя с высоты своего нынешнего положения к той молоденькой, усталой, серьезной девочке, какой она когда-то была. — Я люблю Портретную галерею еще и потому, что там обретаешь ту же широту мысли, что и при изучении истории. Видишь вблизи все эти великие исторические фигуры, сделавшие так много в свое время. От них остались только их имена и портреты. Я тогда вволю насмотрелась на них. — Она снова перевела взгляд на Ричарда. — Несчастнейшее создание.

— Мой хирург уверяет, что он — жертва полиомиелита.

— Полиомиелита? Все может быть. Я никогда об этом раньше не задумывалась. Для меня он прежде всего человек, испытавший много горя. Такого страдальческого лица я больше никогда не видела, а я повидала на своем веку многое.

— Значит, вы считаете, что портрет был написан уже после убийства?

— О да. Это очевидно. Он не из тех, кто ничего не принимает близко к сердцу. Человек такого масштаба! Должно быть, он осознал всю... гнусность этого преступления.

— Вам не кажется, что он производит впечатление человека, которому невыносима сама мысль, как жить дальше?

— Как вы верно это сказали! Да. Он похож на того, кто страстно стремится чем-то обладать, но потом понимает, что цена, которую он заплатит за это, слишком велика.

— Так, значит, вы не считаете его законченным негодяем?

— Нет, нет! Конечно нет. Негодяи не страдают, а его лицо полно невыносимой боли.

Они еще некоторое время молча смотрели на портрет.

— Вы знаете, это все похоже на свершившееся возмездие. Потеря единственного сына. Смерть жены. Мир, который его окружал, разрушился так скоро. Должно быть, он воспринимал это как Божью кару.

— Смерть жены ему была небезразлична?

— Она приходилась ему двоюродной сестрой, и они знали друг друга с детства. Любил он ее или нет, но она, должно быть, была ему другом. Для человека, сидящего на троне, иметь друга — редкостная удача. Теперь я пойду. Должна же я знать, что делается в моей клинике. Я даже не спросила у вас того, что полагается первым делом спросить: как ваше самочувствие. Но если у вас нашлись силы интересоваться человеком, жившим пять веков тому назад, — это значит, вы идете на поправку.

С того момента, как он впервые взглянул на нее, она не изменила своей позы. Она

улыбнулась ему своей слабой, сдержанной улыбкой и, держа руки все так же на уровне пряжки форменного пояса, направилась к двери. Вся ее фигура выражала непреходящую уверенность, как если бы она была монахиней. Или королевой.

Сержант Вильямс объявился только после обеда. Он пыхтел, неся в руках два тяжелых тома.

— Надо было оставить их внизу, в приемной, — упрекнул его Грант. — Стоило ли из-за них снова подниматься по лестнице!

— Я должен все объяснить лично. Успел забежать только в один магазин, самый большой. Это лучшая «История Англии» из всех, что у них имеется. Лучше, говорят, не бывает. — Он выложил на столик внушительного вида том в серо-зеленом твердом переплете, давая понять, что не несет за него никакой ответственности. — Специальной истории, только про Ричарда Третьего, у них нет. То есть нет его биографии. Но они мне дали вот что. — И он положил на столик что-то яркое и веселое, с гербом на суперобложке, на которой красовалось: «Роза из Рейби».

— А это что такое?

— Наверное, его мамаша. Я имею в виду упомянутую Розу. Ну, я побегу: ровно через пять минут я должен быть в Скотланд-Ярде, и чуть я опоздаю, шеф сдерет с меня шкуру. Извините, коли что не так. Я забегу, как только окажусь поблизости, и, если эти никуда не годятся, попробую достать что-нибудь другое.

Но Грант был доволен и поблагодарил за книги. Торопливый топот ног сержанта Вильямса, сбежавшего вниз по лестнице, еще был слышен, а он уже вцепился в «лучшую в мире „Историю Англии“». Это была так называемая систематизированная история — объективная, оживляемая выразительными иллюстрациями. Миниатюра из Псалтыря Латтрэла украшала главу о сельском хозяйстве XIV века, а к истории Великого лондонского пожара^[7] прилагалась карта Лондона того времени. Короли и королевы упоминались между прочим. «Систематизированная история» Тэннера была озабочена только общественным прогрессом и политической эволюцией: черной смертью,^[8] изобретением книгопечатания и использованием пороха, созданием торговых гильдий и так далее. Однако жестокая необходимость все же вынуждала мистера Тэннера то и дело упоминать того или иного короля или его родственников. Одна из таких необходимостей возникла в разделе, посвященном изобретению книгопечатания.

Некто по имени Кэкстон из Кента, бывший подмастерье гильдии суконщиков, обосновался в Брюгге, имея в кармане двадцать мерков, полученных им по завещанию своего бывшего хозяина, ставшего лорд-мэром Лондона. Однажды в осеннюю дождливую пору застигнутые отливом у берегов Нидерландов двое молодых людей, бежавших из Англии, были спасены и доставлены на сушу. Этот удачливый купец, уроженец Кента, приютил их и ссудил деньгами. Беглецами были Эдуард IV и его брат Ричард. Когда же фортуна распорядилась восстановить Эдуарда на английском престоле, вернулся в Англию и Кэкстон. И первые печатные английские книги были изданы им для короля Эдуарда IV.

Грант полистал книгу, не переставая размышлять о том, как скучны, однако, исторические труды, не населенные людьми. Читатели газет знают, что бедствия всего человечества не обязательно оборачиваются бедой для отдельного человека. При известии о жуткой катастрофе у него могут поползти мурашки по спине, но вряд ли он будет потрясен до глубины души. Тысячи людей, погибшие в наводнении в Китае, — это новость. Гибель одного-единственного ребенка, утонувшего в пруду, — это трагедия. Поэтому прогресс английской нации в изложении Тэннера не вызывает бурных эмоций, но всякий раз, когда Тэннеру приходится коснуться конкретной личности, немедленно просыпается и читательский интерес. Например, вот он цитирует куски из переписки семейства Пастонов.^[9] Пастоны имели обыкновение сообщать

друг другу новости попеременно с просьбами прислать им салатного масла или написать о том, как продвигается учеба Клемента в Кембридже. Из их рассказов о всяком житье-бытье вдруг выясняется, что два маленьких мальчика по имени Георг и Ричард, прибывшие из Йорка, живут в лондонском доме Пастонов, где их ежедневно навещает брат Эдуард.

«Воистину, — подумал вдруг Грант, отложив в сторону книгу и глядя в не существующий теперь для него потолок, — воистину, ни одному из королей на английском престоле не пришлось испытать на себе столько передраг, уготованных простому смертному, сколько их испытали Эдуард IV и его брат Ричард. Ну, может быть, после них только Карл II. И то, Карл даже в бедности и в изгнании всегда оставался сыном короля, личностью особой. А два мальчика, жившие в пастоновском доме, были всего-навсего младшими детьми из семьи Йорков. Никакой особой важности они не представляли, а в те времена, когда Пастоны переписывались между собой, у них не было ни домашнего очага, ни, возможно, и будущего».

Грант полез в учебник, принадлежащий Амазонке, чтобы выяснить, с какой целью Эдуард находился в то время в Лондоне. Оказалось, он набирал себе войско. «Лондон всегда с сочувствием относился к дому Йорков, и народ с воодушевлением стекался под знамена молодого Эдуарда», — было написано в учебнике.

И вот Эдуард, восемнадцатилетний юноша, кумир столицы, накануне своих первых боевых побед находит время, чтобы ежедневно навещать младших братьев.

«Может быть, — подумал Грант, — тогда и зародилась необычная преданность Ричарда старшему брату?» Эту преданность, которой он не изменял всю свою жизнь, учебники истории не только не отрицали, но, наоборот, подчеркивали, дабы придать весомость своим конечным выводам: «До самой смерти брата Ричард во всех жизненных перипетиях оставался его верным и преданным наперсником, но соблазн овладеть короной оказался выше его». Книга для чтения по истории выразилась попроще: «Он был всегда хорошим братом Эдуарду, но как только понял, что может занять трон, жадность ожесточила его сердце».

Грант скосил глаза на портрет и подумал, что это уже слишком. Что-что, но только не жадность ожесточила Ричарда до такой степени, что он пошел на убийство. Скорее всего, книга имела в виду не жадность, а жажду... Жажду власти? Что ж, вполне вероятно. Но ведь Ричард и так обладал всей полнотой власти, какая только может присниться простому смертному. Он был братом короля, богатым человеком. Неужели одна ступенька вверх стоит того, чтобы из-за нее решиться на убийство малых детей своего брата?

Все это было в высшей степени непонятно. Грант так и сляк прикидывал в уме все детали этого дела, как вдруг в палате появилась миссис Тинкер с чистой пижамой для него и своим ежедневным обзором газетных заголовков.

Если на первой странице не было никаких сенсаций, миссис Тинкер дальше третьего заголовка не шла. Но если в газете фигурировало убийство, то она прочитывала ее с большим интересом, да еще по дороге домой покупала вечернюю газету.

Сегодня она с увлечением комментировала недавний случай в Йоркшире с отравлением мышьяком и последующей эксгумацией трупа, как вдруг внимание ее привлекла нетронутая вчерашняя газета, лежащая у изголовья Гранта рядом со стопкой книг.

— Вам нездоровится, мистер Грант? — спросила она с тревогой.

— Напротив, я чувствую себя превосходно. С чего вы это взяли?

— Вы даже не развернули свою газету. Вот так же все начиналось у моей сестры. Ее перестало интересовать, что пишут в газетах.

— Не волнуйтесь, Тинк, я иду на поправку. Даже настроение улучшилось. Я забыл о газете потому, что читаю всякие книжки по истории. Когда-нибудь слышали про юных принцев — пленников Тауэра?

— Кто ж о них не слышал!

— А помните, чем это все кончилось?

— Конечно помню. Он задушил их подушкой.

— Кто он?

— Их душегуб-дядюшка. Ричард Третий. Но с вашим здоровьем не следовало бы думать о таких вещах. Почитайте лучше о чем-нибудь приятном, веселом.

— Вы очень спешите домой, Тинк? Не могли бы вы сделать мне одолжение и зайти на Сент-Мартинз-лейн?^[10]

— Ну разумеется. Куда мне спешить? Наверное, хотите, чтобы я передала что-то мисс Холлард? Но она же будет в театре не раньше шести?

— А вы оставьте ей записку. Она получит ее, как только придет.

Грант взял блокнот и написал: «Ради всего святого, достаньте для меня „Историю Ричарда III“ Томаса Мора». Он вырвал страницу, сложил ее и надписал сверху: «Марте Холлард».

— Отдайте это старику Сэкстону, который дежурит у артистического подъезда.

— Хорошо, передам, если смогу пробиться через очередь в кассу. — Она аккуратно спрятала записку в свой якобы кожаный ридикюль с облезлыми уголками, без которого, как и без ее шляпы, представить миссис Тинкер было бы немыслимо.

Ежегодно Грант преподносил ей очередную сумку как рождественский подарок, причем каждая представляла собой произведение искусства, образец английского кожевенного ремесла. Даже Марта Холлард не отказалась бы щегольнуть такой вещицей на своих обедах «У Блага». Однако после рождества эти сумки куда-то исчезали, но, поскольку миссис Тинкер считала, что ходить в ломбард еще более позорно, чем попасть в тюрьму, то Грант не допускал и тени подозрения, что она предпочитает деньги всяким другим подаркам. Прячет, наверное, где-нибудь в дальнем ящике комода, заботливо завернутыми в ту же тонкую оберточную бумагу. Возможно, время от времени достает их, чтобы похвастаться перед кем-нибудь или просто полюбоваться самой, а может быть, просто мысль о том, что они лежат в целости и сохранности, придает ей уверенность в будущем, как других тешит мысль о деньгах, отложенных «на похороны». В следующий раз на рождество Грант непременно откроет ее старенькую, потрепанную сумку, вмещающую столько разного добра, и положит некую сумму в отделение для денег. Она, конечно, разбазарит их на всякую мелочь, так что в конечном счете сама будет недоумевать, куда они могли подеваться. Но кто знает, может быть, бисер маленьких радостей, рассыпанных по серым будням нашей жизни, приносит куда больше удовлетворения, чем обладание несметной коллекцией сокровищ, скрытой от чужого взгляда.

Она удалилась под скрип корсета и башмаков, и Грант сделал новую попытку усовершенствовать свои знания в области эволюции человеческого общества в изложении Тэннера. Это потребовало усилий, и немалых. Ни природой, ни профессией он не был приучен смотреть на человечество как на абстрактное целое. Конкретная личность, живой характер — это было его дело. Грант скользил взглядом по абзацам, полным сухой статистики, а воображение рисовало ему прячущегося в дубовой листве короля, метлу, привязанную к верхушке мачты, шотландского горца, ухватившегося за стремя мчащегося всадника. Правда, ему было приятно узнать из сочинения мистера Тэннера, что англичанин XV века пил воду только в наказание. Судя по всему, английский простолюдин времен Ричарда III вызывал зависть в Европе. Тэннер цитирует из одного французского источника того времени:

«Король Франции запрещает употреблять в пищу соль, если она не куплена у него по той цене, которую он сам установил. Солдаты его армии забирают у населения все, что им нужно, не платя ни гроша, да еще и издеваются над ним, если оно проявляет

недовольство.

Виноделы обязаны отдавать королю четвертую часть своего урожая. Городам приходится ежегодно выплачивать огромные суммы на содержание войска. Крестьяне живут в великой нужде, задавленные тяжким трудом. Они не имеют шерстяного платья. Вся их одежда состоит из безрукавки из грубой холстины и коротких, до колен, штанов. Чулок они не носят. Женщины ходят босыми. Простой народ не ест мяса, только свиное сало из супа. Благородные живут не намного лучше. Арестованные подвергаются допросу без свидетелей, а после нередко бесследно исчезают.

В Англии все иначе. Никто не имеет права входить в частный дом без разрешения на то хозяина. Король не может вводить налоги, изменять законы или издавать новые. Англичане пьют воду только в наказание. На обед у них рыба и мясо. Одеты в добротную шерстяную одежду и пользуются отличной домашней утварью. Судить англичанина можно только открытым судом».

Что ж, той Англией, с мыслью о которой Грант засыпал прошлой ночью, можно было гордиться.

Он перелистывал раздел, посвященный XV веку, надеясь увидеть хоть одно живое слово современников, которое высветило бы из тьмы прошлого какой-нибудь яркий эпизод. Но тщетно — тэннеровское писание до конца оставалось удручающе безликим. Благодаря ему можно было узнать, что единственный парламент, созванный Ричардом III, был самым либеральным и прогрессивным из всех известных парламентов, а преступления короля никак не вязались с его явным стремлением дать народу благоденствие. На этом сведения о Ричарде III кончались. Кроме Пастонов, стойко выдержавших испытания временем, автор «Систематизированной истории» не уделил внимания никому.

Книга соскользнула с груди, и рука Гранта, пошарив по одеялу, наткнулась на «Розу из Рейби».

«Роза из Рейби» относилась к разряду беллетристики и была хороша уже тем, что ее было легче держать в руках, чем «Систематизированную историю». Более того, это был вполне сносный исторический роман, типичный винегрет из исторических фактов и диалогов. Ивлин Пейн-Эллис, было ли это ее настоящее имя или нет, снабдила свою книгу портретами персонажей, их генеалогическим древом и пользовалась нормальной лексикой. Никаких там «чу!», «глядь!» и тому подобное. Это была честная попытка изложить подлинные события. Здесь они были куда более красноречивы, чем в истории Тэннера. Куда более красноречивы.

Грант отлично понимал, что лучший способ узнать человека, если о нем ничего неизвестно, — это получить сведения о его матери.

Поэтому, пока Марта добывает для него канонизированный труд праведного Томаса Мора о жизни Ричарда, его устроит биография герцогини Йоркской Сесили Невилль.

Изучив генеалогическое древо Йорков, он убедился в том, что если судьба обоих братьев — Эдуарда и Ричарда, познавших и на троне тяготы обыкновенных смертных, была уникальной, то в равной степени уникальным было и их английское происхождение. Достаточно было посмотреть на их предков: Невилли, Фитцаланы, Перси, Холланды, Мортимер, Одли, не говоря уж о Плантагенетах. Королева Елизавета гордилась тем, что она чистокровная англичанка, если англичанами считать и валлийцев. Если все коронованные особы Англии, начиная с Вильгельма Завоевателя и кончая Фермером Джорджем, ^[11] были сплошь полукровками — полуфранцузы, полуиспанцы, полудатчане, полуголландцы, полупортугальцы, то Эдуард IV и Ричард III имели на редкость безукоризненную английскую родословную. Оба были королевской крови, как с материнской, так и с отцовской стороны. Дедом Сесили Невилль был Джон Гонт, родоначальник Ланкастерского дома, третий сын Эдуарда III. Трое из пяти сыновей Эдуарда III были предками обоих герцогов Йоркских.

«Любого из рода Невиллей, — писала мисс Пейн, — встречали как важную персону, поскольку это была семья богатых землевладельцев. Любого из рода Невиллей можно было заведомо считать красавцем, поскольку все они были хороши собой. Любой из Невиллей был человеком особенным — все они выделялись своими душевными качествами и темпераментом. В Сесили Невилль все эти качества были счастливо слиты воедино. Ее называли первой Розой Севера задолго до того, как Северу пришлось выбирать между Белой и Алой Розами».

Мисс Пейн-Эллис утверждала, что брак Сесили с Ричардом Плантагенетом, герцогом Йоркским, был заключен по любви. Грант отнесся к этому с сомнением и даже фыркнул. В XV веке ежегодное рождение ребенка у супругов не говорило ни о чем другом, кроме как о плодovitости родителей. Многочисленное потомство, которое Сесиль принесла мужу, указывало на долголетие их супружества. Однако в те времена, когда женщине отводилась единственная роль — хранительницы очага, тот факт, что Сесиль Невилль сопровождала мужа во всех его поездках, давал основание предположить, что они находили общество друг друга на редкость приятным. О том, насколько часты и постоянны были их путешествия, свидетельствуют места, где появились на свет их дети. Анна, ее первая дочь, родилась в Фотерингэе, их родовом поместье в Нортгемптоншире. Умерший во младенчестве Генрих — в Хэтфилде, Эдуард — в Руане, где герцог воевал. Эдмунд и Елизавета тоже родились в Руане. Маргарет — в Фотерингэе. Джон, умерший молодым, — в Нисе, в Уэльсе. Георг — в Дублине

(не этим ли объясняется почти ирландское упрямство Георга?). Ричард тоже родился в Фотерингэе.

Итак, Сесиль Невилль не сидела в замке в Нортгемптоншире в вечном ожидании своего повелителя. Она повсюду следовала за ним, и это говорило в пользу доводов мисс Пейн-Эллис. Словом, брак этот действительно был удачным. Вот откуда у Эдуарда такая привязанность к семье: ведь он ежедневно навещал своих маленьких братьев в доме Пастонов. Да, Йорки еще до испытаний, постигших их, были сплоченной семьей.

Эта мысль пришла к Гранту, когда он, перелистывая книгу, наткнулся на письмо старших сыновей Ричарда — Эдмунда и Эдуарда. Мальчики жили и учились в замке Ладлоу и однажды в конце пасхальной недели отправили с гонцом письмо к отцу, и в котором горько жаловались на своего воспитателя, бранили его и просили Ричарда выслушать гонца Уильяма Смита, которому они поведали подробности жестокого обращения с ними. В этом сигнале бедствия, с формальной точки зрения безупречном, звучали нотки благодарности за присылку платья и огорчения, что молитвенник все еще не получен.

Дотошная мисс Пейн-Эллис пояснила, что письмо относится к коллекции рукописей Коттона, и это вселило в Гранта надежду отыскать и другие фактические сведения, без которых полицейский как без рук.

Но он нашел следующую семейную сцену:

«Ранним утром герцогиня стояла на ступеньках своего дома, освещенная нежарким, рассеянным светом лондонского декабрьского солнца, провожая мужа, брата и сына. Дирк с племянниками вывели на мощный двор лошадей, вспугнув стайку голубей и воробьев. Она увидела, как муж вскочил в седло — как всегда спокойно и основательно, — и подумала, что, несмотря на его бравый вид, можно решить, что он собрался ехать в Фотерингэй полюбоваться на новорожденных ягнят, а не отправляется воевать. Ее брат Солсбери, как все темпераментные Невилли, не скрывал нетерпения.

Она улыбалась, но в глубине души было горько. Тревожно за Эдмунда. Семнадцатилетний Эдмунд, легкоранимый юноша, почти мальчик, не знавший, что такое война, был возбужден и горд сознанием того, что его ждет первое в жизни сражение. Она не смела сказать мужу: „Береги Эдмунда“. Муж не понял бы ее, а Эдмунд, услышав эти слова, пришел бы в ярость: Эдуард всего на год старше, а уже командует армией на границе с Уэльсом, и ему пора в бой.

Она оглянулась на младших детей, выбежавших на крыльцо вслед за нею. Их было трое: Маргарет и Георг, упитанные и светловолосые, а за ними, отступая на шаг, как всегда, малыш Ричард. Его темные волосы и брови делали его похожим на чужака и в своей семье. У четырнадцатилетней растрепы Маргарет глаза на мокром месте, а Георг в досаде и обиде, что ему всего одиннадцать и он не принимает участия в сборах. На худеньком личике Ричарда не отражалось ничего, но мать-то знала, что внутренне он дрожит, как струна.

Зацокали копыта скользящих по мощеному двору лошадей, зазвенели доспехи, и три всадника выехали за ворота, где их ждали слуги. Дети на крыльце запрыгали, закричали и замахали руками.

Сесиль, не раз в своей жизни провожавшая мужчин на войну, вернулась в дом, чувствуя незнакомую прежде тяжесть в груди. Она не могла отделаться от вопроса, мучившего ее: „Кто из них не вернется?“

При всем своем воображении она не могла допустить ужасной мысли, что не

вернутся все трое. Что она видит их в последний раз. Что меньше чем через год голова ее мужа, увенчанная бумажной короной, будет выставлена на позор над Микльгейтскими воротами Йорка, а головы брата и сына — над двумя другими».

Конечно, это был художественный вымысел, но портрет Ричарда, темноволосого мальчика, казавшегося чужаком в своей семье, заставил Гранта задуматься. Он забыл о Сесили Невилль и стал искать в тексте, нет ли еще каких-нибудь упоминаний о Ричарде. Но мисс Пейн-Эллис не очень-то занимал поскребыш Ричард. Ее увлекала эффектная фигура первенца Эдуарда. Вместе с кузеном Уориком, сыном Солсбери, он одержал победу в битве при Тоутоне и, хотя память о зверстве Ланкастеров была еще жива, проявил к ним милосердие, столь типичное для него в будущем.

Его короновали в Вестминстерском аббатстве, а двум его маленьким братьям, вернувшимся из ссылки в Утрехте, были даны титулы герцога Кларенса и герцога Глостера. Эдуард торжественно похоронил отца и брата Эдмунда в приходской церкви в Фотерингэе. Ричард, которому исполнилось тринадцать, сопровождал траурную процессию на всем пути от Йоркшира. Всего шесть лет прошло с тех пор, когда он с матерью, сестрой и братом стоял на ступенях лондонского дворца Бейнард Касл, провожая их на войну.

Следующий раз Ричард появится на страницах книги лишь спустя несколько лет после коронации Эдуарда. В то время он вместе с двоюродными братьями Невиллями проводил годы ученья в Миддлхэме, в графстве Йоркшир.

«Когда Ричард пересек Венслидейлские болота, открытые солнцу и ветрам, и въехал во двор замка, его охватило беспокойство. Стража у подъездных ворот галдела и, завидев его, затихла. В полном молчании он пересек двор, где в этот час дня обычно царило оживление. Близилось время ужина, и все обитатели Миддлхэма уже должны были вернуться в замок, оставив свои занятия, как сейчас вернулся с соколиной охоты он к вечернему столу. Тишина и пустота вокруг были необычными. Он соскочил с коня и повел его в конюшню, но передать поводья было некому. Когда он расседлывал лошадь, заметил в соседнем стойле незнакомого ему загнанного гнедого жеребца.

Ричард вытер потную спину своего коня, накрыл его попоной и принес свежего сена и воды, все еще раздумывая над появлением незнакомого жеребца и непонятной тишиной во дворе замка. Переступив порог дома, он различил голоса, доносившиеся из глубины главного зала. Подумал, не узнать ли, в чем дело, прежде чем отправиться на свою половину. Пока он размышлял, с верхней площадки лестницы послышался легкий шепот. Он поднял голову и увидел троюродную сестру Анну, которая перегнулась через перила, свесив вниз толстые, как канаты, белокурые косы.

— Ричард, — зашептала она чуть слышно. — Ты уже знаешь?

Он приблизился к ней, а она схватила его за руку и потащила вверх в их классную комнату в башне.

— В чем дело? — спрашивал он, пытаясь удержаться на месте. — Что случилось, чего ты не можешь рассказать мне здесь?

Она втащила его в классную и захлопнула за собой дверь.

— Эдуард!

— Что случилось? Он заболел?

— Нет! Попал в историю.

— Уф, — облегченно выдохнул Ричард. Истории Эдуарда были делом обычным. — Что на этот раз? Новая любовница?

— Гораздо хуже! Хуже не бывает. Он женился!

— Женился? — Это звучало так нелепо, что Ричард был спокоен. — Не может быть.

— Может. Мы узнали об этом час назад.

— Он никак не мог жениться, — запротестовал Ричард. — Женильба короля — дело долгое. Нужны контракты, соглашения. Кажется, и парламент должен вынести решение. Почему ты думаешь, что он женился?

— Дело не в том, что я думаю, — Анна теряла терпение от трезвых рассуждений Ричарда. — Послушай, о чем они там спорят в большом зале.

— Анна, неужели ты подслушивала?

— О, не притворяйся пайнкой. Не надо было особенно напрягаться, их и с того берега слышно. Он женился на леди Грей!

— Леди Грей? Из Гроуби?

— Да.

— Не может этого быть. У нее двое детей, и она стара для него.

— Она на пять лет старше Эдуарда и очень красивая, сама слышала.

— Когда это случилось?

— Пять месяцев назад. Они обвенчались тайно в Нортгемптоншире.

— А я-то думал, что он женится на сестре французского короля.

— Но ведь мой отец, — сказала Анна, — тоже так думал.

— Да, да, он сейчас, должно быть, чувствует большую неловкость после всех переговоров, которые вел.

— Гонец из Лондона рассказал, что он просто вне себя. Дело даже не в том, что его одурачили. У нее, кажется, целая армия родственников, и он ненавидит их всех до единого.

— Он, наверное, обезумел... — В глазах Ричарда, боготворившего Эдуарда, все, что бы тот ни делал, было разумным. Но эта нелепая выходка могла быть только следствием безумия. — Мама не вынесет этого, — сказал он и подумал о том, как мужественно вела себя мать, когда убили отца и Эдмунда, а Ланкастерское войско подошло почти к воротам Лондона. Она не плакала, не замкнулась в себе. Она распоряжалась, собирая его и Георга в Утрехт так, будто просто отправляла детей на учебу. Могло ведь случиться, что они никогда не увидятся, но она спокойно и без слез следила за тем, чтобы их одели потеплее, ведь им предстояло зимой пересечь Ла-Манш.

Перенесет ли она еще один удар? Какая убийственная глупость, поразительное недомыслие!

— Бедная тетя Сесиль, — голос Анны был печален. — Как мог Эдуард так жестоко обойтись со всеми? Чудовищно.

Но Ричарду Эдуард все еще казался непогрешимым. Поступить таким образом он мог, если заболел или если его околдовали. Пусть Эдуард по-прежнему рассчитывает на него, «С годами его безграничная преданность брату стала более осмысленной».

Далее речь пошла о перипетиях, пережитых Сесилью Невилль, и о ее попытках примирить Эдуарда — счастливого, но терзаемого муками совести — и своего племянника Уорика, взбешенного сверх всякой меры. Следовало также подробное описание добродетелей златокудрой красавицы, добившейся успеха там, где терпели неудачу ее более кроткие предшественницы, и ее коронования в Редингском аббатстве. К трону ее пришлось вести

Уорику, которому было не по нутру видеть целый сонм Вудвиллей, не желающих пропустить момент, когда их сестру Елизавету нарекут королевой Англии.

В следующий раз Ричард появляется, когда он отплывает из Линна без гроша в кармане на голландском корабле, оказавшемся под рукой в нужный момент. Вместе с ним его брат Эдуард, друг лорд Гастингс и несколько их сторонников. У них нет ничего, кроме одежды, и после короткой перебранки капитан корабля соглашается принять отороченный мехом плащ Эдуарда вместо платы за проезд.

Уорик в какой-то момент решает, что он больше не в состоянии выносить Вудвиллей. Он помог Эдуарду взойти на трон, с таким же успехом он может и ссадить его. Для достижения этой цели к его услугам целый выводок братьев Невиллей и, как ни странно, брат короля Георг. Последний решил, что половина всех земель Монтегю, Невиллей и Бичемов в качестве приданого за дочерью Уорика Изабеллой стоит предательства. Через одиннадцать дней Уорик — ко всеобщему изумлению — становится хозяином Англии, а Эдуарду и Ричарду тем временем приходится месить октябрьскую грязь от Алкмаара до Гааги.

С этого момента Ричард уходит на задний план. Влачит жалкое существование в Брюгге. Гостит у Маргарет в Бургундии — той самой Маргарет, которая стояла с ним и Георгом на ступеньках Бейнард Касл и плакала, провожая отца. Маргарет стала теперь герцогиней Бургундской. Хорошая душа, огорченная и раздосадованная поведением Георга, она собирала средства для поддержки двух других, более достойных братьев. Но даже мисс Пейн-Эллис, поглощенная судьбой великолепного Эдуарда, не смогла не упомянуть, что снаряжение кораблей, нанятых на средства Маргарет, пало на плечи Ричарда. А ему в ту пору не было еще и восемнадцати. И когда Эдуард с жалкой горсткой сторонников снова оказался на английской земле лицом к лицу с армией Георга, не кто иной, как Ричард, отправился в лагерь брата и уговорил его ради Маргарет заключить с ним союз и вместе пойти на Лондон.

Грант подумал, что это не было таким уж трудным делом. Георга можно было склонить к чему угодно.

Не успел Грант дочитать «Розу из Рейби», поддавшись соблазну художественного вымысла, как на следующее утро, часов в одиннадцать, прибыл пакет от Марты с более серьезным чтением — «Историей Ричарда III» сэра Томаса Мора.

К книге была приложена записка. На отличной бумаге размашистым почерком было написано:

«Сожалею, что не успела забежать к тебе сама. Занята безумно. Томаса Мора нет ни в одном книжном магазине. Пришлось обратиться в библиотеку. Почему мы так редко пользуемся библиотеками? Это предубеждение против засаленных страниц. Надеюсь, это не отобьет у тебя охоту к чтению. Можно держать две недели. Звучит как приговор, да? Вероятно, интерес к горбуну означает, что ты спрятал свои колючки. До скорого.

Марта».

Книга и впрямь выглядела опрятной, хотя далеко не новой. Но ни шрифт, ни расположение текста не были такими аппетитными, как у «Розы». Тем не менее Грант с жаром принялся за нее. Тут все касалось только Ричарда III, так сказать, сведения из первых рук.

Он опомнился только через час, испытывая некоторое недоумение и неловкость. Не содержание и не факты изумили его. Он не ожидал от сэра Томаса такого стиля:

«Он плохо спал по ночам, долго лежал с открытыми глазами, думал об одном и том же, порой впадая в забытие. Так и беспокойное сердце его то бешено стучало, то замирало, когда перед ним вставали кошмарные картины его ужасных деяний».

Это было еще полбеды. Когда Грант прочел, что об этом Мору поведали под строжайшим секретом дворцовые слуги, его так и передернуло. Потянуло вдруг кухонными сплетнями. Подобный рассказ, услышанный из злорадных уст, невольно настраивает на сочувствие к несчастной жертве ночных кошмаров. Убийца начинает казаться благороднее того, кто пишет о нем.

Что-то тут было неладно. Такое ощущение Грант испытывал не раз при допросе свидетеля, без запинки излагающего версию, полную сомнительных подробностей. Вот что вызывало недоумение. Действительно, можно ли сомневаться в подлинности воспоминаний Томаса Мора, на протяжении четырех столетий славившегося своей правдивостью?

Образ Ричарда в записках Мора вполне совпадал с представлением о нем старшей сестры больницы. Человек крайне нервный, способный совершить злодеяние и испытывать невыносимые страдания. Он не знал покоя, не чувствовал себя в безопасности. Глаза его постоянно бегали, тело тайно защищала броня, рука всегда лежала на рукояти кинжала. Его внешний вид и манеры выдавали в нем человека, всегда готового к ответному удару.

И, разумеется, не обошлось без драматической или, лучше сказать, истеричной сцены, которую Грант помнил, как всякий другой, еще со школьной скамьи. Заседание Тайного совета в Тауэре, на которой Ричард заявил о своем праве на трон. С вызовом спрашивает он у Гастингса, какая судьба ждет человека, замышлявшего убийство лорда-протектора. Бросает абсурдные обвинения жене Эдуарда и его любовнице Джейн Шор в том, что они напустили на него порчу, из-за чего у него высохла рука. В бешенстве ударом кулака он разбивает в щепки стол, и по условному знаку в зал врываются вооруженные люди Ричарда и хватают лорда

Гастингса, лорда Стенли и епископа Илийского Джона Мортонна. Волокит Гастингса во двор и отрубает ему голову, не позволив исповедаться.

Таков портрет человека, который дает волю ярости, страху и мести, а затем раскаивается в совершенном.

Но, оказывается, он способен и на обдуманые поступки. По его наущению некий доктор Шей, брат лорд-мэра Лондона, сказал с амвона следующие слова: «Не пустить корней побочным росткам». Этим доктор Шей намекал на то, что Эдуард и Георг прижиты герцогиней Йоркской от неизвестного отца и что Ричард единственный законный наследник герцога и герцогини Йоркской.

Утверждение было по сути столь нелепым, что это место Грант перечитал несколько раз. Но ошибки не было. Ричард публично, корысти ради опозорил собственную мать. Так написано у Томаса Мора, а уж ему лучше знать. Кому-кому, а Томасу Мору, лорд-канцлеру Англии, доподлинно известно, каким источникам следует доверять.

Мать Ричарда, как сказано у Мора, горько сетовала на сына, запятнавшего ее честь. «Что ж, ее можно понять», — подумал Грант.

Что же касается доктора Шея, то его замучила совесть. Зачах прямо на глазах.

«Не иначе, удар хватил, — заключил Грант. — Стоит ли удивляться? Нагло солгать перед всем честным народом. Такое даром не проходит».

История маленьких принцев — пленников Тауэра у Томаса Мора была изложена так же, как и в школьном учебнике, с той разницей, что она содержала более мелкие подробности. Ричард намекнул констеблю Тауэра Роберту Блэкенбери, что неплохо было бы покончить с принцами, но тот не захотел в этом участвовать. Ричард не предпринимал никаких шагов, пока, совершая свою коронационную поездку по Англии, не доехал до Уорика, и только тогда послал в Лондон Тиррела, который имел разрешение получить ключи Тауэра на одну ночь. В эту ночь два головореза — конюх Дайтон и смотритель тюрьмы Форрест и задушили мальчиков.

Тут в палату вошла Пигалица с обедом и забрала у Гранта книжку, и ему ничего не оставалось, как, ковыряя вилкой запеканку по-пастушьи, размышлять о внешности человека, место которому на скамье подсудимых. О преданном и терпеливом младшем брате, превратившемся в монстра.

Когда Пигалица вернулась, чтобы забрать посуду, он сказал:

— Знаете, Ричард Третий в свое время пользовался большой популярностью. Прежде чем взойшел на трон, конечно.

Но Пигалица с недоверием взглянула на портрет:

— А мне так кажется, что он ждал своего часа, как змея в траве. Ловчил и выжидал.

«Чего же он выжидал? — недоумевал Грант, слыша, как стучат по коридору ее каблучки. — Откуда ему было знать, что его брат Эдуард так внезапно скончается, не дожив до сорока. Не мог он предвидеть и того (даже зная его с детства), что предательство Георга лишит его детей права наследовать престол. Какой смысл ему было „выжидать“, если впереди ничего не светило. Добродетельная красавица с золотыми кудрями оказалась превосходной супругой королю, если не считать ее неумеренной любви к родственникам, принесшей большое потомство, в том числе двух мальчиков. Все это потомство, а также Георг со своими двумя детьми стояли между Ричардом и тронем. Какой был интерес ему, по горло занятому делами управления Севером да еще кампанией против Шотландии (успешной, причем), „ловчить и выжидать“? Что должно было изменить его в корне за такое короткое время?»

Грант взял в руки «Розу из Рейби», любопытствуя, нет ли у мисс Пейн-Эллис каких-либо намеков на то, почему произошла такая неприятная метаморфоза с младшим сыном Сесили Невилль. Но лукавая авторша обошла этот вопрос молчанием. Она не хотела никого огорчать.

Если придерживаться логики, то оказалось бы, что история эта кончается трагедией, а порок остался ненаказанным. Посему она завершила ее на мажорной ноте, описывая в последней главе выход в свет юной Елизаветы, старшей из детей Эдуарда. Это избавило ее от необходимости упоминать о трагической смерти маленьких братьев Елизаветы, о поражении Ричарда и его гибели на поле боя.

Книжка заканчивалась сценой королевского бала, на котором раскрасневшаяся и счастливая Елизавета, очаровательная в своем белом платье, впервые надев жемчуга, танцует не жалея туфельек, как сказочная принцесса. Ричард в сопровождении Анны и сына прибыл из Миддлхэма специально для этого случая. Ни Георга, ни его жены Изабеллы среди гостей не было. Изабелла умерла в родах много лет назад, забытая всеми и не оплаканная Георгом, умершим тоже в одиночестве. Вся жизнь Георга представляла собой цепь самых неожиданных, безумных поступков, что давало его родным право восклицать: «Какой кошмар! Даже Георг не мог до такого додуматься». Тем не менее Георг не переставал удивлять даже их. Предела его выходкам, кажется, не было.

Его падение, по-видимому, началось еще со времен его первой измены вкуче с тестем Уориком, объявившим Георга наследником полоумного бедняги Генриха VI, которого Уорик посадил на трон в пику своему кузену Эдуарду. Однако надежды Уорика увидеть свою дочь королевой, а также виды Георга на престол пошли прахом. Однажды ночью Ричард прибыл к Ланкастерам для переговоров с Георгом. Сознание собственной значительности отравило дальнейшее существование природного сладкоежки. С тех пор вся семья только и делала, что пыталась удержать Георга от всевозможных эскапад и расхлебывала последствия его очередной выходки. Когда умерла Изабелла, он вообразил, что ее отравила одна из камеристок, а другая якобы отравила его новорожденного сына. Эдуард счел, что дело заслуживает судебного разбирательства, и подписал распоряжение, но к этому времени Георг успел, заручившись скорым приговором нижестоящего суда, повесить обеих. Взбешенный Эдуард наказал его, предав суду по обвинению в измене двух его приближенных. Но Георг, вместо того чтобы понять эту меру как предупреждение, стал уверять, что казнь камеристок была судебной ошибкой, и с видом оскорбленного величия распространял повсюду эту историю.

Затем он пожелал жениться на богатейшей невесте Европы — юной Марии Бургундской, падчерице своей сестры Маргарет. Добросердечная Маргарет была не прочь, чтобы ее брат воцарился в Бургундии, но Эдуард решил, что Максимилиан Австрийский составит ей лучшую партию, и Георг был посрамлен.

Когда бургундская интрига лопнула, вся семья надеялась, что он наконец угомонится. Как ни говори, а Георгу принадлежала половина всех владений Невиллей и ему не было нужды жениться вторично ради состояния или для продолжения рода. Но Георг вознамерился жениться на сестре короля Шотландии Якова III.

В конце концов его мания величия достигла такой степени, что он стал вести тайные переговоры с представителями иностранных дворов, пренебрегая парламентским биллем, согласно которому он мог претендовать на престол только после Генриха VI. Тогда был созван новый парламент, который оказался куда менее снисходительным. Последовавшее за этим слушание вошло в историю главным образом благодаря бурной перепалке, вспыхнувшей между братьями Эдуардом и Георгом, но после постановления парламента о лишении последнего престолонаследия и имущественных прав все застопорилось. Одно дело лишить Георга прав на наследование, другое — казнить его. Время шло, а исполнение приговора затягивалось, и палата общин послала напоминание. А на следующий день было объявлено, что Георг, герцог Кларенс, скончался в Тауэре.

«Утоп в винной бочке», — говорили лондонцы. Так приговор, вынесенный пьянице

лондонским простонародьем, обессмертил ничтожного Георга.

Итак, Георг отсутствует на балу в Вестминстере, а мисс Пейн-Эллис в заключительной главе представляет свою героиню Сесиль Невилль в роли бабушки многочисленных внуков. Пусть Георг умер опозоренным и вместе с ним похоронены старые дружеские связи, но после него остался сын, молодой Уорик, красивый и статный парень, а Маргарет в свои десять лет уже обещала стать красавицей, как все женщины из рода Невиллей. Пусть Эдмунд погиб на поле брани в семнадцать лет, на пороге жизни, но словно в противовес этой несправедливости выросло и окрепло ее хрупкое дитя, которого она и не чаяла поднять, а теперь и у Ричарда растет смена. В свои двадцать с небольшим он все еще казался тщедушным, готовым переломиться надвое, но на самом деле он был крепок, как вересковый корень. Может быть, и его сынок станет таким же нестигаемым, как отец. Что касается Эдуарда, белокурого гиганта Эдуарда, то излишняя полнота, может быть, его и не украшает, а его добродушие граничит с ленью, но зато его два маленьких сына и пять дочек унаследовали сильные стороны характера и привлекательную внешность предков с обеих сторон.

Как любая бабушка, Сесиль имеет право гордиться внуками, но как королева-мать она обязана видеть в них залог будущего. Английская корона надолго останется в надежных руках Йорков.

Если бы кому-нибудь из присутствующих на этом балу удалось заглянуть в будущее через магический кристалл и сказать Сесили, что через четыре года прервется не только линия Йорков, но и вся династия Плантагенетов исчезнет без следа, она подумала бы, что перед ней сумасшедший или предатель.

Мисс Пейн-Эллис не скрывала, что на балу в Вестминстере было больше всего гостей из клана Вудвиллей.

«Она обвела взглядом зал и подумала, что предпочла бы, чтобы жена ее сына Елизавета была менее привязана к своей родне или чтобы эта родня не была столь многочисленной. Немногие надеялись, что брак с Елизаветой Вудвилль окажется столь удачным. Женой она была превосходной. Но ее окружение вызывало опасение. Воспитание обоих мальчиков наверняка перейдет в руки ее старшего брата Риверса, который, хотя и чересчур самонадеян и любит покрасоваться, как все нувориши, однако вполне культурный человек, чтобы доверить ему воспитание детей, пока они учатся в Ладлоу. Остальные — четыре брата, семь сестер да еще два сына от ее первого брака вот-вот переполнят ярмарку женихов и невест.

От внимательного взгляда Сесили не ускользнули ни стайки детей, играющих в жмурки, ни толпа взрослых вокруг стола с едой. Тут были и Анна Вудвилль (замужем за наследником графа Эссекса), и Элеонора Вудвилль, жена наследника графа Кента. Маргарет Вудвилль, жена наследника графа Арундела, и сестра Екатерина (замужем за герцогом Букингемским). Тут были Жакетта, выданная за лорда Стрэнджа, Мэри, жена наследника лорда Герберта. Здесь и Джон Вудвилль, женатый (ко всеобщему стыду) на вдове графа Норфолка, которая годится ему в бабушки. Приток свежей крови в старинный род — хорошее дело, такое бывало и раньше, но хорошо ли, когда этот приток так внезапен и обилен и поступает только из одного источника. Политический организм страны переживает в это время нечто вроде лихорадки. Иностранное тело приживается с трудом. Обо всем этом можно было только сожалеть. Со временем новая кровь придаст силы организму, и все успокоится. Эдуард при всем своем прекраснодушии — трезвый и расчетливый политик. Он долго еще будет крепко держать руль, как делал это предыдущие двадцать лет. Никто еще не управляет

Англией деспотичней его, но зато и не было правителя более умелого, чем этот утонченный любитель развлечений и женщин. Со временем все образуется.

Королева-мать уже поднялась было с кресла, чтобы присоединиться к общей беседе (не дай Бог, кто-то подумает, что она чего-то не одобряет или кого-то сторонится), как вдруг ее внучка Елизавета, со смехом вырвавшаяся из толпы сверстников, отдуваясь от бега, хлопнулась на сиденье рядом с ней.

— Я уже не маленькая, чтобы играть в эти игры, — проговорила она, переводя дыхание. — Так и платье порвать можно. Тебе нравится мое платье, бабушка? Еле выпросила у папы. Пытался убедить меня, что мое палевое атласное еще вполне сойдет. То самое, что я надевала еще к приезду тети Маргарет из Бургундии. Нет ничего хуже отца, который замечает, кто во что одет. У него слишком хорошая память. А ты слышала, что дофин Франции отказался от сватовства? Отец ужасно переживает, а я так счастлива. Даже поставила десять свечек святой Екатерине. Все свои сбережения потратила. Не хочу уезжать из Англии. Бабушка, сделай так, чтобы я никогда-никогда не уезжала из Англии!

Сесиль, улыбаясь, пообещала, что сделает все, что от нее зависит.

— Старая гадалка Энкарет говорит, что я стану королевой. Но раз принцы не сватаются ко мне, как же я могу стать королевой? — помолчав, понизила голос: — Быть, говорит, тебе королевой Англии. Опять, наверное, хлебнула лишнего».

Со стороны мисс Пейн-Эллис было нечестно и нехудожественно намекать на то, что Елизавету ждет судьба жены Генриха VII, не поведав о том, какие неблагоприятные события этому предшествовали. Если она считала, что читателю и так известно, что Елизавета станет женой первого короля из династии Тюдоров, то она должна была понимать, что ему известно и об убийстве ее маленьких братьев. Итак, напоминание о преступлении легкой тенью задело праздник, которым писательница решила завершить свой роман.

И все-таки она потрудилась не зря. Когда-нибудь Грант еще вернется к этой книге и прочитает те места, которые пока намеренно пропустил.

Грант выключил лампу на ночном столике и уже стал было засыпать, как вдруг его внутренний голос явственно произнес: «Но ведь Томас Мор — это Генрих VIII». Сон как рукой сняло. Грант снова включил свет.

Смысл этой фразы состоял, конечно, не в том, что Томас Мор и Генрих VIII — одно и то же лицо, а в том, что Томас Мор относится к эпохе правления Генриха VIII, если пользоваться общепринятой схемой.

Грант лежал, глядя на светлое пятно от лампы на потолке, и рассуждал сам с собой. Если Томас Мор был канцлером при дворе Генриха VIII, значит, он пережил двух королей — Генриха VII и Ричарда III. Что-то тут было не так. Он снова открыл «Историю Ричарда III». Прежде он не счел нужным читать предисловие, в котором была приведена краткая биография Мора. Но сейчас ему захотелось узнать, каким образом Мору удалось быть одновременно биографом Ричарда III и канцлером Генриха VIII. Сколько лет было Мору, когда Ричард сел на трон? Оказалось, пять лет!

Ему было пять, когда в Тауэре разразилась драма в Тайном совете, и всего восемь, когда Ричард погиб при Босворте.

Значит, его история написана на основании слухов. Слухи — это то самое слово, которое следователь ненавидит больше всего на свете. Особенно в свидетельских показаниях. Его так и передернуло от отвращения. Он отшвырнул от себя книгу, забыв, что это библиотечная собственность, данная ему на две недели.

Мор никак не мог знать Ричарда III. Он стал взрослым человеком уже при Тюдорах. И эта книга считается настольной книгой историков! Из нее черпал сведения Холиншед, Шекспир пользовался ею как первоисточником. И хотя Мор был убежденным человеком, верить ему можно не больше, чем рассказу бывалого охотника. «Святая правда», записанная со слов третьего лица! Рассказ Мора, при всей его мудрости и достойной восхищения честности, нельзя считать свидетельством очевидца. Грант был слишком опытен, чтобы поверить одному человеку, пересказывающему слова другого человека о том, что, помнится, кто-то видел или что-то слышал.

Его возмущению не было предела.

Прежде всего следует добыть хронику недолгого правления Ричарда III. Томас Мор может отправляться в библиотеку хоть завтра. Конечно, Томас Мор — великий мыслитель и мученик, но ему, Алену Гранту, этого мало. Он лично знал таких мыслителей, готовых поверить всякой бессмыслице, от которой покраснеет даже закоренелый преступник. Он знал таких знатоков эволюции человеческого духа, которых ничего не стоило обвести вокруг пальца любому мошеннику только потому, что он «полагался на собственные суждения», а не на сведения полиции. Так что для него, Алена Гранта, Мор уже не существовал. Завтра он все начнет сызнова.

Он заснул, так и не остыв от возмущения, а проснувшись, все еще продолжал кипятиться.

Как только крупная фигура Амазонки возникла в дверях, Грант набросился на нее:

— Оказывается, ваш Томас Мор ничего не знал о Ричарде Третьем.

От неожиданности она вздрогнула, испуганная не столько этой новостью, сколько свирепым видом пациента. Казалось, еще одно необдуманное слово Гранта, и она расплачется.

— То есть как это «не знал»? — запротестовала она. — Он ведь жил в то время.

— Ему было всего восемь лет, когда Ричард умер, — неумолимо продолжал Грант. — Он знал обо всем только по рассказам других. Как я или вы, например. Никакого основания для священного трепета перед «Историей Ричарда III» Томаса Мора нет. Все это сказки и сплошное надувательство.

— Вы, наверное, плохо себя чувствуете? Может быть, у вас повысилась температура? — Амазонка сделала озабоченное лицо.

— Температуру не мерил, а вот давление явно скакнуло вверх.

— Вот беда-то, — захохла Амазонка, приняв его слова за чистую монету. — А ведь дело шло на поправку. Сестра Ингэм очень расстроится. Она все не могла нарадоваться.

Для Гранта было неожиданностью узнать, что Пигалица могла радоваться по такому поводу, но это несколько его не успокоило. Теперь он сделает все, чтобы температура действительно повысилась, лишь бы насолить Пигалице.

Только утренний визит Марты отвлек его от попытки еще раз испытать силу разума над материей. Марта, видимо, пеклась о поддержании его духа так же сильно, как Пигалица — о его физическом выздоровлении. Ее порадовало, что время, потраченное ею и Джеймсом в гравюрном отделе, не пропало даром.

— Значит, ты остановился на Перкине Уорбеке?^[12]

— При чем тут Уорбек? Скажи, зачем ты принесла мне портрет Ричарда Третьего? Разве с ним связана какая-то тайна?

— Нет, просто мы прихватили его заодно с Уорбеком. Нет-нет, стой-ка... Вспомнила. Это Джеймс нашел его и сказал: «Вот это для него находка! Самый известный в истории убийца, а смахивает на святого».

— Святого? — воскликнул Грант, но тут же замолчал, подыскивая нужное слово. — Совестьливого, — проговорил он наконец.

— Что ты сказал?

— Так, ничего. Просто вспомнил свое первое впечатление о нем. А ты тоже считаешь, что он похож на святого?

Марта взглянула на фотографию, прислоненную к стопке книг.

— Мне не видно, свет мешает, — сказала она и взяла в руки, чтобы разглядеть вблизи.

В этот момент у Гранта мелькнула мысль, что и для Марты, как и для сержанта Вильямса, изучение внешности человека — дело профессиональное. Изгиб бровей, линия губ ей говорят столь же много, как и Вильямсу. Да и сама она, готовясь к роли, думает прежде всего о том, какое лицо у ее героини.

— Сестра Ингэм считает Ричарда скучным. Сестра Даррол не может на него смотреть без ужаса. Доктор подозревает, что он жертва полиомиелита. Сержант Вильямс убежден, что он вылитый судья. А старшая сестра уверяет, что он человек, терзаемый муками совести.

Марта продолжала молча изучать портрет. Потом вдруг сказала: «Вот странно! На первый взгляд кажется, что это злобный и подозрительный человек. К тому же самодур. Потом это впечатление пропадает и до тебя доходит, что выражение лица у него спокойное. Совершенно спокойное и доброе лицо. Возможно, Джеймс это и имел в виду, когда сказал, что он „смахивает на святого“».

— Нет, нет. Не думаю. Наверное, он имел в виду его готовность к покаянию.

— Что бы там ни было, я считаю, что это интересное лицо. Не просто случайная комбинация из органов зрения, дыхания, приема пищи. Чудесное лицо. Кое-где подправить — и вылитый Лоренцо Великолепный.

— А вдруг это и есть Лоренцо? Что, если мы ведем речь вовсе не о том человеке?

— Ну нет. Как ты мог это подумать?

— Очень просто: лицо не соответствует историческим фактам. К тому же за это время картины столько раз меняли место.

— Ну, разумеется, такое случалось не раз. Но этот — уж точно Ричард. Его предполагаемый оригинал висит в Виндзорском замке. Так Джеймс сказал. Он включен в описание имущества, сделанную еще при жизни Генриха Восьмого, так что он провисел там около четырехсот лет. Копии находятся в Хэтфилде и Элбери.

— Пусть будет Ричард, — смирился Грант, — я просто ничего не понимаю в лицах. У тебя нет знакомых в Б. М.?

— В Британском музее? — переспросила Марта (ее мысли были все еще заняты портретом). — Что-то не припомню. Я была там всего один раз, чтобы посмотреть на египетские ювелирные украшения, когда я играла Клеопатру с Джеффри. Кстати, ты видел Джеффри в роли Антония? Это был благороднейший из Антониев. Мне там становится как-то не по себе. Среди этих накопленных веками богатств чувствуешь себя как под звездным куполом — маленькой и ничтожной. А что тебе понадобилось в Б. М.?

— Мне нужны кое-какие исторические материалы времен Ричарда Третьего. Первоисточники.

— Ты хочешь сказать, что преподобный Томас Мор тебя не устраивает?

— Преподобный сэр Томас не более чем старый сплетник, — отозвался Грант не без злобы. Уж очень невзлюбил он всеми обожаемого Мора.

— Подумать только! А в библиотеке все говорили о нем с таким глубоким почтением. Житие Ричарда Третьего от св. Томаса, вы только подумайте!

— Никакое не житие, — резко оборвал ее Грант. — Он жил при Тюдорах и пересказывал с чьих-то слов то, что происходило в Англии времен Плантагенетов, когда ему самому было пять лет.

— Всего пять лет?

— Конечно.

— Бог ты мой! Какой уж там первоисточник.

— Ну можно ли верить его басням? К тому же он из неприятельского лагеря. Если он служил Тюдорам, то его сведения о Ричарде Третьем заведомо должны быть полны предрассудков.

— Пожалуй, ты прав. А что ты хочешь узнать о Ричарде, если за ним нет никакой тайны?

— Хочется знать, что он собой представлял. Для меня это пока остается глубочайшей тайной. Что заставило его так внезапно перемениться? До смерти брата он вел себя, можно сказать, идеально. Был так ему предан.

— Наверное, искушение достичь верховной власти слишком велико.

— До совершеннолетия принца он оставался регентом. Протектором Англии. Учитывая его прежний образ жизни, казалось, этого для него было достаточно. Чем плохо быть опекуном сыновей брата и управлять Англией?

— Допустим, старший был несносным мальчишкой, и ему вздумалось «вздрючить» его. Мы всегда считаем, что жертвы должны быть абсолютно ни в чем не виновны. Вроде Иосифа Прекрасного. На самом деле по нему наверняка давно тюрьма плакала. Молодой Эдуард в конце концов мог и сам просить, чтобы его устранили.

— Их было двое, — напомнил Грант.

— Ах, да! Конечно, тут нет оправдания. Какое варварство! Бедные кудрявые барашки! Кстати, о кудрявых барашках...

— Ну, ну!

— Просто к слову пришлось. Кое-что вспомнила.

— Что именно?

— Нет, не скажу, чтобы не сорвалось. Я побежала.

— Сумела-таки обворожить Мадлен Марч и уговорить ее написать для тебя пьесу?

— Договор еще не подписан, но мне кажется, она уже клюнула. До свидания, дорогой. Скоро забегу к тебе.

Она вышла из палаты и заторопилась, наткнувшись на пылающую Амазонку, а Грант напрочь забыл о барашках, пока на следующий вечер один из них не оказался прямо перед его носом. Барашек был в роговых очках, которые не разрушали образ, а, наоборот, подчеркивали его. Перед этим Грант блаженно дремал, чего с ним давно уже не случалось. Старшая сестра была права: история — отличное средство, заставляющее видеть вещи в их истинном свете.

Стук в дверь был еле слышен, и Грант решил, что ему померещилось, ведь обычно в больницах не стесняются стучать в дверь. Но он, помимо воли, сказал вдруг: «Войдите!» Дверь открылась и впустила существо, в котором Грант не мог не узнать того самого барашка, о котором говорила Марта. Он не сумел удержаться от громкого смеха.

Молодой человек смутился и, неуверенно улыбаясь, поправил очки длинным указательным пальцем. Осторожно кашлянув, произнес:

— Мистер Грант? Я — Каррадин, Brent Каррадин. Надеюсь, я вас не разбудил?

— Нет, нет, мистер Каррадин. Рад видеть вас.

— Меня прислала к вам Марта, то есть мисс Холлард. Я, кажется, мог бы вам чем-то быть полезен?

— Она вам все рассказала? Прошу вас, садитесь. Стул там, в коридоре. Несите его сюда.

Это был высокий парень с копной кудрявых светлых волос над высоким, открытым лбом. На нем было широченное твидовое пальто без пояса, падающее свободными складками, какие носят американцы. Да и без того было ясно, что он американец. Он приволок стул, уселся на него, и складки пальто облили его плечи наподобие королевской мантии. Парень смотрел на Гранта добрыми карими глазами, обаяние которых не могла скрыть даже толстая роговая оправа очков.

— Марта сказала мне, что вам надо помочь что-то разыскать.

— А вы что, в этих делах собаку съели?

— Я, собственно, занимаюсь здесь, в Лондоне, розысками в исторических архивах. Зная, что по утрам я работаю в Британском музее, она сообщила мне, что у вас могут возникнуть кое-какие вопросы, касающиеся этой области. Я рад, мистер Грант, помочь вам, чем могу.

— Очень любезно с вашей стороны. Я искренне тронут. А над чем вы работаете? То есть какая у вас тема?

— Крестьянское восстание.

— О, время Ричарда Второго.

— Именно.

— Вам хотелось бы знать, какова была социальная обстановка?

По лицу молодого человека промелькнула загадочная улыбка, и он сказал:

— Нет, мне хотелось бы подольше задержаться в Англии.

— А разве нельзя жить в Англии, не занимаясь научной работой?

— Все не так просто. Мне требуется алиби. Отец хочет, чтобы я вошел в дело, которым занята наша семья. Оптовая торговля мебелью. Заказы почтой, по каталогу. Поймите меня правильно, мистер Грант, наша мебель очень хорошего качества. Это вечные вещи. Но мебельные гарнитуры меня не интересуют.

— Значит, если не считать экспедиций на полюс, Британский музей, по вашему мнению, самое надежное убежище.

— Теплое, во всяком случае. И я серьезно увлечен историей. Это был мой основной предмет в университете. Но, честно говоря, я приехал сюда вслед за Атлантой Шерголд. Если вы видели пьесу Марты, то есть мисс Холлард, то помните глупенькую блондинку? Это и есть Атланта. То есть, я хотел сказать, она только играет глупенькую. На самом деле она далеко не глупенькая.

— Не сомневаюсь. Наоборот, очень одаренная девушка.

— Так вы ее видели?

— Кто же в Лондоне не видел ее!

— Вы правы. Спектакль очень популярен. Мы с ней, то есть с Атлантой, думали, что расстанемся всего на какие-то несколько недель. И вот пьеса не сходит с афиши, и мне ничего не оставалось делать, как искать предлог, чтобы уехать в Англию.

— А разве сама Атланта — не достаточный предлог?

— Для моего отца — нет. Вся семья смотрит на нее свысока, а об отце и говорить нечего. Если в разговоре ему все же приходится упоминать о ней, он называет ее «эта твоя актриса». Видите ли, мой отец — Каррадин Третий, а отец Атланты — самое большое Шерголд Первый. Всего лишь владелец бакалейной лавочки на Мейн-стрит. На таких мир держится, скажу я вам. Атланта, конечно, немногого добилась у нас в Штатах. Как актриса, я имею в виду. Это ее первый настоящий успех. Естественно, она не станет сейчас стремиться домой и прерывать контракт. Не уверен, удастся ли мне вообще уговорить ее когда-нибудь вернуться назад. Дескать, американцы не оценили ее таланта.

— Итак, вы решили уйти в науку?

— Это единственное, что я могу делать в Лондоне. Понимаете? Я и в колледже этим занимался. Так что работать в Британском музее мне одно удовольствие. Мне хорошо, и отец доволен, что я занят делом.

— Да-а, с таким замечательным алиби мне, признаться, не приходилось еще сталкиваться. А почему все-таки Крестьянское восстание?

— Уж очень время интересное. И я хотел угодить отцу.

— Неужели его интересует проблема социальных реформ?

— Он просто терпеть не может королей.

— Каррадин Третий?

— Забавно, правда? Не исключаю, что в одном из своих банковских сейфов он хранит корону, время от времени берет ее, завертывает в бумагу и несет в мужской туалет Центрального вокзала, чтобы полюбоваться на себя в зеркало. Я, верно, утомил вас, мистер Грант, все о себе да о себе. Я же пришел сюда не за этим. Я пришел, чтобы...

— Да что вы! Вы для меня как манна небесная. Сидите спокойно, если не спешите.

— Я никогда никуда не спешу, — отвечивший молодой человек, устраиваясь поудобнее на стуле и вытягивая ноги. Тумбочка около кровати покачнулась, и портрет Ричарда, прислоненный к стопке книг, свалился на пол.

— Извините, ради Бога. Вот растяпа! Никак не привыкну к своим длинным ногам. — Он подобрал с пола фотографию, рукавом пиджака смахнул с нее пыль и стал внимательно ее изучать.

— «Ricardus III. Ang. Rex», — прочел он вслух.

— Вы первый кто заметил надпись на картине, — сказал Грант.

— Я и сам с трудом прочел. Это я впервые вижу человека, который держит портрет короля вместо картинок с красивыми девушками.

— Да, красивым его не назовешь.

— Как вам сказать, — не сразу ответил Брент. — Лицо как лицо. Похож на одного моего

университетского преподавателя. У него был больной желудок, поэтому многое в жизни его раздражало, а вообще он добрейшее существо. Так это Ричард вас интересует?

— Он самый. Да я немного хочу от вас. Просто надо узнать, кто из его современников о нем писал.

— Ну, это совсем нетрудно. Время Ричарда очень близко к периоду, которым я занимаюсь. Собственно говоря, записки биографа Ричарда Второго — Кэтберта Олифанта охватывают обе династии. Вы читали Олифанта?

Грант ответил, что ничего, кроме школьных учебников и Томаса Мора, он не читал.

— Мора? Лорд-канцлера Генриха VIII?

— Его.

— Какие-то новые доводы?

— Чистейшей воды пропаганда, — воскликнул Грант, обрадовавшись, что нашел, наконец, точное слово. — Это не записки государственного мужа, а партийная листовка. Так пишут газетчики. Причем газетчики, не брезгающие кухонными сплетнями. Что-нибудь о Ричарде Третьем вы знаете?

— Помню только, что он придушил своих племянников да сулил кому-то полцарства за коня. Что у него были подручные по прозвищу Крыса и Кот.

— Как вы сказали?

— Ну, помните стишок: «Кот, и Крыса, и Пес правят втроем, держат Англию под Кабаном».

— Помню, помню. А что это означает?

— Не имею понятия. Я плохо знаком с этим периодом. А почему вас так заинтересовал Ричард Третий?

— Марта посоветовала мне заняться решением какой-нибудь исторической загадки теоретически, поскольку мне не скоро удастся заниматься этим на практике. Зная о моей любви угадывать характеры людей по лицам, она принесла кучу портретов интересных типов. То есть людей, за которыми кроются какие-то тайны. Ричард попал в их число чисто случайно, но оказалось, что его судьба самая загадочная.

— Почему вы так решили?

— У этого человека, совершившего самое отвратительное преступление в истории, лицо мудрого судьи или мудрого государственного мужа. Судя по всему, он и впрямь был мудр. Управлял Севером Англии — и превосходно. Был хорошим полководцем и хорошим солдатом. О его личной жизни неизвестно ничего дурного. А вот брат его был величайшим бабником из всех английских монархов, если не считать Карла Второго.

— Эдуард Четвертый. Как же, знаю. Богатырская фигура, красавец. Ричард, должно быть, страдал от того, что обижен природой, и детей его хотел извести.

До этого Грант не успел додуматься.

— Вы полагаете, что Ричард скрывал свою ненависть к брату?

— Почему скрывал?

— Потому, что его самые отъявленные хулители признают за ним преданность брату. Они были неразлучны с тех пор, как Ричарду исполнилось двенадцать или тринадцать. Третий же брат не был в дружбе ни с кем. Я говорю о Георге.

— Это который Георг?

— Герцог Кларенс.

— Ах тот, что утоп в бочке с вином?

— Тот самый. Так вот, Эдуард и Ричард были неразлучны, хотя между ними было десять лет разницы. Именно при такой разнице частенько возникает культ старшего брата.

— Будь я на месте этого горбуна, — задумчиво проговорил Каррадин, — я бы наверняка

возненавидел брата, которому досталось все — и мои женщины, и мое место под солнцем.

— Пожалуй, — согласился Грант после некоторой паузы, — лучшего объяснения не придумаешь.

— Это могло внешне никак не проявляться. Может быть, даже было чисто подсознательно. Могло вспыхнуть в нем в одночасье, когда он почувствовал близкую возможность овладеть тронem. Вдруг ему ударило в голову: «Это мой шанс! Всю жизнь на побегушках, вечно на шаг сзади — и никакой тебе благодарности. Пришло время расплаты. Здесь-то я с тобой и посчитаюсь».

Грант подметил, что, как ни странно, Каррадин воображает Ричарда точно так же, как мисс Пейн-Эллис. На шаг сзади других. Писательница тоже увидела его стоящим вместе со светловолосыми, крупными детьми — Маргарет и Георгом — на ступеньках Бейнард Касл, когда они глядели вслед своему отцу. На шаг сзади, «как всегда».

— И все же ваша мысль, что Ричард мог быть вполне приличным человеком до преступления, любопытна, — сказал Каррадин, характерным жестом длинного пальца поправляя дужку очков. — Так гораздо правдоподобнее. Шекспир, знаете ли, сделал из него карикатуру. Ничего человеческого. Буду рад, мистер Грант, помочь всем, что в моих силах. Заодно отдохну немного от крестьян.

— Меняете Джона Болла и Уота Тайлера на Кота и Крысу?^[13]

— Угу.

— Ну что ж, очень мило с вашей стороны. Хорошо бы вам удалось что-нибудь выудить. Но сейчас мне бы хотелось получить хронику событий, почитать, что пишут обо всем этом историки того времени, но не те, которые жили в другую эпоху и которым было по пять лет, когда все эти басни сочинялись.

— Надо посмотреть, кто из историков писал об этом. Фабиан, кажется. Или он писал о Генрихе Седьмом? Словом, выясню. А вы тем временем перелистайте Олифанта. Он, насколько мне известно, самый большой знаток этого периода.

Грант сказал, что непременно это сделает.

— Завтра я по пути заброшу его вам. Можно оставить внизу, в приемной? И как только разузнаю насчет историков, тут же буду у вас. Идет?

Грант был в восторге.

Каррадин вдруг заробел, сразу став похожим на пушистого ягненка, о котором Грант и думать забыл, стоило им заговорить о Ричарде. Он пожелал Гранту спокойной ночи тихим и ласковым голосом, в два шага пересек палату и выскочил за дверь, подгоняемый, как парусами, развевающимися полами своего пальто.

— Ну-с, — первое, что сказала Марта, неожиданно возникнув перед Грантом, — как ты нашел моего пушистого ягненочка?

— Не знаю, как и благодарить тебя за него. Где ты такого откопала?

— Далеко ходить не пришлось. Он практически живет в театре. «Корыто в открытом море» он видел, наверное, сто раз. Если он не в уборной Атланты, значит, сидит в первом ряду. Скорей бы они поженились, тогда мы хоть отдохнем от него. Знаешь, они даже не живут вместе. Идиллия чистой воды. — И стала рассказывать о них уже без всяких «актерских» интонаций: — Когда они вместе, на них так приятно смотреть. Похожи не на влюбленных, а на близнецов. Полное доверие друг к другу. Они как бы слиты воедино, настолько одна половинка не может существовать без другой. И никаких ссор, даже не замечала, чтобы они когда-нибудь спорили. Одно слово — идиллия. Это тебе Brent принес? — она с подозрением ткнула пальцем в пухлый фолиант Олифанта.

— Да, он оставил его внизу.

— Выглядит неудобоваримым.

— Согласен, не вызывает особого желания приступать. Но отлично переваривается, уверяю тебя. История для историков. Вся старина до мельчайших подробностей.

— Б-р-р!

— Зато теперь я знаю, откуда достопочтенный сэръ Томас Мор добыл свои сведения о Ричарде.

— Правда? Откуда же?

— От некоего Джона Мортон.

— Первый раз слышу.

— Я тоже, но виной тому наше невежество.

— Кто же он?

— Архиепископ Кентерберийский при Генрихе Седьмом. Злейший враг Ричарда.

Если бы Марта умела свистеть, она бы непременно это сделала.

— И это называется «из первых рук»?!

— Да, из первых рук. Все пошло оттуда. Из этого источника — работы Холиншеда. Им же пользовался Шекспир, создавая своего Ричарда.

— Значит, до сих пор жива версия человека, который ненавидел Ричарда? Подумать только! Зачем было Томасу Морю писать со слов Мортон?

— В любом случае это была бы тюдоровская версия. Но он писал со слов Мортон еще и потому, что в детстве жил в его доме. Конечно, Мортон был в курсе всех событий, как тут не записать со слов очевидца, которого слышал своими ушами.

Марта снова ткнула пальцем в Олифанта:

— И что же, этот ваш скучный, пухлый историк признает, что это небеспристрастная версия?

— Намекает. Честно говоря, он сам запутался, говоря о Ричарде. То пишет, что Ричард был прекрасным правителем и полководцем с безупречной репутацией, степенный и скромный в быту, любимый народом в отличие от выскочек Вудвиллей (родственников королевы), и на той же странице заявляет, что он «не останавливался ни перед чем и был готов на любое кровопролитие, лишь бы добраться до трона». На одной странице он нехотя признается: «Есть основания считать, что Ричард не был бессовестным человеком». И ниже повторяет слова Мора о том, что мысль о своих преступлениях не давала ему спать по ночам. Ну и так далее в том же

духе.

— А если ваш скучный, пухлый Олифант просто предпочитает всем розам алые?

— Не думаю. Вряд ли он сознательно на стороне Ланкастеров. Хотя, если подумать, он действительно терпимо относится к узурпации трона Генрихом Седьмым. Не помню, чтобы он хоть раз намекнул на то, что у Генриха не было ни малейшего основания претендовать на престол.

— А кто ему тогда помог? Генриху.

— Последние из Ланкастеров и выскочки Вудвилли при поддержке всей страны, возмущенной убийством детей. Очевидно, для этой роли сгодился бы любой, в чьих жилах нашлась хотя бы капля ланкастерской крови. Генрих и сам был достаточно хитер, поставив на карту сначала «завоевание», а затем свое ланкастерское происхождение. Его предком по линии матери был Эдуард Третий.

— О Генрихе Седьмом я помню только, что он был чудовищно богат и чудовищно скуп. Помнишь чудный рассказ Киплинга о том, как Генрих посвятил в рыцари ремесленника не за его искусство, а за то, что тот сэкономил ему деньги.

— «Заржавленным мечом из-за занавески...» Немногие женщины так хорошо помнят Киплинга.

— О, ты меня еще плохо знаешь. А ты все так же далек от разгадки Ричарда?

— Все так же. Как Кэтберт Олифант, полностью зашел в тупик. Между нами, впрочем, есть разница: я осознаю, что сижу в тупике, а вот он, пожалуй, ни сном ни духом.

— Ты часто видишься с моим ягненком?

— После его первого визита три дня назад — ни разу. Я уж начинаю сомневаться, не пожалел ли он о своем обещании.

— О, нет. Уверена, что нет. Его девиз — верность.

— Как у Ричарда?

— Так точно. Его девиз — *Loyauté me lie*. Верность меня связывает.

Послышался осторожный стук в дверь, и Brent Каррадин, задрапированный в свое пальто, явился собственной персоной.

— Я, кажется, некстати. Я нечаянно, мисс Холлард. Статуя Свободы, которая мне попалась навстречу, сказала, что у вас никого нет, мистер Грант.

Грант догадался, о ком идет речь. Марта стала уверять Brenta, что она как раз собиралась уходить, а Brent куда более желанный гость, чем она. Она оставляет их, чтобы они могли продолжать выяснять, была совесть у убийцы или нет.

Раскланявшись с ней, Brent вернулся на свое место, усаживаясь на стульчик для посетителей, совсем как англичанин, который может наконец приняться за свой портвейн после ухода дам из-за стола.

Тут Грант задумался, неужели и этот влюбленный американец чувствует невольное облегчение, оставшись в мужском обществе. На вопрос Brenta, как ему понравился Олифант, он ответил, что считает сэра Кэтберта на редкость доходчивым.

— А я, кстати, выяснил, кто такие Кот и Крыса. Оказывается, это были весьма почтенные господа — Уильям Кэтсби и Ричард Рэтклиф. Кэтсби был спикером палаты общин, а Рэтклиф — королевским уполномоченным в Шотландии. Какую остроуту, однако, придает политическому куплету одно упоминание этих имен! Кабан, как известно, входил в герб Глостеров. Белый кабан... Вы бываете в английских пабах?

— Конечно. Тут американцы вам могут только позавидовать.

— Значит, вы готовы простить нам изъяны нашей водопроводной системы ради возможности выпить пива «У кабана»?

— Ну, я не стал бы выражаться так прямолинейно. Скорее, я о них забываю.

— Вы просто великодушны. Но вам придется забыть еще кое о чем. Например, о вашей гипотезе, что Ричард ненавидел своего брата за то, что рядом с красавцем его горб был еще заметнее. Если верить сэру Кэтберту, то горб Ричарда — это миф. Как и его высохшая рука. По-видимому, у него вообще не было явных признаков физического уродства. Во всяком случае, серьезных. У него просто одно плечо было выше другого. Вы выяснили, кто из современных историков писал о нем?

— Никто не писал.

— Неужто никто?

— Во времена Ричарда были такие авторы, но они писали о его смерти. По заказу Тюдоров. Значит, в свидетели они не годятся. Есть одна хроника на латыни, которую вели какие-то монахи, но у меня до нее еще не дошли руки. Но все-таки одну вещь удалось выяснить: мемуары о Ричарде Третьем приписывают Томасу Мору только потому, что они были найдены среди его бумаг. Это был незаконченный список с какого-то сочинения другого автора.

— Подумать только! — изумился Грант. — То есть это был собственноручный список Томаса Мора?

— Да, сделанный им в возрасте тридцати пяти лет. В то время книгопечатание было редкостью, а рукописные копии — делом обычным.

— Итак, если информация исходила от Джона Мортон, то не исключено, что он мог быть и ее автором.

— Не исключено.

— Чем и объясняется такая неразборчивость. Этот проныра Мортон не побрезговал бы и кухонными сплетнями.

— Вот именно.

— Сначала он был адвокатом, потом сделался священником, исповедовал самые различные взгляды. Был активным сторонником Ланкастеров, пока не выяснилось, что Эдуард остался жив и невредим.^[14] Тогда он переметнулся к Йоркам, и Эдуард сделал его епископом Или, и один папа римский знал, сколько ему еще принадлежало приходов. После восшествия на трон Ричарда Мортон стал поддерживать Вудвиллей, потом служил Генриху Тюдору, за что получил кардинальское звание и место архиепископа Кентербери.

— Стойте! — радостно вскричал Brent. — Я вспомнил, откуда знаю Мортон. Помните «Мортоновы вилы»: ^[15] «Вы небогаты, боитесь тратить деньги? Так отдайте их королю! Вы сорите деньгами? Значит, вы богач. Поделитесь же с королем!»

— Тот самый. Никто не мог искусней его вышибать деньгу для короля. А я, кажется, додумался, почему возникла его ненависть к Ричарду еще задолго до убийства детей.

— Почему же?

— Эдуард получил от Людовика Одиннадцатого взятку за позорный мир с Францией. Ричард был страшно рассержен — это был настоящий скандал — и отказался от всякого участия в этой сделке и от предложенной ему большой суммы наличными. А Мортон всячески содействовал сделке и посредничал во взятке, за что получил приличный пенсioen от Людовика: две тысячи крон ежегодно. Естественно, откровенные высказывания Ричарда по этому поводу стали Мортону поперек горла. И кроны не помогли.

— Могу себе вообразить.

— И уж конечно, при строгом в вопросах нравственности Ричарде Мортону было не так вольготно, как при Эдуарде. Он все равно принял бы сторону Вудвиллей, и не случись этого убийства.

— Кстати, об убийстве, — начал было Brent.

— Ну-ну?

— Об этом убийстве — убийстве мальчиков. Правда странно, что о нем никто ни слова?

— То есть как это «ни слова»?

— За эти три дня я просмотрел массу материалов того времени — письма и другие бумаги.

Нигде нет упоминания о мальчиках.

— Может быть, боялись? Опасались за свою жизнь?

— Возможно. Но вот что удивляет. Вы помните, что уже после Босвортской битвы Генрих предложил парламенту осудить Ричарда посмертно? И что же: он обвиняет Ричарда в жестокости и тирании и ни словом не упоминает об убийстве!

— Что? — в изумлении закричал Грант.

— Ваше изумление мне понятно.

— Вы серьезно?

— Вполне.

— Генрих занял Тауэр немедленно по прибытии в Лондон после Босворта. Если он не нашел там мальчиков, то непонятно, почему не объявил об этом сразу. Упустить такой козырь! — Грант долго и недоуменно молчал. Было слышно, как возятся воробьи на подоконнике. — Ничего не понимаю, — наконец заговорил он. — Чем можно объяснить это молчание, если, обнаружив факт исчезновения мальчиков, можно было заработать капитал?

Брент заерзал на стуле, уstraиваясь поудобней.

— Причина может быть одна, — произнес он, — мальчики вообще никуда не исчезали.

Они в онемении уставились друг на друга.

— Фу ты, чепуха какая! — воскликнул Грант, — Все это, наверное, просто объясняется, только нам этого пока не понять.

— Чем, например?

— Не знаю. Так сразу не скажешь.

— Я три дня думал и так и не сумел найти причину. Кроме той, что принцы были живы, когда Тауэр перешел к Генриху. Заметьте, что парламент потерял всякую совесть, обвинив в измене сторонников Ричарда, верных своему законному королю в борьбе с иноземным захватчиком. Все обвинения, более или менее правдоподобные, были представлены в этом билле. И самое тяжкое из них — неизменные жестокость и тирания. О принцах же ни слова.

— Фантастика!

— Трудно поверить, но это факт.

— Из которого следует, что никакого обвинения в убийстве в то время не возникало.

— Выходит, так.

— Но постойте, Тиррела же повесили за убийство! Он сам сознался перед смертью. Минуточку, — Грант полистал Олифанта, отыскивая нужное место. — Вот здесь все об этом сказано. Тут никакой тайны нет. Даже Статуя Свободы это знает.

— Кто?

— Сестра, которая попала в коридоре. Убийство совершил Тиррел, его сочли виновным, и он признался во всем перед смертью.

— Это было уже при Генрихе?

— Минутку. Вот, — он пробежал глазами параграф, — нет, это было уже в 1502 году, — и тут же сообразив, что он только что сказал, повторил, но уже медленно: — В 1502 году!

— Так это же...

— Именно. Двадцать лет спустя.

Брент пошарил по карманам, ища сигареты, вынул их, но поспешно убрал обратно.

— Да вы курите. — успокоил его Грант. — Выпить бы чего-нибудь крепкого... В голове

сумятица. Как будто играем в жмурки: тебе завязали глаза, раскрутили и — изволь ловить.

— Похоже, — отозвался Каррадин, вынув сигарету и зажигая ее. — Тьма кругом, и голова здорово кружится. — Он повернулся к окну и уставился на воробьев.

— Сорок миллионов школьных учебников не могут ведь ошибаться, — проговорил задумчиво Грант.

— Разве?

— Не должны!

— Прежде я тоже так думал, но теперь сомневаюсь.

— Откуда вдруг такой скептицизм?

— Он возник не сию минуту.

— Когда же?

— Вы когда-нибудь слышали о Бостонской резне?

— Конечно.

— Так вот, когда я рылся в архивах в своем университете, я совершенно случайно узнал, что никакой резни не было, просто разнuzданная толпа швыряла камни в часового. Жертвами стали четыре человека. Слушайте, мистер Грант, я был воспитан на рассказах о Бостонской резне. Меня распирало от патриотических чувств при одном упоминании о ней. Кровь вскипала при мысли о том, как англичане косили огнем беззащитных граждан. Вы себе не можете представить, как я был потрясен. В наше время эта уличная драка заняла бы в городской газетке не больше места, чем репортаж о стычке между забастовщиками и полицией, какие случаются ежедневно.

В ответ Brent не услышал ни слова, а свет мешал ему увидеть выражение лица Гранта. Тот лежал и смотрел на знакомые трещинки в потолке.

— Вот почему я так люблю рыться в библиотеке, — нарушил молчание Brent и стал снова наблюдать за воробьями.

Не говоря ни слова, Грант протянул ему руку, Каррадин вложил в нее сигарету и сам зажег ее. Курили и молчали.

Голос Гранта заглушил воробьиный щебет.

— Тонипэнди, — произнес он вдруг.

— Что?

Но Грант будто бы не слышал его.

— Точно такое же событие случилось и здесь. Сам видел, — Грант как бы размышлял вслух. — Тонипэнди.

— Что за «тонипэнди», черт побери! — не выдержал Brent. — Звучит, как патентованное средство. «У вас заболел ребенок? Горят щечки, капризничает, ножки устали? Дайте малышке „тонипэнди“, и все будет в порядке». Ну, как хотите. Не надо мне вашего «тонипэнди», — вздохнул Brent, не получив ответа.

— Тонипэнди, — голос Гранта звучал отрешенно, — это городок в Южном Уэльсе.

— А я-то думал — это лекарство.

— Если вы будете в Южном Уэльсе, вам непременно расскажут, что в 1910 году правительство использовало войска для расстрела бастующих шахтеров, что за это несет ответственность Уинстон Черчилль, который в то время был министром внутренних дел, что Южный Уэльс никогда этого не забудет. Никогда!

Каррадин слушал с серьезным лицом:

— А на самом деле этого ничего не было?

— На самом деле воинствующие элементы в шахтерском районе Ронда Вэлли затеяли скандал. Начался погром и грабеж лавок. Начальник местной полиции попросил Лондон

прислать войска для защиты населения. Если начальник полиции считает ситуацию достаточно опасной и просит помощи у военных, то какой выбор остается министру внутренних дел? Но Черчилля так ужаснула мысль о столкновении войск с бунтующей толпой и о возможности кровопролития, что он вместо войск направил туда подразделение столичной полиции, единственным оружием которой были дождевики в скатках. Войска оставались в резерве, а все контакты с толпой пришлось на безоружных полицейских. Два-три разбитых носа в результате — вот и все кровопролитие. Министр внутренних дел был подвергнут резкой критике в палате общин за «беспрецедентное вмешательство». Вот что случилось в Тонипэнди. Вот какой расстрел не может забыть народ Уэльса.

— Мда-а, — Каррадин был озадачен. — Почти как история с Бостоном. Кому-то было выгодно раздуть ординарный случай до невероятных размеров.

— Дело даже не в том, что случаи похожи. Самое интересное то, что абсолютно все свидетели этой истории, зная, что это чепуха, никогда не пытались оспорить ее. Обратного хода теперь уже нет. Легенда не подлежит сомнению, а свидетели — как в рот воды набрали.

— Занятно. Вот как пишется история!

— Да. Такова история.

— Вот почему я так ценю архивы. Вовсе не обязательно искать факты по мемуарным источникам. Их можно найти всюду: в газетном объявлении о продаже дома, драгоценностей, чего угодно.

Грант опять начал рассматривать потолок, а в комнате снова стал слышен воробьиный шум.

— Вас что-то удивляет? — Грант перехватил пристальный взгляд гостя.

— Наконец-то я увидел в вас полицейского.

— Я и есть полицейский. Я чувствую и рассуждаю, как полицейский. Я задал себе вопрос, как это сделал бы полицейский, расследующий дело об убийстве: «Кому это выгодно?» И вдруг понял: доводы о том, что Ричард приказал задушить принцев, чтобы закрепиться на троне, — абсолютная чушь. Даже если бы он избавился от братьев, то ведь оставались в живых еще пять их сестер, которые шли впереди него по престолонаследию. Сын и дочь Георга не в счет. Парламентским биллем они были лишены права наследования. Но ведь и исполнение билля можно было задержать или вовсе отменить. Если Ричард чувствовал себя неуверенно, заявляя о своем притязании на престол, то он должен был принести в жертву своему спокойствию жизни многих людей.

— А они все пережили его?

— Не знаю, но обязательно узнаю. О старшей сестре точно известно. Она ведь стала королевой, выйдя замуж за Генриха.

— Послушайте, мистер Грант, давайте начнем все сначала. Долой школьные учебники, всякие современные теории и авторитетные мнения. Правду откроют не просто книги, а амбарные книги.

— Хорошо сказано, — похвалил его Грант. — А что сие означает?

— Это означает прежде всего, что подлинная история пишется в формах, не относящихся к жанру истории. В отчетах о расходах на королевский гардероб, о содержимом королевского кошелька, в личной переписке, описи недвижимости. Если кто-то, например, утверждает, что у леди такой-то не было детей, а в книге расходов есть запись: «Для сына миледи, рожденного в канун Михайлова дня, пять ярдов голубой ленты по четыре с половиной пенса за ярд», — то логично предположить, что у миледи все-таки был сын, родившийся в канун Михайлова дня.

— Понятно. Так с чего начнем?

— Вы следователь, вам и решать, а я только следопыт.

— Ученый следопыт.

— Я польщен. Итак, какие факты вам нужны?

— Для начала было бы полезно, а вместе с тем поучительно узнать, как восприняли основные действующие лица смерть Эдуарда Четвертого. Она была неожиданной и, должно быть, застала всех врасплох. Как реагировали окружающие?

— Ну, это просто. Вы, надеюсь, имеете в виду не что они говорили, а что делали?

— Разумеется.

— Что они говорили, расскажут историки, а следопытам нужны только факты.

— Это как раз то, что мне необходимо. Недаром сказано: судить будут по делам их.

— А что, кстати, говорится у святого и благоверного сэра Томаса Мора о том, что делал Ричард, когда узнал о смерти брата?

— У благоверного Томаса Мора (читай — Джона Мортон) говорится, что Ричард пустил в ход все свое обаяние, чтобы убедить королеву не давать многочисленной охраны принцу, поскольку он замыслил похищение мальчика по дороге из Ладлоу в Лондон.

— Если верить благоверному Мору, Ричард сразу же решил устранить принца.

— Правильно.

— Значит, прежде всего надо выяснить, кто где был и чем занимался, чтобы делать предположения об их намерениях.

— Так точно.

— Что значит полицейский! — поддразнил его Брент. — Где вы были в пять часов вечера пятнадцатого числа?

— И это оправдывает себя, — отозвался Грант, — уверяю вас.

— Тогда разрешите приступить. Надеюсь, найдется что-то интересное для вас. Я вам очень признателен, мистер Грант. Это куда увлекательнее Крестьянского восстания.

И он стремительно исчез в ранних сумерках зимнего дня. Широкое пальто делало его похожим на университетского профессора, с достоинством шествующего в своей мантии.

Грант включил лампу и стал внимательно, как будто впервые, изучать рисунок на потолке. Какую уникальную, увлекательную загадку подкинул ему этот парень! Дело приняло совершенно неожиданный оборот. Выходит, никто из современников Ричарда не осуждал его?

Генриху даже не пришлось бы доказывать, что Ричард в ответе за все. Принцы были на его попечении. И если их не оказалось в Тауэре, то тем самым Генрих получил возможность бросить в своего мертвого соперника куда более весомый ком грязи, чем тривиальные обвинения в жестокости и тиранстве.

Грант проглотил свой ужин автоматически. До него дошло, что он поел, только когда послышался довольный голос Амазонки, убиравшей посуду: «Хороший признак — съедены обе котлетки».

Целый час он рассматривал тень от лампы на потолке, так и сяк прикидывая варианты, ища какую-нибудь зацепку, которая позволила бы прояснить ему суть дела. В конце концов заставил себя переключиться на что-то другое, как он всегда поступал, когда зацепиться было не за что. Утро вечера мудренее. Завтра эта история может нежданно-негаданно повернуться совершенно другой стороной. Чтобы отвлечься от мыслей о парламентском билле, он принялся за письма, на которые еще не успел ответить. Все это были пожелания скорейшего выздоровления от самых разных людей, в том числе и от его бывших подопечных. Теперь таких приличных людей в этой среде не встретишь. На их место пришли наглые молодые головорезы, в душе которых нет ни грана любви к человечеству. Невежественные и безжалостные, как циркулярная пила. Раньше среди профессиональных взломщиков, как и во всякой другой профессиональной сфере, можно было встретить любопытные личности, чуждые жестокости. Тихие, скромные домоседы, любители семейных праздников, озабоченные детскими ангинами. Или старые холостяки,

ценители певчих птиц, завсегдагаи букинистических лавок и тотализаторов. Мастера своего дела.

Какой бандит из нынешних выразит ему сожаление о том, что он вышел из строя? Даже мысль об этом казалась дикой.

Отвечать на письма, лежа на спине, стоило Гранту таких трудов, что он все откладывал это на потом. Но, увидев на верхнем конверте почерк кузины Лоры, он подумал, что Лора с ума сойдет от тревоги, если вовремя не получит ответа. В детстве они с Лорой всегда вместе проводили каникулы и даже одно лето в Шотландии были немного влюблены друг в друга, с тех пор их дружба не прерывалась. Надо черкнуть ей, что он жив-здоров.

Грант с улыбкой перечитывал ее письмо, а в ушах зажурчала по камням и поплыла перед глазами речка Терли. Он почти явственно почувствовал сладкий, холодный запах шотландских вересковых пустошей и на некоторое время забыл, где находится, забыл свою боль, и скуку, и жизнь в четырех стенах.

«Если бы Пэт был чуть помладше или чуть постарше, он послал бы тебе поцелуй. Но ему девять, и он только сказал: „Скажи Алену, что я о нем спрашивал“. Он хранит для тебя наживку своего собственного изобретения и ждет твоего приезда после выписки. У него сейчас некоторые нелады в школе из-за того, что шотландцы выдали Карла I^[16] англичанам. Он пришел к выводу, что более не считает себя шотландцем. Сейчас он протестует против всего шотландского, не желает учить историю и географию, петь песни, словом, отрицает все, что связано с этой недостойной страной. Вчера, ложась спать, он объявил о своем намерении просить норвежского гражданства».

Грант взял лист писчей бумаги и написал карандашом:

«Милая Лора,
можешь ли ты представить себе такую невероятную вещь: маленькие принцы — пленники Тауэра пережили Ричарда III!
Ален
P. S. Я теперь почти здоров».

— Вы знаете, доктор, при обсуждении в парламенте обвинительного акта против Ричарда убийство маленьких принцев даже не упоминалось, — этими словами Грант приветствовал хирурга, когда тот рано утром вошел в палату.

— Правда? Как странно, — отозвался врач.

— В высшей степени. Чем это можно объяснить, как вы думаете?

— Может, замолчать хотели это дело. Ради его наследников.

— Никто из его семьи не наследовал трона. На нем его род прервался. Трон занял первый из Тюдоров — Генрих Седьмой.

— Ах да. Совсем забыл. Никогда не был силен в истории. На уроках истории, как правило, решал задачи по алгебре. Нас и не пытались ею заинтересовать. Наверное, портреты принесли бы большую пользу. — Доктор взглянул на портрет Ричарда и продолжил осмотр. — Должен вам сказать, что я доволен вами. Сильных болей уже нет?

И он, любезно улыбаясь, вышел легкой походкой из палаты. Конечно, как врачу ему были интересны лица, но на уроках истории он предпочитал держать под партой задачник по алгебре. И сейчас у него тоже не было времени на историю. Ведь от него зависела жизнь многих людей.

У старшей сестры тоже хватало своих забот. Она вежливо выслушала Гранта, но всем своим видом как бы хотела сказать: «На вашем месте я обратилась бы к попечителю нашей клиники». Это было не по ее части. Она царственно взирала с высоты своего положения на свое беспокойное хозяйство, где все важно и все неотложно. Вряд ли она имеет право отвлекаться на вещи, происходившие более четырех столетий назад.

Ему хотелось крикнуть ей: «Но кто же, как не вы, должны знать, как рушатся репутации! Это может случиться даже с королями! Завтра и вы можете погибнуть от сплетни». Но он промолчал, почувствовав, что не имеет морального права задерживать занятого человека.

Пигалица дала понять, что не знает, как в парламенте лишали имущественных прав, и не имеет ни малейшего желания узнать.

— У вас какое-то наваждение, — сказала она, кивнув в сторону портрета. — Это очень вредно. Читали бы вы лучше ваши красивые книжки.

Даже Марта, которую он с таким нетерпением ждал, чтобы изложить ей свою новую версию и услышать ее мнение, даже Марта была слишком озабочена осложнениями с Мадлен Марч.

— И все это после того, как она почти дала мне твердое уверение, после всех наших переговоров, когда казалось, что дело уже в шляпе. Я уже договорилась с Жаком, что он будет делать костюмы. После всего этого она вдруг решает, что ей важнее написать еще один дурацкий детектив. Он, дескать, уже созрел у нее в голове.

Грант слушал жалобы Марты с сочувствием. Хороших пьес так мало, а хорошие драматурги вообще на вес золота, но от него это все так далеко. XV век сейчас был ему ближе Шефтсбери-авеню.^[17]

— Надеюсь, детектив не отнимет у нее много времени, — успокаивал он Марту.

— Конечно нет, шесть недель — и готово, но стоит ее упустить, ищи потом ветра в поле. Вот и Тони Савилла хочет, чтобы она писала ему пьесу о графах Мальборо. А ты знаешь, что он своего добьется. Ему ничего не стоит уговорить голубей оставить в покое арку Адмиралтейства.

Уже собираясь уходить, Марта все же вспомнила, о чем пытался ей рассказать Грант.

— Наверняка этому найдется объяснение, дорогой, — прощепетала она уже в дверях.

— Еще бы, — хотелось ему крикнуть ей вслед, — но какое? История эта невероятна и

противоречит общепринятому взгляду. Историки твердят, что убийство всколыхнуло в народе ненависть к Ричарду и оттого он согласился, чтобы страной правил иностранец. Но когда парламенту был представлен перечень его злодеяний, в нем ни слова не говорилось об убийстве детей.

Ричард был уже мертв, когда была подана жалоба в парламент, а его сторонники бежали или были сосланы. От его противников можно было ожидать каких угодно обвинений. А они, выходит, и не собирались обвинять его в этом чудовищном убийстве.

Почему?

Говорят, что страна была полна слухов об исчезновении принцев из Тауэра. И вдруг, когда против Ричарда собраны все улики о его преступлениях против нравственности и государства, среди них не оказалось самого важного — обвинения в убийстве.

Почему?

Генрих в его весьма шатком положении на троне нуждался в любом, самом незначительном аргументе в свою пользу. Народу он был неизвестен, кровного права наследовать престол у него не было. И, однако, он не воспользовался потрясающей возможностью, которую предоставило ему преступление Ричарда.

Почему?

Генрих взошел на трон после человека с завидной репутацией, любимого народом от границ с Уэльсом до шотландской границы до тех пор, пока не стало известно об исчезновении принцев. И все же Генрих не воспользовался этим чудовищным фактом.

Почему?

Одна только Амазонка сочувственно отнеслась к терзаниям Гранта. И не из-за симпатий к Ричарду. Просто она страдала при одной мысли, что может произойти какая-то ошибка. Например, дойдя до конца коридора, она могла вернуться назад, чтобы оторвать листок календаря, забытый кем-то другим. Но инстинкт утешать был сильнее ее природной способности волноваться.

— Не стоит так нервничать, — пыталась она успокоить Гранта. — Наверняка этому есть объяснение. Вы его еще просто не нашли. Оно придет само собой, надо только перестать об этом думать. Я только так могу вспомнить, куда я положила какую-то нужную вещь. Иду в кухню поставить чайник на огонь или считаю стерильные повязки, когда их выдает нам старшая сестра, и вдруг вспоминаю: «Господи, да я же оставила это в своем плаще». В смысле, то, что я искала. Так что вы зря расстраиваетесь.

Сержант Вильямс уехал в Эссекс помогать полиции какого-то городка разобраться в том, кто мог ударить старуху, владелицу лавки, тяжелой гирей для весов и оставил ее лежать среди шнурков для ботинок и коробочек с лакрицей. Так что обращаться в Скотланд-Ярд было не к кому.

Никто не шел к нему на помощь, а юный Каррадин явился только на третий день. Увидев его, Грант решил, что сегодня он держится более свободно и в нем даже угадывалось некое самодовольство. Как всякий хорошо воспитанный человек, он сначала осведомился о здоровье Гранта и, только получив ответ, стал доставать из широченных карманов пальто какие-то бумаги, победно улыбаясь.

— Да, наш праведник Мор — не подарок, — сказал он весело.

— Вам его никто и не предлагает. Считайте, что пари не состоялось.

— Он все напутал. Абсолютно все.

— Я так и думал. Каковы же факты? Начните со дня смерти Эдуарда.

— Пожалуйста. Эдуард умер 9 апреля 1483 года в Лондоне. В Вестминстере, разумеется. Что в то время было не одно и то же. Там жила королева с двумя дочерьми. И с младшим сыном,

как я полагаю. Наследный принц в это время учился в замке Ладлоу, опекаемый братом королевы лордом Риверсом. Ведь родственники королевы Вудвилли заняли привилегированное положение, пролезли во все щели.

— Знаю. Дальше. Где был Ричард?

— На шотландской границе.

— Что?

— То, что вы слышали. На границе с Шотландией. Отрезанный от своих. Просил ли он коня, чтобы во весь опор нестись в Лондон? Отвечаю: нет, не просил.

— А как он поступил?

— Заказал панихиду в Йоркском соборе, на которую была приглашена вся знать Севера, и в ее присутствии присягнул на верность наследному принцу.

— Интересно, — голос Гранта был сух. — А что сделал Риверс, брат королевы?

— 24 апреля он вместе с наследником выехал в Лондон в сопровождении хорошо вооруженного двухтысячного войска.

— Зачем им понадобилось войско?

— Кто знает? Мое дело — найти факты. Дорсет, старший из сыновей королевы от первого брака, стал заведовать арсеналом, сокровищницей Тауэра и корабельным снаряжением на Ла-Манше. Указы Тайного совета издавались от имени Риверса и Дорсета — *avunculus Regis* и *frater Regis uterinus*.^[18] Имя Ричарда нигде не упоминалось. Что называется, стыд потеряли, если вспомнить, что по завещанию Эдуарда Ричард был назначен опекуном наследника и лордом-протектором королевства по достижении совершеннолетия последнего. Заметьте, один Ричард, и никто больше.

— Да, это в духе Эдуарда, по крайней мере. Ричард всегда был его надежной опорой. Как человек и как правитель. А что, Ричард тоже был в свите наследника, когда тот отправился на Юг?

— Нет. Его сопровождали шестьсот рыцарей с Севера. Все в глубоком трауре. 29 апреля он был уже в Нортгемптоне. Очевидно, рассчитывал присоединиться к процессии из Ладлоу. Но подтверждения этому не найдено. Известно только, что Риверс с наследником из Ладлоу повернули в Стони Стрэтфорд, не дожидаясь его прибытия. В Нортгемптоне Ричарда встретил герцог Букингемский с тремя сотнями людей. Знаете такого?

— Только понаслышке. Друг Эдуарда.

— Да. Он спешно прибыл из Лондона.

— Чтобы доложить о том, что там происходит.

— Как вытекает из фактов. Иначе зачем ему эти триста человек? Только затем, чтобы выразить соболезнование? Словом, тут же был созван Тайный совет — материалы для него имелись у Ричарда и у Букингема, — и Риверс с тремя адъютантами был арестован и сослан на Север, а Ричард с наследником отправились в Лондон. 4 мая они туда прибыли.

— Просто и ясно. Из этого вытекает, что, принимая во внимание время и расстояние, рассказ Мора о слащавых письмах королеве с уговорами не посылать многочисленного кортежа для наследного принца — чистая выдумка.

— Правильно!

— Ведь Ричард сделал то, что обязан был сделать. Конечно, он знал условия завещания Эдуарда. Его поступки говорят только об одном — о его скорби и заботе о принце. Вспомните панихиду и присягу на верность.

— Совершенно верно.

— Когда же это вполне объяснимое поведение Ричарда вдруг меняется?

— Очень быстро. По прибытии в Лондон он обнаруживает, что королева, младший из двух

принцев, ее дочери и ее сын от первого брака Дорсет — все спешно перебрались в Вестминстер. В остальном обстановка была нормальная.

— Он поместил мальчика в Тауэр?

Каррадин порылся в своих заметках:

— Не помню. Наверное, не попадалось... Я только... ах, вот оно! Нет, он привез мальчика в епископский дворец рядом с собором св. Павла, а сам остановился у матери в Бейнард Касл. Где это было? Я не знаю.

— Это был лондонский дом Йорков. Он находился на берегу Темзы, немного западнее собора Св. Павла.

— Так вот, он там оставался до пятого июня, пока не прибыла с Севера его жена. Тогда они перебрались жить в Кросби-плейс.

— Дом и теперь так называется. Его только перенесли в район Челси. Окно, пробитое при Ричарде, могло уже не сохраниться — я давно там не был, — но само здание стоит.

— Неужели? — в восторге воскликнул Каррадин. — Сейчас же пойду посмотреть на него. Чем-то домашним повеяло от всего этого, правда? Остановился у матери и живет там, пока не приехала жена, а после переезжает в новый дом. Этот Кросби-плейс им принадлежал?

— Ричард, кажется, нанял его у одного из лондонских олдерменов. И так, никаких сведений об оппозиции ему как лорду-протектору, о том, что он изменил свои планы по прибытии в Лондон?

— Никаких. Ведь он был утвержден лордом-протектором еще до Лондона.

— Откуда это известно?

— В документах того времени он два раза упоминается как протектор. Дайте-ка вспомнить... Это было 21 апреля (то есть менее чем через две недели после смерти Эдуарда) и 2 мая (за два дня до прибытия в Лондон).

— Сдаюсь. И никакой шумихи? Никаких намеков на возникшие беспорядки?

— Я ничего такого не нашел. 5 июня он отдал подробные распоряжения о коронации наследника, назначенной на 22 июня. Он даже направил приглашения сорока дворянам, которых собирался произвести в рыцари ордена Бани. Так было принято делать в день коронации.

— Пятого, — задумчиво произнес Грант. — А коронацию он назначил на двадцать второе. Не слишком ли мало времени он оставил себе на захват власти?

— Да, не слишком. Сохранилось даже предписание о коронационном платье для принца.

— А что было потом?

— Успел пока дойти до этого места, — ответил Каррадин виновато. — Что-то произошло на Тайном совете: 8 июня, кажется, это было. А что именно — об этом упоминается в «Мемуарах» Филиппа Комина.^[19] Завтра мне обещали принести их в издании Мандро 1901 года. На Совете 8 июня епископ Бата Стиллингтон должен был сообщить какую-то новость. Вы слышали о таком епископе?

— Никогда.

— Он состоял членом совета колледжа Всех Святых в Оксфорде и каноником собора в Йорке. Что это значит, я понятия не имею.

— Должно быть, он был ученым мужем и уважаемым человеком.

— Посмотрим.

— А другие историки, кроме Комина, вам не попадались?

— Таких, кто писал бы до смерти Ричарда, нет. Комин, как всякий француз, конечно, пристрастен, но ему можно доверять в большей степени, чем любому англичанину при Тюдорах. Вот вам превосходный пример того, как пишется история. Я обнаружил это, когда

пытался найти современных авторов. Вам, конечно, известно, что Ричарду Третьему приписывается также убийство единственного сына Генриха Шестого в сражении при Тьюксбери?^[20] Хотите верьте, хотите нет, но оказалось, что это выдумка от начала и до конца. Можно проследить, откуда возникла эта сплетня. Готовый ответ тем, кто уверяет, что нет дыма без огня. Поверьте, кто-то усердно пытался добыть огонь из двух деревянных щепок, но только дым пошел.

— Ричард ведь был тогда совсем юным.

— Ему было восемнадцать. И, как говорят современники, он был храбрый воин.

— Сын Генриха и Ричард однолетки.

— Итак, источники в один голос говорят, что сын Генриха погиб на поле боя. Далее начинается самое интересное. — Каррадин нетерпеливо рылся в своих записях. — Черт побери, куда я мог подевать их? Ну, наконец-то. Вот, к примеру, Фабиан, писавший по заказу Генриха Седьмого, утверждает, что юноша был схвачен и представлен Эдуарду Четвертому, тот ударил его перчаткой по лицу, а слуга тут же прикончили его. А Полидору Вергилию этого показалось мало. По его словам, убийство было делом рук Георга — герцога Кларенса, Ричарда, герцога Глостера и лорда Гастингса. Холл добавляет к ним Дорсета. Но Холинshed, которому и этого мало, пишет, что первый удар нанес Ричард. Как вам это нравится? «Тонипэнди» в лучшем виде, верно?

— Чистейший «тонипэнди». Жуткая драма — и ни на грош правды. Если у вас хватит терпения выслушать выдержку из Томаса Мора, то я тоже продемонстрирую вам, как пишется история.

— Меня тошнит от вашего святейшего Томаса, но я весь внимание.

Грант нашел в книге нужный параграф и стал читать:

«Некоторые разумные люди полагают также, что без тайного содействия Ричарда не приключилась бы и смерть его брата Кларенса, хотя он выступил открыто против нее, однако же (как люди отметили) далеко не так настойчиво, как если бы сердечно о нем заботился. И они, которые это думают, полагают также, что еще при жизни короля Эдуарда он замыслил, что сам будет королем в том случае, если королю, его брату (чья жизнь, он видел, должна укоротиться от недоброго питания), случится умереть, оставив детей малолетними (как это в действительности и произошло). Оттого-то, полагают они, и был он рад смерти своего брата, герцога Кларенса, чья жизнь неизбежно должна была помешать его намерениям в обоих случаях: сохранил бы герцог Кларенс верность племяннику, юному королю, или попытался бы сам стать государем. Все же твердой уверенности в этом нет, а кто в своих подозрениях опирается лишь на догадки, тот легко может ошибиться».

— Мерзкий болтун, — любовно проворковал Каррадин.

— А вы сумели из всего этого куска выделить позитивное утверждение?

— Представьте, сумел.

— Правда? Умница! А мне пришлось трижды перечитать его, чтобы установить один непреложный факт.

— Что Ричард открыто выступил против смертного приговора своему брату Георгу?

— Именно.

— Однако все эти «говорят» и «полагают», все эти оговорки производят совершенно обратное действие. Говорю я вам: наш праведный Томас вовсе не подарок.

— Следует все-таки помнить, что это слова Джона Мортонa, а не праведного Томаса Мора.

— Праведный Томас Мор звучит лучше. Заметьте также, слова эти ему так понравились, что он их даже переписал.

Грант, как бывший солдат, не мог не восхищаться, как блестяще Ричард вышел из весьма опасной ситуации в Нортгемптоне.

— Здорово он все-таки разделался с двумя тысячами солдат Риверса, даже не вступив с ними в бой.

— Просто они предпочли брата короля брату королевы, когда дело дошло до выбора.

— Наверное.

— И, естественно, найти общий язык с солдатами легче солдату, чем человеку, пишущему книги.

— Разве Риверс писал книги?

— Он был автором первой печатной книги в Англии. Да он вообще был образованным человеком.

— Хм. Однако это не помешало ему попытаться помериться силой с человеком, который в восемнадцать лет стал бригадиром, а в неполные двадцать пять был произведен в генералы. Это всегда меня поражало.

— Военный талант Ричарда?

— Нет, его молодость. Я обычно рисовал Ричарда старым брюзгой. А ему было всего тридцать два, когда он погиб на Босвортском поле.

— Скажите, Brent, когда Ричард принял на себя опеку над принцем, он отгородил его от людей, среди которых тот рос?

— Да нет. Взять хотя бы его воспитателя, доктора Олкока, он сопровождал его в Лондон.

— Следовательно, не было никакой скоропалительной изоляции от тех, кто, возможно, поддерживал Вудвиллей и кто мог бы настроить мальчика против Ричарда?

— Пожалуй, нет. Всего-то четверо были арестованы.

— Да, все было устроено со знанием дела. Ричард Плантагенет был великий человек!

— Мне все больше и больше нравится этот тип. Ну, а теперь на поиски Кросби-плейс! Мне не терпится посмотреть на дом, в котором он жил. Завтра я получу Комина, из которого мы узнаем, что он думает о событиях 1483 года и что в июне этого же года Роберт Стиллингтон, епископ Батский, сообщил Тайному совету.

Стиллингтон заявил на Совете в один из летних дней 1483 года, что он обвинил Эдуарда IV с леди Элеонор Батлер, дочерью первого графа Шрусбери, задолго до того, как тот женился на Елизавете Вудвилль.

— Почему же Стиллингтон молчал раньше? — воскликнул Грант, выслушав Брента.

— Эдуард заставил его держать язык за зубами. Это ясно.

— Видать, тайные браки вошли у Эдуарда в привычку, — буркнул Грант недовольно.

— Что ему оставалось делать, когда он встречал сопротивление неприступной добродетели! Жениться — и больше ничего. Король с его внешностью привык к победам над женщинами, так что у него не было ни малейшего желания отступить.

— Да. Такой же была его женитьба на Елизавете Вудвилль. Добродетельная, неприступная красавица с золотыми волосами — и тайный брак. Эдуард прибегнул к испытанному способу, если Стиллингтон не соврал. Не соврал ведь?

— При Эдуарде он, кажется, был сначала лордом-хранителем печати, потом лордом-канцлером, до этого послом в Бретани. Эдуард или был ему чем-то обязан, или сильно любил его. Так что у Стиллингтона не было резона затевать интригу против него, даже если бы он был интриганом по природе.

— Да, резона не было.

— В любом случае дело вовсе не в Стиллингтоне. Вопрос обсуждался на парламенте.

— Даже так?

— Да. Скрыть было невозможно. Девятого июня лорды долго заседали в Вестминстере. Были заслушаны Стиллингтон и его свидетели и подготовлен доклад к открытию парламента, намеченному на двадцать пятое. Десятого Ричард направил в Йорк просьбу прислать ему войска.

— Ха! Вот оно — начало конфликта.

— Одиннадцатого он послал аналогичную просьбу своему двоюродному брату лорду Невиллю. Опасность, видимо, была реальной.

— Могу себе представить. Человек, действовавший так продуманно в неожиданной и безнадежной ситуации, которая сложилась в Нортгемптоне, не стал бы терять голову из-за простой угрозы.

— Двадцатого июня он прибыл с небольшой группой слуг в Тауэр, который, как вы, должно быть, знаете, служил королевской резиденцией в Лондоне, а вовсе не тюрьмой.

— Конечно, знаю. За Тауэром закрепилась такая слава только потому, что сейчас слова «отправить в Тауэр» воспринимаются однозначно. Королевский замок был единственной крепостью в Лондоне, поэтому преступников приходилось содержать там, пока у нас не появились королевские тюрьмы. Так зачем Ричард поехал в Тауэр?

— Затем, чтобы сорвать заседание заговорщиков. А также арестовать Гастингса, Стэнли и некоего Джона Мортонна, епископа Илийского.

— Так я и думал, что рано или поздно мы дойдем до Джона Мортонна.

— Был оглашен билль о заговоре с целью убийства Ричарда, но, к сожалению, оригинал не сохранился. Казнен был только один из заговорщиков. Как ни прискорбно, это был старый друг обоих братьев, Эдуарда и Ричарда, — лорд Гастингс.

— Если верить праведному сэру Томасу Мору, его выволокли во двор и обезглавили на первом же попавшемся обрубке дерева...

— Никого не выволакивали, — возмущенно прервал его Каррадин. — Он был обезглавлен

только спустя неделю. В одном из писем того времени приводится точная дата. Более того, если бы речь шла только о мести, то Ричард не вернул бы вдове Гастингса его конфискованные поместья и не восстановил бы его детей в правах наследования, которые они автоматически утратили.

— Да, казнь Гастингса была неизбежна, — проговорил Грант, листая «Ричарда III». — Даже праведный Томас пишет: «Протектор несомненно любил его, и его потеря была для него горестна». А что случилось со Стэнли и Джоком Мортонем?

— Стэнли был прощен... Чего вы стонете?

— Бедный Ричард! Тем самым он подписал себе смертный приговор.

— Смертный приговор? Почему, простив Стэнли, он подписал себе смертный приговор?

— Потому что из-за внезапного перехода Стэнли на сторону противника Ричард проиграл Босвортскую битву.

— Не может этого быть!

— Вот если бы Ричард послал на плаху Стэнли вместе с обожаемым Гастингсом, он выиграл бы сражение, и у нас не было бы ни Тюдоров, ни изобретенного ими горбатого чудовища, переходившего из одного предания в другое. Если учесть его прежние успехи, его правление могло быть самым удачным и просвещенным в истории. Что сделали с Мортонем?

— Ничего.

— Еще одна ошибка.

— Во всяком случае, ничего особенного. Его отпустили на поруки Букингема. Казнены же были те, кто стоял во главе заговора, раскрытого Ричардом в Нортгемптоне: Риверс и компания. А на Джейн Шор было наложено покаяние.

— Джейн Шор? С какой стати она замешана в этом деле? Она же была любовницей Эдуарда?

— Верно. Но потом перешла к Гастингсу. Или, кажется, к Дорсету. И выполняла роль посредницы между сторонниками Гастингса и людьми Вудвиллей. В одном из сохранившихся писем Ричарда говорится о ней. О Джейн Шор.

— Что же?

— Королевский стряпчий хотел на ней жениться, то есть когда Ричард уже был королем.

— И он дал согласие?

— Дал. Чудное письмо. Скорее грустное, чем сердитое. Не без юмора.

— «Как глуп, о Господи, весь смертный род».^[21]

— Абсолютно верно.

— И тут никакого мстительного чувства.

— Никакого. Напротив. Не мое дело додумывать и делать выводы — я занят прежде всего фактами, — но я убежден, что горячим желанием Ричарда было раз и навсегда покончить с междоусобной войной Йорков и Ланкастеров.

— Откуда у вас такое убеждение?

— Я просматривал списки гостей на церемонии коронации. Кстати говоря, их было больше, чем когда-либо. Но что удивительно: практически не было таких, кто не захотел присутствовать на ней. Ни от Йорков, ни от Ланкастеров.

— В том числе наш флюгер Стэнли?

— Кажется, и он тоже. Я их не всех хорошо знаю, так что поименно не запомнил.

— Наверное, вы правы насчет желания Ричарда покончить с распрей между Йорками и Ланкастерами. Этим можно объяснить его снисходительность к Стэнли.

— Разве Стэнли был Ланкастер?

— Нет, но он был женат на самой яркой из них — на Маргарет Бофорт, а Бофорты

родственники Ланкастеров по побочной линии. Но думаю, что ее подогрело незаконное происхождение ее семьи или ее сын, скажем.

— А кто был ее сын?

— Генрих Седьмой.

Каррадин даже свистнул от удивления.

— Так значит, матерью Генриха Седьмого была леди Стэнли?

— Да, от ее первого мужа Эдмунда Тюдора.

— Но ведь на коронации Ричарда она несла шлейф королевы, а это очень почетно. Я запомнил эту деталь, потому что она показалась мне забавной. Тащить шлейф за королевой. У нас этого не бывает. Большая честь, я так понимаю?

— Огромная. Бедняга Ричард! Не помогло.

— Что именно?

— Великодушие не помогло, — Грант замолчал, а Каррадин продолжал шуршать своими бумажками. — Итак, парламент выслушал показания Стиллингтона?

— Более того. На их основании было издано постановление, дающее Ричарду титул короля.

— Для священника Стиллингтон поступил не очень-то красиво. Но если бы он заговорил раньше — это означало бы гибель для него.

— Вы к нему несправедливы. Зачем было рассказывать раньше? Кому от этого было хуже?

— А леди Элеонор Батлер?

— Она умерла в монастыре. Похоронена в церкви Ордена Белых Кармелиток в Норидже, если вас это интересует. Пока Эдуард был жив, никто от этого не пострадал. Когда же встал вопрос о престолонаследии, то он был обязан рассказать всю правду, красиво это или нет.

— Вы правы, конечно. Так, значит, в парламенте дети были объявлены незаконнорожденными, а Ричард коронован. В присутствии всей английской знати. А где была королева, жена Эдуарда? Она все еще скрывалась?

— Да, она скрывалась, но позволила перевезти младшего сына к брату.

— Когда это произошло?

Каррадин искал нужное место в своих записях.

— Шестнадцатого июня. Вот моя запись: «По просьбе архиепископа Кентерберийского. Оба мальчика живут в Тауэре».

— Значит, уже после того как перестало быть тайной то, что они незаконнорожденные.

— Да, уже после того. — Каррадин сложил свои бумажки и спрятал их в широченный карман. — Вот, пожалуй, и все на сегодня. Хотя есть кое-что напоследок. — Он собрал на коленях полы своего пальто жестом, которому позавидовала бы Марта. Или король Ричард. — Вы помните парламентский билль «Titulus Regius» — «О королевском титуле»?

— Да, да. И что с ним?

— Так вот. Когда Генрих Седьмой вступил на трон, он потребовал, чтобы билль был аннулирован, рукописный оригинал и все копии уничтожены. За хранение или чтение его полагались штраф и тюрьма.

Грант окаменел от удивления.

— Зачем Генриху это понадобилось?

— Не имею ни малейшего понятия. Но во что бы то ни стало докопаюсь. А теперь можете развлечься вот этим, пока Статуя Свободы не напомнит вам, что наступило время английского чая.

И он положил на грудь Гранту вырванную из блокнота страницу.

— Что это?

— Это то самое письмо, в котором Ричард упомянул о Джейн Шор. До скорой встречи.

Оставшись один, Грант перевернул листок и стал читать.

Высокопарный стиль письма и размашистый детский почерк Брента представляли собой забавное сочетание. Но ни неряшливая современная скоропись, ни тяжеловесные фразы не могли истребить пикантный вкус от чтения письма. От него исходил благородный аромат, как от выдержанного вина. В переводе на современный язык оно звучало так:

«К моему удивлению узнаю, что Том Лайном желает связать себя узами брака с женой Билла Шора. Видать, он крепко влюблен и для него это дело решенное. Нельзя ли, дорогой епископ, послать за ним кого-нибудь и попытаться вразумить эту непутевую голову. Если это невозможно, а препятствий для этого брака со стороны церкви нет, то я даю на него мое согласие. Однако ж, уговорите его отложить венчание до того дня, когда я прибуду в Лондон. А пока, я думаю, этого письма будет достаточно для ее освобождения при условии, что она будет вести себя хорошо, и я советую вам на это время поручить ее заботам ее отца или любого другого лица, которому вы доверяете».

Письмо и впрямь было «скорее грустное, чем сердитое», как выразился Каррадин. Действительно, если вспомнить, что оно касалось женщины, нанесшей Ричарду непоправимый вред, то великодушие и благородство его не могли не поражать. В данном случае в его великодушии не было никакой личной выгоды. Ту широту взглядов, которую Ричард проявил в поисках мира между Йорками и Ланкастерами, можно назвать небескорыстной. Он неизмеримо выиграл бы от объединения страны. Это же письмецо к епископу Линкольнскому было частным, и освобождение Джейн Шор не было важно ни для кого, кроме влюбленного Тома Лайнома. Ричард ничего не выигрывал от своей щедрости. Тут очевидна одна вещь: желание Ричарда видеть друга счастливым было выше его мстительности. Откровенно говоря, если отсутствие мстительного чувства можно считать необычным, в любом человеке, то оно тем более поразительно для такого злодея, как Ричард III.

Мысли о письме не оставляли Гранта вплоть до вечернего чая, принесенного Амазонкой. Прислушиваясь к щебету воробьев XX века на своем подоконнике, он все удивлялся, что ему довелось прочесть фразы, зародившиеся в голове человека четыре столетия назад. Какой фантастикой показалась бы Ричарду мысль, что его краткое интимное письмо о жене Шора четыреста лет спустя станет предметом чьих-то размышлений.

— Вам письмо. Приятная неожиданность, верно? — сказала Амазонка, неся на подносе два кусочка хлеба с маслом и диетическую булочку.

Грант отвел глаза от безусловно полезной для здоровья булочки, увидел, что письмо от Лоры, и с удовольствием распечатал конверт.

«Дорогой Ален (писала Лора), история меня ничем (повторяю: ничем) не удивит. В Шотландии есть два памятника двум мученицам, которых утопили за их религиозные убеждения. Но всем известно, что их никто не топил и никакие они не мученицы. Их казнили за предательство — я думаю, что они занимались шпионажем в пользу Голландии, собиравшейся напасть, или чем-то в этом роде. Во всяком случае, по обвинению в уголовном преступлении. Тайный совет отсрочил их казнь по поданной ими петиции. Постановление Тайного совета и сейчас хранится в его архивах.

Это обстоятельство, разумеется, не смутило шотландских любителей мучеников. Историю их печального конца, снабженную душераздирающим диалогом, можно обнаружить в каждом шотландском доме. Причем диалог всякий раз может быть совершенно другим. На могильной плите одной из несчастных жертв на кладбище в Вигтауне начертано:

Погибла за веру Христа верховенства,
Сановным загублена жизнь духовенством,
В одном лишь была она виновата,
Что чтит пресвитера, а не прелата.
Превыше всего Христа она чтит —
Пучина морская ей стала могилой.

Мне говорили, что пресвитерианские священники пересказывают их историю с амвона. Туристы качают головами, осматривая памятники, читая трогательные надписи. И все довольны.

И все это несмотря на то, что собиратель документов, объезжая район Вигтауна впервые сорок лет спустя после предполагаемых событий, во время подъема пресвитерианских настроений, жаловался, что „многие отказываются в это верить“. Очевидцев он так и не нашел.

Мы все радуемся, что ты пошел на поправку.

Если ты будешь стараться, твой отпуск совпадет с весенним клевом. В настоящий момент у нас отлив, но к твоему приезду вода прибудет. Будешь доволен и ты, и рыбы.

Все тебе шлют привет,
твоя Лора.

Р. С. Странно, но когда раскрываешь подлинные факты, развеивающие какой-нибудь миф, то возмущение падает почему-то на тебя. Люди не желают, чтобы их идеалы развенчивали. Они осознают неловкость своего положения и противятся этому. Поэтому они не признают правды и отказываются рассуждать здраво. Их равнодушие еще можно было бы понять. Но их чувства сильнее и активнее.

Они раздражаются.

Странно, правда?»

«Снова „тонипэнди“», — подумал Грант.

Тут уж он всерьез задумался, как много еще событий в учебниках английской истории, которые можно было бы определить этим словом.

Самое время теперь вернуться к «Истории Ричарда III» Томаса Мора и посмотреть, как будут звучать соответствующие пассажи на фоне уже известных ему фактов.

Если первоначально, прочтя мемуары Мора, Грант скорее по наитию счел их пустой болтовней, местами даже абсурдом, то теперь они показались ему просто отвратительной ложью. Ему «сводило скулы», по выражению Лориного сынишки Пэта, но он все же продолжал недоумевать.

События были изложены все-таки Мортонем, их участником и очевидцем. Он должен был знать с абсолютной точностью, что происходило в течение июня того года. Однако ни имя Элеонор Батлер, ни закон о престолонаследии — «Titulus Regius» — им ни разу помянуты не были. Если верить Мортону, Ричард использовал факт женитьбы Эдуарда на своей любовнице Элизабет Люси. Но Элизабет Люси, как указывал сам Мортон, этот факт начисто отрицала. Зачем было Мортону ставить кеглю, чтобы тут же ее сбить? Зачем надо было менять Элеонор Батлер на Элизабет Люси?

Видимо, затем, чтобы с уверенностью заявить, что Люси и не была замужем за королем, чего он не мог бы сделать в случае с Элеонор Батлер? Видимо, так. Значит, кому-то было важно доказать, что доводы Ричарда о том, что дети Эдуарда рождены вне брака, несостоятельны. А поскольку Мортон рукой Томаса Мора писал по заказу Генриха VII, этим человеком и был, вероятней всего, сам Генрих. Тот же Генрих VII уничтожил билль о престолонаследии и даже копии с него хранить запретил. Только теперь Грант вспомнил слова Каррадина о том, что Генрих приказал отменить билль без всякого чтения. Ему было крайне важно, чтобы люди начисто забыли об этом билле, чтобы он был уничтожен таким беспрецедентным способом.

Почему же ему это было так важно?

Почему именно Генриху было небезразлично, имел Ричард права на престол или нет? Наверное, не потому, что он мог бы тогда заявить: «Притязания Ричарда на престол ложны, а мои — нет». Однако какими бы ничтожно малыми ни были притязания Генриха Тюдора на престол, он все же был Ланкастер, а наследники Йорков в расчет вообще не принимались. Тогда зачем Генриху понадобилось заставлять всех забыть о содержании «Titulus Regius»? Зачем надо было скрывать Элеонор Батлер и выводить на сцену любовницу, которую никому и в голову не приходило считать женой короля?

До самого ужина ломал себе голову Грант над этой проблемой. К тому времени ему принесли снизу записку.

— Велели передать, что ее оставил для вас один молодой американец, — служитель протянул ему сложенный листок.

Грант поблагодарил и, не удержавшись, спросил служителя:

— Что вы знаете о Ричарде Третьем?

— А каков приз?

— Приз? — удивился Грант.

— Это ведь викторина?

— Да нет, это я из любопытства спрашиваю, что знаете вы о Ричарде Третьем?

— Он первый совершил массовое убийство.

— Массовое? Мне казалось, что у него было всего два племянника.

— Нет, нет, нет. Я не силен в истории, но это-то я знаю точно. Убил сперва брата, кузена и беднягу короля, а потом расправился и с племянниками. Так сказать, рассчитался с ними оптом. Грант задумался.

— А если я вам скажу, что он никого и не убивал, что вы на это ответите?

— Я отвечу: это ваше право. Есть люди, которые думают, что земля плоская. Есть люди, которые думают, что конец света наступит в 2000 году. Некоторые верят, что возраст Земли менее пяти тысяч лет. Пойдите-ка в воскресенье к Марбл-Арч,^[22] там еще и не такое услышите.

— Значит, мои слова вам не по вкусу?

— Очень даже по вкусу, но, к сожалению, не нахожу их достаточно убедительными. Но я вам не помеха. Сделайте еще одну попытку. Испробуйте себя на «Уголке ораторов» в одно из воскресений и найдете массу последователей. Может быть, даже станете зачинателем целого движения.

Он шутливо отсалютовал, коснувшись рукой воображаемого козырька, и удалился, напевая что-то себе под нос. Невозмутимый и полный достоинства.

«Не дай бог, если дело дойдет до этого, — подумал Грант. — Еще немного — и я действительно попаду к ораторам Гайд-парка».

Он развернул записку от Каррадина, которая гласила: «Вы хотели знать, кто еще из наследников престола пережил Ричарда. То есть дети мужского пола. Я забыл вас попросить дать мне список таковых, чтобы я мог навести справки. Думаю, это будет полезно».

Ну что ж, если всему миру на это плевать, то слава Богу, что нашелся такой надежный человек, как этот молодой американец.

Грант отложил в сторону святого и благоверного Мора, вздохнул, описывавшего истерики и абсурдные обвинения, и решил по трезвому школьному учебнику проследить по порядку, сколько же было наследников английского престола. И тут он вспомнил кое-что еще. Истерика на Совете в Тауэре, описанная Мором, безумное обвинение в колдовстве, в результате чего у Ричарда высохла рука, было брошено Джейн Шор.

Контраст между описанной сценой, бессмысленной и жуткой даже для бесстрастного читателя, и доброжелательным, терпимым и даже веселым тоном письма, в котором Ричард писал, собственно, только о Джейн Шор, был разительным.

«Не дай бог, — снова мысленно произнес Грант, — мне придется выбирать между тем, кто описал эту сцену, и автором письма. Я бы, конечно, выбрал автора письма, независимо от того, что каждый из них совершил».

Размышляя о Мортоне, он решил отложить составление списка наследников престола по линии Йорков, пока не выяснит для себя, что случилось в конечном счете с самим Джоном Мортонем. Оказалось, что после неудавшейся попытки реализовать совместный план Вудвиллей и Ланкастеров (согласно которому Генрих Тюдор намеревался высадиться из Франции на английском берегу, где его должны были встретить Дорсет, люди Вудвилльского клана и все недовольные в Англии, которых им удалось бы собрать) Мортон сбежал из гостеприимного дома герцога Букингемского в свое охотничье поместье в Или, а оттуда переправился на континент. И появился снова только в свите Генриха, завоевавшего вместе с короной победу при Босворте. Сам он держал теперь путь на Кентербери, где его ожидала кардинальская мантия. Его запомнят по выражению «Мортоновы вилы». И это, пожалуй, все,

что известно о правлении Генриха VII.

Остаток вечера Грант провел очень приятно, выискивая в учебниках наследников престола по Йоркской линии. Их оказалось в избытке. Пятеро детей Эдуарда да сын и дочь Георга. Если бы эти не получили признания — пятеро первых как незаконнорожденные и двое вторых как лишённые права наследовать престол по биллю о престолонаследии — на очереди оставался еще сын старшей сестры Ричарда Елизаветы, герцогини Саффолькской, Джон де ла Поул, граф Линкольн.

По линии Йорков обнаружился еще один наследник, о существовании которого Грант и не подозревал. Оказывается, хрупкий ребенок из Миддлхэма был не единственным сыном Ричарда. Было еще и дитя любви — Джон Глостер. Он не имел титула, но был признан отцом и жил в семье. Тогда еще внебрачные дети носили свои усеченные гербы без огорчения. Более того, со времени Вильгельма Завоевателя они даже вошли в моду. Все последующие завоеватели бравировали своим бескорыстием. Вероятно, в качестве компенсации.

Грант сделал себе такую выписку для памяти.

ЭДУАРД

Эдуард, принц Уэльсский;
Ричард, герцог Йоркский;
Елизавета,
Сесиль,
Анна,
Екатерина,
Бриджит

ЕЛИЗАВЕТА

Джон де ла Поул, граф Линкольн

ГЕОРГ

Эдуард, граф Уорик;
Маргарет, графиня Солсбери

РИЧАРД

Джон Глостер

Он сделал копию для Каррадина, поражаясь, как могла кому-нибудь — а в первую очередь Ричарду — прийти в голову мысль, что устранение двух сыновей Эдуарда оградит его от народных волнений. Наследников было хоть пруд пруди. Любой из них мог вызвать подобную же неприязнь своих подданных.

Впервые он по-настоящему осознал, что убивать мальчиков было не только бесполезно, но

и глупо. Каких только собак не вешали на Ричарда Глостера, но одно за ним не водилось — он не был глупым.

Грант поллюбопытствовал, что говорит Олифант об этом казусе.

«Было странно, — писал историк, — что Ричард ни разу не высказался о причине их смерти».

Не только странно, но и немыслимо!

Если Ричард решил убить сыновей своего брата, то уж он бы организовал это с умом. Принцы могли умереть, скажем, от лихорадки, их тела выставили бы для всеобщего обозрения, как это делалось со всеми усопшими членами королевской семьи, чтобы люди знали, что они действительно покинули этот мир.

Никто не сумеет поручиться, что тот или иной человек не способен на убийство. За долгие годы, проведенные в Скотланд-Ярде, Грант усвоил это слишком хорошо. Но уж весьма точно можно установить, способен или не способен человек совершить глупость.

Тем не менее у Олифанта убийство не вызвало никаких сомнений. Он тоже считал Ричарда злодеем. Очевидно, когда историк охватывает такой большой отрезок истории, как Средние века или Возрождение, у него не остается времени на подробности. Олифант принял на веру писания святого Мора, хотя порой и удивлялся некоторым несообразностям. Но он так и не увидел, что эти несообразности подрывали фундамент его теории.

С Олифантом в руках Грант проследил путь Ричарда по Англии после коронации. Оксфорд, Глостер, Уорстер, Уорик. На всем протяжении этого триумфального пути не было замечено, чтобы кто-нибудь высказывал недовольство. Только всеобщая радость и восторг. Ликование с надеждой на прочное воцарение сильной власти, которая после смерти Эдуарда не позволит обречь страну на многолетнюю усобицу и соперничество вокруг его малолетнего сына.

И тем не менее именно во время этой триумфальной поездки, среди всеобщих восторгов и фимиама Ричард (писал Олифант со слов святого и благоверного Мора) посылает Тиррела в обратный путь, в Лондон, чтобы прикончить двух мальчиков, занятых учебой в Тауэре. Дело было между 7 и 14 июля в Уорике. В это лето, как никогда ранее, Ричард чувствовал себя в безопасности в краю сторонников Йорков, на границе с Уэльсом. И именно тогда он решился на убийство двух мальчиков, лишенных даже права наследования.

Можно ли верить этой нелепице? Неужели и историки тоже лишены здравого смысла, как и те доверчивые «великие умы», которых Грант встречал во множестве? Он должен немедленно установить, почему расследование дела об убийстве, если его действительно совершил Тиррел в июле 1485 года, началось только двадцать лет спустя. Где же он был все это время?

Для Ричарда лето оборвалось слишком быстро и не оправдало его надежд. Осенью была предпринята вторжения войск Вудвиллей — Ланкастеров, которое подготовил Мортон прежде чем покинуть родные берега. Мортон мог бы гордиться тем, как ланкастерцы исполнили свою роль: они прибыли на французских кораблях и привели с собой французскую армию. Вудвилли оказались способными только на спорадические скопления незначительных сил в городах, удаленных друг от друга на большие расстояния, — Гилдфорде, Солсбери, Мейдстоне, Ньюбери, Эксетере и Бреконе. Англичане не желали иметь дело ни с Генрихом Тюдором, которого они вовсе не знали, ни с Вудвиллями, которых они знали слишком хорошо. Даже английская погода была против них, и надежды Дорсета увидеть свою сводную сестру Елизавету королевой Англии, женой Генриха Тюдора, смыл прибой в устье Северна. Генрих попробовал было высадиться на западном побережье, но оказалось, что население Девона и Корнуолла взялось за оружие, чтобы не допустить этого. Ему пришлось вернуться во Францию и ждать благоприятной погоды. Так осенний дождь и английское безразличие уничтожили план Мортон, и Ричард получил еще какое-то время для передышки. Но весной пришла

непоправимая беда — смерть сына. «Говорили, что король горевал отчаянно, он не был настолько жесток, чтобы не знать отцовских чувств», — писал историк.

Чувства мужа, потерявшего жену, как оказалось, были тоже ему ведомы: менее чем через год умерла его жена Анна.

Ему теперь предстояли ожидание новой попытки вторжения, забота об обороне Англии и беспокойство по поводу опустошенной королевской казны.

Все, что было в его силах, он сделал. Его именем был назван образцовый парламент. Он заключил долгожданный мир с Шотландией и выдал племянницу замуж за сына Якова III. Он упорно, хотя и безуспешно, настаивал на мире с Францией. Но Франция держала при дворе своего любимчика Генриха Тюдора. Вторжение Генриха в Англию, на этот раз заручившегося более широкой поддержкой, было лишь вопросом времени.

Грант вспомнил вдруг о леди Стэнли, об этой пылкой стороннице Ланкастеров, матери Генриха. Интересно, какую роль играла она в этом осеннем вторжении, оборвавшем счастливое лето Ричарда?

Он порыскал по убористому тексту и нашел наконец нужное место. Леди Стэнли было предъявлено обвинение в предательской переписке с сыном.

И снова Ричард поступил с ней — в ущерб себе — слишком мягко. Ее поместья были конфискованы, но переданы на попечение ее мужа. Как и сама леди Стэнли. Для вящей сохранности. По иронии судьбы, лорд Стэнли наверняка был столь же хорошо осведомлен о грядущем вторжении, как и его жена.

Воистину, король-злодей действовал не по правилам.

Грант уже засыпал, как вдруг явственно услышал свой голос: «Если мальчики были убиты в июле, а вторжение из Франции произошло в октябре, почему они не использовали убийство детей как предлог для войны с Ричардом?»

Нападение, разумеется, было запланировано задолго до того, как возник слух об убийстве. Снаряжение пятнадцати кораблей и пяти тысяч наемного войска должно было занять длительное время. Но за это время слух о преступлении Ричарда, если таковой вообще возник, должен был широко распространиться в народе. Почему бы врагам Ричарда не кричать во весь голос о его преступлении, чтобы собрать под свои знамена множество людей?

«Спокойно, спокойно, — сказал себе Грант, проснувшись утром. — Ты становишься пристрастным. Это уже не следствие».

Так, подчинившись внутренней дисциплине, он стал прокурором. А что, если версия с Элеонор Батлер была подстроена? Состряпана с помощью Стиллингтона? А что, если обе палаты парламента не прочь были смотреть на это сквозь пальцы в надежде на установление более стабильной власти?

Может ли это пролить хоть какой-то свет на убийство принцев? Нет, не может.

Если эта версия ложна, то первым, от кого полагалось бы избавиться, был Стиллингтон. Леди Элеонор давным-давно скончалась в монастырской келье и не могла поэтому в любой момент послать закон о престолонаследии ко всем чертям. А Стиллингтон мог. Однако он продолжал жить-поживать как ни в чем не бывало. Так он и пережил человека, которого посадил на трон.

Внезапная заминка, резкая перемена привычной процедуры подготовки к коронации — было ли это умело срежиссировано, или это была естественная реакция на разразившееся как гром среди ясного неба признание Стиллингтона? Когда при свидетелях подписывался брачный контракт с Батлер, сколько тогда было Ричарду? Одиннадцать? Двенадцать? Он, вероятней всего, обо всем этом и не подозревал.

Если история с Батлер была придумана в угоду Ричарду, то он должен был отблагодарить Стиллингтона. Но нигде не нашлось и намека на то, что Стиллингтон получил кардинальскую мантию, или высокое положение в иерархии, или должность.

Все же в пользу достоверности истории с Батлер говорила поспешность, с какой Генрих пытался уничтожить всякое упоминание о ней. Будь она фальшива, Генриху ничего не стоило бы разоблачить Ричарда, выведя Стиллингтона на чистую воду. Но он предпочел замять дело.

В этот момент Грант почувствовал, что он опять действует на стороне защиты. Не отказаться ли вообще от этой затеи? Уж лучше обратиться к модным авторам, лежащим без внимания на его ночном столике, и до прихода Каррадина забыть о Ричарде Плантагенете.

Набросок генеалогического древа Сесили Невилль он вложил в конверт, сверху написал адрес Каррадина и попросил Пигалицу бросить его в почтовый ящик. Затем положил портрет Ричарда, прислоненный к стопке книг, изображением вниз, чтобы его больше не волновало лицо человека, которого сержант Вильямс с ходу определил в судьи, и взял со столика роман Саймса Уикли. От изнанки спортивной жизни он перешел к бесконечным чашкам чая героини Лавинии Фитч, а от них, все больше раздражаясь, к закулисным интригам Руперта Ружа. Приход Каррадина избавил его от последнего. Brent, с тревогой глядя на него, начал с вопроса:

— Сегодня ваш вид мне совсем не нравится. Какие-то новые осложнения?

— Если иметь в виду Ричарда, то нового ничего, зато у меня для вас еще один «тонипэнди», — и он протянул Каррадину письмо с рассказом про утопленницу, которая никогда не тонула.

Brent читал письмо со все возрастающим наслаждением, а когда кончил, лицо его даже сияло от удовольствия.

— Что за прелесть! Этому «тонипэнди» просто нет равных. Чудесно, чудесно! И вы об этом никогда не слыхали раньше? Какой же вы после этого шотландец!

— У меня дед был шотландец, — уточнил Грант. — Я, конечно, знал, что пуритане гибли вовсе не «во имя веры», но я понятия не имел, что они, вернее двое из них, вообще не погибали.

— Их гибель не была «во имя веры»? — повторил Каррадин в изумлении. — Вы считаете,

что все это выдумка?

Грант засмеялся:

— Да уж наверно. Я, правда, об этом никогда раньше не задумывался. Я так давно знал, что «мучениками» они были не более, чем тот мерзавец, который поплатится за убийство лавочницы в Эссексе, что забыл об этом. В Шотландии если выносили кому-то смертные приговоры, то только за уголовные преступления.

— А я считал, что пуритане святые люди.

— Просто вы насмотрелись живописи XIX века. Тайные моления на вересковых пустошах, внимающие своему пастырю верующие: восторженные лица молодых, седые кудри старцев, развевающиеся на Божьем ветру. Ковенанторы ^[23] — это то же, что ИРА ^[24] в Ирландии сейчас. Непримириемое меньшинство, кроважачнее которых не было в истории христианства. Если в воскресный день вместо молебствия вы шли в церковь, то в понедельник, проснувшись, могли обнаружить, что ваш амбар сгорел, а у ваших лошадей перерезаны сухожилия. Если вы открыто проявляли свое возмущение, вас могли пристрелить. Люди, среди бела дня убившие архиепископа Шарпа по дороге в Файф на глазах его дочери, — вот кто были тогда герои. «Храбрыми борцами за дело Господне» считали их поклонники. Годами они жили припеваючи среди своих последователей — пуритан на западном побережье Англии. Епископа Ханимена убил в Эдинбурге «проповедник слова Божьего», эти же люди убили старого священника в приходе Карсферн.

— Совсем как в Ирландии, правда? — вставил Каррадин.

— Да они были хуже, чем ИРА, потому что важную роль там играла пятая колонна. Деньги им текли из Голландии, оттуда же поступало оружие. Никакой обреченности в их движении и в помине не было. Они были готовы в любой день взять власть в Шотландии в свои руки. Их проповеди носили чисто подстрекательский характер. Они удивительно напористо провоцировали преступность. Ни одно нынешнее правительство не могло бы позволить себе терпеть такое. Амнистии пуританам следовали одна за другой.

— Подумать только! А я-то привык считать, что они боролись за свободу верить в Бога по-своему.

— Никто не мешал им верить в Бога, как им вздумается. Но они еще делали все, чтобы навязать свои методы церковного управления не только Шотландии, но и — верите ли? — Англии. Вам надо будет прочесть манифест ковенанторов. Согласно их учению, свобода вероисповедания должна была быть закрыта для всех, кроме них, разумеется.

— А все эти надгробия и памятники для обозрения туристов...

— Все — «тонипэнди». Если вам случится прочесть на могильном камне, что Джон такой-то «пал жертвой верности слову Господню и преданности делу шотландской Реформации», а рядом — трогательный стишок во славу «праха жертвы тирании», будьте уверены, что вышеупомянутый Джон был осужден законным судом за уголовное преступление, наказуемое смертью, не имеющее ничего общего со словом Господним. — Грант издал короткий смешок. — Не издевательство ли, что группу людей, бывших в свое время грозой всей Шотландии, вывели в святые «мученики»?

— Не удивлюсь, если их имя было нарицательным.

— Каким?

— Как Кот и Крыса, помните?

— О чем это вы?

— Помните этот издевательский стишок о Коте к Крысе? Само упоминание этих имен звучало оскорбительно.

— Да, будто они наполнены ядом.

— Слово «драгун» получило такую же окраску. Ведь драгунами были в то время просто полицейские, я так понимаю.

— Да, да. Конные отряды полиции.

— Так вот, для меня, как и для любого другого читателя, слово «драгун» звучит угрожающе. Слово обрело новое понятие.

— Понимаю. Force majeure.^[25] В распоряжении правительства, собственно говоря, была только горстка полицейских, контролировавших огромную территорию, поэтому ковенанторы находились в выигрышном положении. Во многих смыслах. Драгун (читай — полицейский) не мог никого арестовать без ордера на арест (он даже не мог поставить своего коня на привязи без разрешения хозяина дома), а ковенанторам ничто не мешало полеживать, прячась в вересковых зарослях, и брать полицейских на мушку. Что они и делали, конечно. А ведь написаны целые тома о страдальцах за веру, прячущихся в вереске со своими пистолями. Полицейские же, исполнявшие сбой долг, считались, разумеется, извергами.

— Как Ричард.

— Вот именно. Как, кстати, продвигается у вас дело с уже известными нам фальсификациями типа «тонипэнди»?

— К сожалению, мне не удалось еще выяснить, почему Генрих так стремился уничтожить билль о престолонаследии. Дело было прочно предано забвению до тех пор, пока первоначальный вариант случайно не обнаружился в архивах Тауэра. Он был опубликован в 1611 году, а полный текст включен в «Историю Великобритании».

— Значит, дело не в билле о престолонаследии. Ричард законно сел на трон, как говорится в билле, а святой и благоверный Мор чушь писал. Никакая Элизабет Люси не была там замешана.

— Люси? Кто такая Элизабет Люси?

— Я забыл, что вы не в курсе. По свидетельству Мора, Ричард утверждал, что его брат Эдуард был женат на одной из своих любовниц, некой Элизабет Люси.

Казалось, Каррадина вот-вот стошнит от отвращения, которое появлялось на его добродушном лице всякий раз при упоминании имени святого и благоверного Мора.

— Но это же чушь!

— То же самодовольно отметил и Мор.

— Зачем им было скрывать Элеонор Батлер? — воскликнул Каррадин, смекнув, в чем тут дело.

— Потому, что ее брак с Эдуардом был действителен, а дети вправду незаконнорожденными. А если это так, то никому нет смысла восставать в защиту прав принцев, значит, для Ричарда они не представляют никакой угрозы. Вы поняли, что вторжение войск Вудвиллей — Ланкастеров было предпринято в пользу Генриха, а не в защиту прав детей, хотя ведь и Дорсет приходился им сводным братом? К тому же слухи об убийстве до него еще не успели дойти. Что касается лидеров восстания Дорсета — Мортонна, то дети тут ни при чем. Они делали ставку на Генриха. В случае победы Дорсет стал бы зятем короля, а его сводная сестра — королевой. Неплохая карьера для отверженного без гроша в кармане.

— Да, да. Можно понять, почему Дорсет не стал бороться за восстановление на престоле сводного брата. Если бы была малейшая надежда, что Англия согласится иметь королем мальчика, Дорсет наверняка поставил бы на мальчика. Я обнаружил еще один интересный факт. Королева с дочерьми очень скоро вернулась из своего убежища. Об этом я вспомнил, когда вы упомянули о ее сыне Дорсете. Она не просто вышла из убежища, а зажила так, будто ничего не произошло. Дочери стали выезжать во дворец. Хотите знать, какой сюрприз я вам приготовил?

— Очень.

— Все это было после того, как принцев «умертвили». И еще один сюрприз. После того «убийства» ее сыновей злым дядюшкой она пишет письмо во Францию своему третьему сыну, Дорсету, и просит его вернуться домой и примириться с Ричардом, который не станет причинять ему зла.

Воцарилось молчание.

Воробьи в тот день не появлялись, и в палате слышны были мягкие шлепки дождя по оконному стеклу.

— Комментариев не последует? — спросил Каррадин.

— Понимаю, — ответил Грант. — С юридической точки зрения в поступках Ричарда нет состава преступления, в буквальном смысле слова. Нет достаточных улик состава преступления как такового.

— Верно. Особенно я убедился в этом, когда узнал, что все люди из списка, который я получил от вас, жили и процветали на свободе, пока Ричард не был убит под Босвортом. Они не просто жили на свободе, но и богато жили. Дети Эдуарда плясали на дворцовых балах, получали щедрые пенсии. Ричард назначил одного из этого сонма родственников своим преемником, а его собственный сын умер.

— Кого же именно?

— Сына Георга.

— Значит, он отменил закон о лишении детей Георга престолонаследия?

— Да, да. Если вы помните, он был против вынесения ему приговора.

— Даже святой и благоверный Мор это признает. Значит, все наследники английского трона гуляли на свободе, беспрепятственно занимались своими делами, когда у власти стоял злодей Ричард.

— Не только гуляли, но и были частью истеблишмента. Ведь от них, как от членов королевской семьи, зависела жизнь всего королевства. Я читал хронику города Йорка, которую вел некто Дэвис. Сын Георга Уорик-младший и его кузен, молодой граф Линкольн, были членами Совета. Это видно из письма, которое направил им город в 1485 году. Более того, в том же Йорке в торжественной обстановке Ричард возвел Уорика в рыцарское достоинство одновременно со своим сыном, — Каррадин внезапно прервал рассказ и напрямик спросил Гранта: — У вас есть намерение обо всем этом написать книгу?

— Книгу? — удивленно переспросил Грант. — Боже упаси! С чего вы взяли?

— Потому что мне самому пришла такая мысль. Это намного увлекательнее Крестьянского восстания.

— Ну что ж, валяйте!

— Я хотел бы доказать отцу, на что способен. Он думает, что я ни на что не гожусь, ведь меня не интересуют ни мебель, ни маркетинг, ни рост или падение продаж. Если он увидит своими глазами мою книгу, может быть, поверит, что все-таки не зря старался. Пусть даже кое-когда похвастается, не беда.

Глаза Гранта потеплели.

— Забыл спросить, как вам понравился Кросби-плейс?

— Я от него в восторге. Если бы Каррадин Третий увидел дом, он захотел бы перевезти его в Штаты и поставить где-нибудь в Аппалачах.

— Если вы напишете о Ричарде книгу, он так и сделает. Будет считать его совладельцем своего дома. Как будет называться ваша книга?

— «История лжет» — это слова Генри Форда.

— Отлично.

— Но прежде чем я засяду за работу, предстоит еще много прочесть и найти множество

других данных.

— Без этого не обойтись. Далеко еще до самого главного.

— То есть?..

— Кто в конце концов убил мальчиков?

— Ах, да!

— Если дети были живы, когда Тауэр перешел к Генриху, то что с ними произошло потом?

— Я еще займусь этим. Пока что хотелось бы выяснить, почему Генриху так надо было скрыть от всех закон о престолонаследии.

Брент собрался уже уходить, как вдруг обратил внимание на перевернутый портрет Ричарда. Он поднял и поставил его так, как он стоял раньше, заботливо пододвинув к нему стопку книг.

— Держись, — приказал он Ричарду. — Скоро я верну тебе твое законное место.

Закрывая за собой дверь, он услышал голос Гранта:

— Я сейчас вспомнил об одном историческом событии, которое не относится к «тонипэнди».

— Каком? — Брент застыл на месте.

— Резня в Гленко.

— Она действительно была?

— Была!

Голова Брента высунулась из-за двери.

— И что же, мистер Грант?

— Человек, отдавший приказ о резне, был, оказывается, ковенантором.

Не прошло и пятнадцати минут после ухода Каррадина, как, излучая доброту, явилась Марта, увешанная цветами, свертками книг, коробками конфет. Но Грант с головой ушел в историю XV века Кэтберта Олифанта. Он рассеянно поздоровался с Мартой, что было для нее совершенно непривычно.

— Если бы твой зять убил твоих двух сыновей, приняла бы ты от него кругленькую сумму в виде пенсии?

— Вопрос, я полагаю, риторический, — проговорила Марта, опуская на стол цветы и ища глазами подходящую вазу.

— Честно говоря, я считаю, что все историки — сумасшедшие. Ты только послушай: «Поведение вдовствующей королевы было труднообъяснимым: то ли она боялись, что ее силой лишат убежища, то ли она просто устала от одиночества, живя в Вестминстере, и поэтому в апатии решила, что придется примириться с убийцей своих сыновей».

— Господи, — воскликнула Марта с искренним удивлением, повернувшись к нему, держа в одной руке фаянсовую банку, а в другой — стеклянный цилиндр.

— Как ты думаешь, историки верят в то, что говорят?

— Какая это вдовствующая королева?

— Елизавета Вудвилль, жена Эдуарда Четвертого.

— Я ее когда-то играла. Это была совсем маленькая роль в пьесе об Уорике Делателе Королей.

— Хорошо. Пусть я только полицейский, — сказал Грант. — Пусть я не вращался в таком обществе. Может быть, мне просто везло на хороших людей. Но где водятся женщины, которые дружат с убийцей своих детей?

— В Греции, — ответила Марта. — В Древней Греции.

— Не припомню аналогов даже там.

— Тогда в сумасшедшем доме. За Елизаветой Вудвилль ничего такого не числилось?

— Во всяком случае, никто ничего подобного не замечал. Она все же двадцать с лишним лет была королевой.

— Все это похоже на фарс, как ты не понимаешь, — Марта продолжала расставлять цветы. — На фарс, а не на трагедию. «Да, конечно, он убил Эдуарда и маленького Ричарда, но он такой милый, а мне с моим ревматизмом так вредно жить в комнатах с окнами на север».

Грант засмеялся — к нему вернулось хорошее настроение.

— Разумеется, ты права. Абсурд какой-то. Это уже что-то из области черного юмора, а не беспристрастной истории. Станный народ эти историки. У них начисто отсутствует способность оценить правдоподобие ситуации. Для них история — это аттракцион, где в щелочку можно увидеть, как где-то на дальнем плане двигаются маленькие плоские фигурки.

— Может быть, за чтением судебных дел и ты разучился видеть живых людей, забыл, как они ведут себя в жизни?

— Как бы ты ее сыграла? — Грант вдруг вспомнил, что профессия Марты приучила ее вникать в мотивы поступков.

— Кого?

— Женщину, покинувшую свое убежище, чтобы стать другом убийцы своих детей за семьсот мерков ежегодной пенсии и право появляться на придворных балах.

— Только не я. Таких женщин не бывает, если они не придуманы Эврипидом и не сидят в сумасшедшем доме. Это роль для уличного карнавала или бурлеска. Она противопоказана

поэтической трагедии. Написанной белым стихом. Надо будет когда-нибудь рискнуть и сыграть ее на каком-нибудь благотворительном утреннике. Я надеюсь, ты не возражаешь против мимозы? Как странно, что я, зная тебя так давно, не знаю твоих вкусов. А кто выдумал женщину, водившую дружбу с убийцей своих сыновей?

— Никто. Елизавета Вудвилль покинула монастырское убежище и действительно приняла пенсию из рук Ричарда. Пенсию не только назначили, ее выплачивали. Ее дочери танцевали при дворе, а она писала во Францию сыну от первого брака, призывая его вернуться и помириться с Ричардом. Олифант мог только предположить, что причиной этому была боязнь, что ее силой вытащат из монастыря (тебе известен такой случай? Того, кто посмел бы это сделать, отлучили бы от церкви, а Ричард был верным сыном святой церкви), или что ей наскучило монастырское одиночество.

— А что ты думаешь об этих странных делах?

— Простейшее объяснение всему этому может быть, что дети остались живы-здоровы. Никто из современников этого не опровергает.

Марта вертела в руках веточку мимозы.

— Да, я помню, ты сказал, что в билле о лишении прав престолонаследия и имущества отсутствовало какое-либо обвинение. Ричарда тогда уже не было в живых. — Она перевела взгляд с мимозы на портрет на столе, а затем на Гранта. — Следовательно, как сыщик, ты считаешь, что Ричард не имел никакого отношения к смерти принцев?

— Я совершенно уверен, что они были в добром здравии, когда Тауэр перешел в руки Генриха по прибытии его в Лондон. Иначе ничем нельзя объяснить, почему он не воспользовался случаем и не поднял шум, когда мальчиков там не оказалось. У тебя есть возражения?

— Нет-нет, конечно нет. Это совершенно необъяснимо. Я-то всегда полагала, что скандал был ужасный, что Ричарда обвинили именно в этом. Вижу, вы с моим ягненочком всерьез увлеклись историей. Ведь когда я предложила тебе провести это маленькое расследование, чтобы ты не скучал и отвлекся от своих мурашек в ноге, у меня и в мыслях не было, что я тем самым кладу начало обновлению истории. Кстати, Атланта Шерголд точит на тебя зубы.

— С какой стати? Я с ней даже не знаком.

— Все равно, она припасла для тебя револьвер. Brent совершенно присосался к Британскому музею. Не оттащишь. И если ей вдруг удастся увести его оттуда силой, мысли его все равно витают там. Она без него себя не мыслит, а он уже не может высидеть до конца пьесы. Ты часто с ним видишься?

— Он ушел недавно. Вряд ли я увижу его в ближайшие дни.

Но он ошибся. Незадолго до ужина служитель принес конверт. Грант вскрыл его и вынул телеграмму на двух листках. От Brentа.

«Проклятие зпт случилось непоправимое тчк помните латинскую хронику монаха кройлендского аббатства впр я ее только что читал тчк в ней слухи о смерти мальчиков тчк мы пропали зпт моя замечательная книга никогда не увидит света тчк интересно зпт можно утопиться в вашей реке или это привилегия британцев тчк брент».

Гробовое молчание прервал голос служителя:

— Ответ будет, сэр? Он оплачен.

— Что? Ах, нет. Не сейчас. Позже.

— Слушаю, сэр, — сказал служитель, глядя с уважением на телеграмму, занявшую целых

два листка. У него дома телеграммы были редкостью. Он зашагал обратно.

Грант размышлял над содержанием телеграммы, отбитой с такой заокеанской щедростью. Перечел еще раз.

— Кройленд, — произнес он в задумчивости. В этом есть что-то знакомое. Название раньше никогда им не попадалось. Каррадин, правда, как-то упомянул о какой-то монастырской хронике.

Он не спешил огорчаться. Сколько на его веку было фактов, на первый взгляд рушивших все прежние доводы! Поэтому он поступил так, как поступал всегда при расследовании очередного дела. Надо этот злополучный факт всесторонне изучить. Спокойно. Без паники. Не впадая в отчаяние, как бедняга Каррадин.

— Кройленд, — повторил он. — Кройленд находится где-то в графстве Кембридж или в Норфолке? Где-то на границе этих графств, на равнине.

Пигалица принесла ужин и стала пристраивать тарелку поближе к нему, но Грант ее не замечал.

— Так вам легко будет достать пудинг? — Ей пришлось повторить, так как ответа не последовало. — Мистер Грант, вы сможете дотянуться до вашего пудинга, если я его поставлю на краешек?

— Или!

— Что вы сказали?

— Или, — повторил Грант тихо, глядя в потолок.

— Вам нехорошо, мистер Грант?

Вместо знакомых трещинок на потолке он вдруг увидел озабоченное, напудренное личико Пигалицы.

— Мне очень хорошо. Как никогда раньше. Подождите минутку, будьте умницей, прошу вас, отправьте, пожалуйста, телеграмму. Я сейчас набросаю текст. Я не могу добраться до моего блокнота из-за вашего рисового пудинга.

Она протянула ему блокнот, и он написал на бланке оплаченного ответа:

«Следы аналогичных слухов ищите во Франции.

Грант».

После этого он с аппетитом съел ужин и приготовился ко сну. Его начало охватывать блаженное состояние полузабытья, как вдруг он почувствовал, что кто-то низко склонился над ним. Он мгновенно проснулся и увидел над собой тревожные, с расширенными зрачками глаза Амазонки, еще больше похожие на коровьи в тусклом свете ночной лампы. В руках она держала желтый конверт.

— Не знала, что и делать, — сказала она. — Не хотелось будить вас, но кто знает, может быть, это очень важно. Вот телеграмма. Не отдать сейчас — получится задержка на целых двенадцать часов. Сестра Ингэм кончила дежурить и ушла, а сестра Бриггс придет только в десять, и некого спросить. Я ведь вас не разбудила, нет?

Грант уверил, что она все сделала как надо, и Амазонка облегченно выдохнула, отчего портрет Ричарда чуть было опять не опрокинулся. Она не ушла, а стояла рядом с кроватью, пока Грант читал телеграмму, всем своим видом давая понять, что она тут и готова оказать ему помощь на тот случай, если в телеграмме окажутся дурные вести. Она считала, что телеграммы хороших вестей не приносят.

Опять Каррадин!

«Вы считаете зпт что должно отыскаться еще одно (еще одно) обвинение впр Брент».

На бланке оплаченного ответа Грант нацарапал:

«Да тчк желательно во Франции».

Амазонке он сказал:

— Можете погасить свет. Я теперь проснусь не раньше семи.

Он заснул без всякой надежды, что его предположение подтвердится.

Каррадина долго ждать не пришлось. Вид у него был далеко не растерянный. Он как будто даже пополнел, и пальто перестало висеть на нем, как на вешалке. Он широко улыбался.

— Мистер Грант, вы — чудо. У вас в Скотланд-Ярде все такие? Или вы какой-нибудь особенный?

От счастья Грант не верил своим глазам.

— Неужели след ведет во Францию?

— А вы что думали?

— Но я не смел надеяться. Слишком мало шансов.

— Где вы его нашли? В хронике? В письме?

— Не там и не сям. Вы будете удивлены. И огорчены. Оказалось, что Первый министр Франции в речи перед Генеральными штатами в Туре упомянул о слухе. Он даже долго распространялся на этот счет. Собственно, его красноречие было единственным, что меня утешало.

— Да в чем дело?

— Мне показалось, что он выступал скорее как конгрессмен, рассерженный на того, кто внес предложение, которое должно быть не по нраву его собственным избирателям. Скорее из политических, а не государственных интересов.

— Вам место в Скотланд-Ярде, Брент. Так что же сказал Первый министр?

— Я не слишком хорошо говорю по-французски. Может быть, вы сами прочтете? — и он протянул ему листок, на котором корявым детским почерком было написано:

«Посмотрите, прошу вас, на события в этой стране после смерти короля Эдуарда. Посмотрите на его детей, уже выросших и здоровых, безнаказанно умерщвленных, на его корону, переданную убийце при одобрении народа».

— «В этой стране», — повторил Грант. — Какая злоба против Англии. Он даже считает, что дети были «умерщвлены» по воле английского народа. Нас принимают за варваров!

— Я это и имел в виду. Сведение счетов, как в конгрессе. На самом деле регентство Франции в тот же год направило Ричарду свое посольство — шестью месяцами позже. По-видимому, они все же разобрались, что слух был ложным. Ричард подписал охранную грамоту на их въезд. Он бы никогда этого не сделал, если бы французы продолжали клеймить его как детоубийцу.

— Ни за что. Точные даты можете назвать?

— Вот они. Монах Кройлендского монастыря записывает события конца лета 1483 года. Он пишет, что ходят слухи о том, что мальчишки убиты, но никто не знает, каким образом. Мерзкий выпад в Генеральных штатах имел место в январе 1484 года.

— Отлично, — отозвался Грант.

— Почему вы считаете, что должна быть вторая волна слухов?

— Двойная проверка. Где находится Кройленд, вы знаете?

— Знаю, в Болотах. Рядом с Или.

— Так, в Болотах. Рядом с Или. А вам известно, что в Болотах прятался Мортон после бегства из-под опеки Букингема?

— Мортон! Ну, как же!

— Если Мортон — переносчик слухов об убийстве, то на континенте должна была вспыхнуть их вторая волна, как только он туда перебрался. Мортон сбежал из Англии осенью 1483 года, а вскоре, в январе 1484 года, поползли слухи. Кстати говоря, Кройленд — уединенное аббатство, идеальное укрытие для беглого епископа, где можно подождать переправы на континент.

— Мортон! — повторил вслух Каррадин, напирая на раскатистое «р». — Как только где-то заваривается каша, пахнет Мортоном.

— Вы тоже это заметили?

— Он был в центре заговора против Ричарда еще до его коронации, он же был подстрекателем восстания, когда Ричард короновался, а его след, ведущий на континент, — это мелкий змеиный след, пахнущий предательством.

— Ну, насчет змеиного следа — это ваши догадки, в суд с этим не пойдешь. Что же касается его деятельности после того как он пересек Ла-Манш — тут все ясно. Он полностью занят подготовкой провокации. Со своим дружкой по имени Кристофер Эрсвик они всячески выслуживались перед Генрихом, «посылая подметные письма и тайных гонцов» в Англию, возбуждая ненависть к Ричарду.

— Мне, конечно, не известно так хорошо, как вам, какие доводы принимает суд, а какие отвергает, но мне кажется, мои догадки насчет змеиного следа весьма правдоподобны, уж вы мне поверьте. Наивно полагать, что Мортон сидел сложа руки и ждал переправы на континент, чтобы начать работу против Ричарда.

— Конечно же нет. Для Мортоня уход Ричарда был вопросом жизни и смерти. Если бы Ричард удержался на троне, карьере Мортоня пришел бы конец. Он перестал бы существовать вообще. Лишенный своих многочисленных бенефиций,^[26] он сохранил бы одну простую рясу приходского священника. Это он-то, Джон Мортон, которому оставалось только руку протянуть до сана архиепископа! Если бы ему удалось посадить Генриха Тюдора на трон, тогда бы он не только занял место архиепископа Кентерберийского, но и получил сан кардинала. О да, для Мортоня было чрезвычайно важно, чтобы Ричард не усидел на троне.

— Вот видите, — сказал Брент, — более подходящей фигуры для подрывной работы не сыскать. Человек без чести и совести. Да он играючи пустил этот слухок о детоубийстве!

— Нельзя все-таки исключить, что он и сам в него верил, — возразил Грант, при всей своей нелюбви к Мортону верный правилу взвешивать все обстоятельства.

— Полноте, верил в то, что детей умертвили?

— Да-да. Это могло быть делом рук кого-то другого. Какие только слухи, должно быть, не распускались в Англии сторонниками Ланкастеров! Тут и простое недоброжелательство, и явная пропаганда. Возможно, он подхватил чью-то последнюю выдумку.

— Хм! А я допускаю, что именно он сделал все, чтобы это убийство стало возможным, — в сердцах парировал Брент.

— Я не столь категоричен, — засмеялся Грант. — Что новенького от нашего монаха из Кройленда?

— Мало утешительного. Уже после моей панической телеграммы я все же убедился, что ему тоже нельзя довериться. Монах сидел и записывал сплетни, доходившие до него из

внешнего мира. Например, он пишет, что у Ричарда была вторая коронация — в Йорке, что абсолютно неверно. Если он так ошибочно трактует события широко известные, то можно ли доверять ему как хроникеру? Но, между прочим, он был знаком с биллем о престолонаследии. Он записал все события, с ним связанные. И о леди Элеонор тоже.

— Любопытно. Даже в Кройлендском монастыре стало известно, на ком якобы был женат король Эдуард?

— Да. Скорее всего, святой и благоверный Мор придумал историю с Элизабет Люси много позже.

— Уж не говоря об этой неслыханной лжи про Ричарда, домогавшегося престола ценой позора своей матери.

— Что вы говорите?

— Якобы по наущению Ричарда с амвона было сказано, что его братья Эдуард и Георг прижиты его матерью от кого-то еще и что он, Ричард, — единственный сын, рожденный в законном браке, а посему единственный законный претендент на престол.

— Более вразумительного он придумать не мог, этот ваш святой Мор? — процедил Brent сквозь зубы.

— Вот-вот. Особенно если учесть, что в то время Ричард жил в доме своей матери!

— Да! Я об этом совсем забыл. Что значит — память сыщика! Вы очень точно заметили, что Мортон был переносчиком слухов. Но вдруг этот же слух объявится еще где-нибудь?

— Все возможно, конечно. Но держу пари, что не объявится. Я вообще не верю, что слух о пропаже детей был так уж широко распространен.

— Почему?

— Если в народе чувствовалась бы напряженность, имели место какие-то явно враждебные разговоры или действия, Ричард немедленно предпринял бы серьезные меры. Уже много позже, например, когда поползли слухи о том, что он собирается жениться на своей племяннице Елизавете, старшей сестре маленьких принцев, — он тут же среагировал. Немедленно по разным городам были разсланы письма, в которых он в самых недвусмысленных выражениях отвергает эти измышления. Ричард был так разгневан, что, опасаясь клеветы, собрал «отцов города» в самом вместительном зале Лондона и лично высказал им все, что он думает об этом деле.

— Разумеется, вы правы. Если бы слух об убийстве распространился широко, Ричард наверняка сделал бы публичное опровержение. Как ни говори, это куда серьезней разговоров о женитьбе на племяннице.

— Ну, конечно. Ведь в те времена, чтобы жениться на племяннице, достаточно было получить специальное разрешение церкви. Возможно, это правило действует и по сей день. Во всяком случае, это не по моей части. Значит, мы установили, что раз Ричард пошел на такие меры, чтобы устранить слухи о женитьбе, можно быть уверенным, что он принял бы гораздо более серьезные меры для прекращения слухов об убийстве, если таковые существовали. Напрашивается вывод: в народе слухов об исчезновении детей или о грязной возне вокруг них не было.

— Кроме тонкого ручейка между Болотами и Францией.

— Кроме тонкого ручейка между Болотами и Францией. В остальном, как видно, никто не был озабочен судьбой мальчиков. Во всяком полицейском расследовании важно не упустить малейшие отклонения от нормального поведения подозреваемых. Почему, скажем, некий X, который каждый четверг ходит в кино, именно в этот вечер решил не ходить? Почему Y взял, как всегда, обратный билет и не использовал его? Все это очень важно. Но здесь все время, пока Ричард оставался на троне, до самой его смерти, все ведут себя самым обычным образом. Мать

маленьких принцев возвращается из своего прибежища и возобновляет дружбу с Ричардом. Ее дочери выезжают в свет. Сыновья, видимо, продолжают учебу после перерыва, вызванного смертью отца. Их двоюродные братья получили места в Совете и в Йорке считаются важными персонами, если судить по адресованным им письмам. Течет нормальная, мирная жизнь, все занимаются своим делом, нигде нет и намека на то, что в королевской семье только что совершено страшное, бессмысленное убийство.

— Нет, мистер Грант, пожалуй, я все-таки напишу свою книгу.

— Вы ее обязательно напишете. Этим вы не только восстановите честное имя Ричарда, но и защитите честь Елизаветы Вудвилль, которой приписывают, что она смирилась с убийством сыноией за семьсот мерков ежегодной пенсии и личные привилегии.

— Но чтобы начать книгу, мне нужна хотя бы версия того, что произошло с мальчиками.

— У вас будет такая версия.

Каррадин оторвал взгляд от пушистых облачков, плывущих над Темзой, и с сомнением уставился на Гранта.

— Что это вы задумали? Вы похожи на кота рядом со сметаной.

— Да я, пока вас не было, от нечего делать занимался разными полицейскими делами.

— Полицейскими?

— Ну да. «Кому это выгодно» и тому подобное. Мы уяснили, что Ричард не выгадал бы ни на грош на смерти детей. Поэтому следует искать того, кто от этого выгадал бы. Вот тут-то в игру вступает «Titulus Regius», билль о престолонаследии.

— Какое отношение к этому имеет билль?

— Генрих Седьмой женился на старшей сестре принцев Елизавете.

— Так.

— Примилив таким образом йоркистов с тем, что он занял трон.

— Ну-ну?

— Отменив билль о престолонаследии, он тем самым объявлял свою жену законнорожденной.

— Ясно.

— Но, объявив детей Эдуарда законнорожденными, он автоматически возвратил двум мальчикам право занять престол раньше Елизаветы. По сути дела, отмена билля делала старшего из принцев королем Англии.

Каррадин даже прищелкнул языком от удовольствия, а глаза его за стеклами очков заблестели.

— Итак, — сказал Грант, — продолжим расследование, исходя из этих фактов.

— Идет! Что вам для этого потребуется?

— Надо как можно подробнее узнать о призвании Тиррела. Но самое интересное — как при этом вели себя окружающие. Что с ними в действительности произошло. Мемуары о них меня не волнуют. Помните, как мы восстанавливали историю прихода к власти Ричарда после внезапной смерти Эдуарда?

— Да. Что именно вы хотите узнать?

— Как жили наследники дома Йорков после того, как Ричард погиб, а они остались живы-здоровы, да к тому же богаты. Каждый в отдельности. Можно узнать?

— Элементарно.

— О Тирреле узнайте как можно подробнее. Что он был за человек, что именно он сделал тогда.

— Хорошо, — Каррадин по-боевому встал, и Гранту показалось, что он вот-вот начнет застегиваться на все пуговицы, как солдат. — Мистер Грант, большое вам спасибо за все...

все...

- Удовольствия?
- Когда вы встанете на ноги, я устрою вам экскурсию в Тауэр.
- Включите в нее Гринвич по реке и обратно. Мы, островитяне, любим бороздить воды.
- Скоро вам разрешат вставать?
- Раньше, чем вы вернетесь с новостями о Тирреле.

Однако Гранту не разрешили вставать до возвращения Каррадина. Но он уже мог сидеть в кровати.

— Вы не можете себе представить, — сказал он, — какое потрясающее зрелище стена — по сравнению с потолком. Мир на потолке мал и уродлив.

Его тронуло, что Каррадин явно радовался его успехам, и они не сразу перешли к делу. Наконец Грант спросил:

— Ну, как жилось молодым Йоркам при Генрихе?

— Ах, да! — воскликнул Brent, вытаскивая целые вороха записей из карманов пальто и пододвигая стул носком ботинка. — С чего начинать? — спросил он, усаживаясь.

— Что мы знаем о Елизавете? Генрих женился на ней, она стала королевой, потом умерла, после чего он посватался к безумной Анне Испанской.

— Да. Свадьба Елизаветы состоялась весной 1486 года, нет, пожалуй, раньше, в январе. Через пять месяцев после битвы при Босворте, а умерла она весной 1503 года.

— Семнадцать лет прошло. Бедная Елизавета, ей, поди, казалось, что прошли все семьдесят. Генрих, как говорится, жену держал в строгости. А как остальные члены семьи? Все другие дети Эдуарда? Судьба двух нам пока неизвестна. Что стало с Сесилью?

— Ее выдали за старого дядюшку короля — лорда Уэллса и отправили жить в Линкольншир. Анна и Екатерина, тогда еще дети, вышли замуж, когда им подошло время, за сыновей Ланкастерского дома, Бриджит, самая младшая дочь, приняла постриг в Дартфорде.

— Пока что ничего из ряда вон выходящего. Кто там еще был? Сын Георга.

— Да, молодой Уорик. Был пожизненно заключен в Тауэр и казнен якобы за попытку к бегству.

— Так. А дочь Георга — Маргарет?

— Она стала графиней Солсбери. Ее казнь по ложному обвинению при Генрихе Восьмом, несомненно, служит классическим примером судебной ошибки — вынесения смертного приговора невиновному.

— А сын Елизаветы, второй кандидат на престол?

— Вы имеете в виду Джона де ла Поула? Он жил у своей тетки в Бургундии, пока не...

— Его теткой была Маргарет, сестра Ричарда?

— Да. Он погиб во время восстания Симнела.^[27] Но у него был младший брат, которого вы упустили из своего списка. Казнен Генрихом Восьмым. Этот брат сдался Генриху Седьмому под обещание сохранить ему жизнь, и Генрих, я думаю, не рискнул нарушить его. Или, может быть, он уже выполнил свою квоту. Генрих Восьмой греха не убоился. И одним де ла Поулом не ограничился. Вы не упомянули в своем списке еще четверых: Эксетера, Сарри, Букингема и Монтегю. Он уничтожил их всех.

— А побочный сын Ричарда? Какова его судьба?

— Генрих Седьмой дал ему пенсию в двадцать тысяч фунтов в год, но с воцарением Генриха Восьмого Джон Глостер стал его первой жертвой.

— В чем его обвиняли?

— В том, что Ирландия предложила ему гостеприимство.

— Шутите?

— Нисколько. Ирландия была центром роялистского движения.^[28] Дом Йорков пользовался в Ирландии популярностью, и получить приглашение оттуда, как считал Генрих, было все равно что подписать себе смертный приговор. Хотя, честно говоря, мне непонятно, чего Генриху было

так беспокоиться насчет молодого Джона. «Живой, доброжелательный малый», — помните, как в известной пьесе?

— У него было больше прав на престол, чем у Генриха, — резко отозвался Грант. — Он единственный побочный сын короля, а Генрих всего лишь праправнук побочного сына младшего сына короля.

Некоторое время они молчали.

— Верно, — вдруг проронил Каррадин.

— Что верно?

— То, что вы подумали.

— Я прав? Эти двое — единственные, кого я не включил в список.

Снова наступило молчание.

— Все они были невинно убиенными, — нарушил молчание Грант. — Убийства совершались под прикрытием закона. Но нельзя же было приговорить к смерти двух невинных ребятишек.

— Да, — согласился Каррадин и повернулся к окну, где шумели воробьи. — Да, надо было что-то придумать. Они же стояли на пути.

— В том-то и дело.

— С чего начнем?

— С того же, с чего и тогда, когда мы прослеживали путь Ричарда к престолу. Узнайте, где находились все действующие лица в первые месяцы правления Генриха и чем они были заняты. Начните с первого года царствования. Где-то здесь должно произойти что-то из ряда вон выходящее, вроде той заминки в подготовке к коронации.

— Есть.

— Удалось найти что-нибудь о Тирреле? Кто он был такой?

— Удалось. Он оказался совсем не тем, что я предполагал. Я думал, что какой-нибудь прихлебатель. Как по-вашему?

— Да, признаться, и я так думал. А на самом деле?

— На самом деле он был важной персоной. Его полное имя сэр Джеймс Тиррел из Джиппинга. Он состоял при различных комиссиях — как сейчас бы их назвали — при Эдуарде Четвертом. При осаде Берика ему было присвоено личное дворянское звание за исполнение воинского долга. И при Ричарде он весьма преуспел, но был ли он в сражении при Босворте, мне не удалось выяснить. Оказывается, многие прибыли туда слишком поздно, поэтому это не столь важно. Словом, Тиррел был вовсе не из этой лакейской братии, как я себе представлял.

— Как интересно! А что с ним случилось при Генрихе Седьмом?

— Действительно интересная штука произошла. Для такого верного и удачливого сподвижника Йорков, каким был Тиррел, его дальнейшая судьба сложилась на редкость счастливо. Генрих назначил его коннетаблем в Гюине, ^[29] потом послом в Риме, затем он был уполномоченным по мирному договору в Этапле. ^[30] Генрих пожаловал ему пожизненную ренту с поместий в Уэльсе в обмен на равнозначные доходы, которые он имел в Гюине. Зачем — непонятно.

— Мне-то понятно.

— Зачем же?

— Разве вас не удивило, что все его привилегии получены не в Англии? Даже пожизненная рента.

— Да, удивило. Но о чем это говорит?

— В данный момент ни о чем. Может быть, Гюин благотворно влиял на его бронхит? Чем больше копаешься в исторических материалах, тем больше загадок остается. Как с

шекспировскими трагедиями. Толковать их можно бесконечно. Как долго продолжался его медовый месяц с Генрихом Седьмым?

— О, довольно долго! До 1502 года все шло отлично.

— А в 1502 году?..

— До Генриха дошло, что Тиррел замешан в подготовке побега из Тауэра какого-то человека из лагеря Йорков и переброске его в Германию. Он выслал в Кале отряд для осады замка в Гюине. Король торопился и вдогонку отправил лорда-хранителя печати... Вы знаете, что это такое? — Грант кивнул. — Отправил лорда-хранителя печати — что за титулы у этих англичан! — с охранной грамотой для Тиррела, если тот согласится вступить в переговоры с канцлером на борту корабля в Кале.

— Не может этого быть!

— Хотите знать, что было дальше? Очнулся Тиррел за решеткой в Тауэре, а 6 мая 1502 года был «спешно обезглавлен без суда и следствия».

— А его признание?

— Не было.

— Как не было?

— Не смотрите на меня так. Я в этом не виноват.

— Но он же признался в убийстве мальчиков.

— Об этом свидетельствуют различные источники, но все это описания, а самого текста признания нет, понимаете?

— Значит, Генрих не стал его публиковать?

— Нет. Придворный историк Полидор Вергилий описал, как было совершено убийство. Но это было уже после смерти Тиррела.

— Но если он сознался, что убил детей по наущению Ричарда, почему его не судили?

— Понятия не имею.

— Погодите, о признании Тиррела стало известно только после его смерти?

— Тиррел признал, что еще в 1483 году, двадцатью годами раньше, примчался из Уорика в Лондон, получил ключи от смотрителя тюрьмы... забыл его имя...

— Блэкенбери. Сэр Роберт Блэкенбери.

— Правильно... ключи от смотрителя тюрьмы Роберта Блэкенбери на одну ночь, прикончил детей, отдал ключи и вернулся назад к Ричарду. Его признание положило конец слухам о таинственном исчезновении принцев — и при этом не было никакого публичного расследования?

— Никакого.

— Я бы в суд с этим не пошел.

— Нечего об этом и думать. Такого вранья я никогда еще не слышал.

— Неужели они даже не потрудились допросить Блэкенбери, передавал он ключи или нет?

— Блэкенбери был убит при Босворте.

— Понятно. Какой спрос с покойника! А знаете, гибель Блэкенбери дает нам в руки еще одну маленькую улику.

— Разве?

— Если ключи действительно выдавались на одну ночь по приказу Ричарда, тогда об этом должно быть известно множеству мелких служащих Тауэра. Трудно поверить, что кто-то из них не проговорился Генриху, когда Тауэр перешел к нему. Особенно если считалось, что принцы пропали. Блэкенбери убит, Ричард убит, но кто-то из старших по службе должен был предъявить мальчиков. Если же предъявлять было некого, то он должен был заявить: «Смотритель тюрьмы выдал однажды ночью ключи, и с тех пор мы детей не видали». Поднялся

бы страшный шум вокруг человека, получившего ключи. Он мог стать главным свидетелем против Ричарда и первым козырем для Генриха.

— Вполне вероятно, но ведь Тиррела в Тауэре все знали, и он не мог пройти неузнанным. Лондон был тогда невелик, а Тиррел — фигура заметная.

— Верно. Если все так и было, Тиррела бы судили и казнили публично в 1485 году. За него было некому заступиться. — Рука Гранта потянулась к пачке сигарет. — Итак, нам остается предположить, что Генрих казнил Тиррела в 1502 году, а затем объявил с помощью своих ручных историков, что тот двадцать лет назад убил принцев.

— Правильно!

— И никогда ни разу не обмолвился, почему не было суда над Тиррелом, который сознался в совершении такого чудовищного злодеяния.

— Ни разу. По крайней мере, мне это неизвестно. Он, знаете ли, всегда пользовался обходными путями. Никогда не действовал напрямую, особенно в таком деле. Это не должно было походить на убийство. Годами Генрих искал какое-то законное основание, которое должно было его прикрыть. Ум был изощрен до предела. Как вы думаете, с чего он начал, став королем?

— С чего же?

— Казнил соратников Ричарда в битве при Босворте, обвинив их в предательстве. А как ему удалось подвести под это закон? Начав отсчет своего царствования за день до Босвортской битвы. Человек, способный на такой подлог, готов пойти на все. — Brent взял предложенную Грантом сигарету. — Но это не сошло ему с рук, — добавил он, торжествуя. — О нет, не сошло. Англичане, молодцы, сказали ему «хватит». Поставили его на место.

— Каким образом?

— Очень вежливо, чисто по-английски предъявили ему парламентское постановление, в котором было указано, что ни один человек, пока он находится на службе у короля, не может быть обвинен в измене или заключен под стражу. И заставили Генриха подписаться. Истинно английская железная любезность. Никаких уличных толп, швыряния камней и криков, что им не нравятся его невинные хитрости. Пожалуйста вам постановленьице и извольте его любить и жаловать. Представляю, как он скрипел зубами. Ну-с, я пошел. Я так рад, что вам можно теперь сидеть и чувствовать себя здоровым человеком. Не успеете оглянуться, как мы поедем с вами в Гринвич.

— А что в Гринвиче?

— Хорошая архитектура и мутная река через весь город.

— И все?

— Хорошие пабы.

— Едем в Гринвич!

После его ухода Грант лег на спину и стал курить одну сигарету за другой, размышляя над историей тех наследников с Йоркской стороны, которые преуспевали при Ричарде III, а при Генрихе VII сошли в могилу.

Возможно, кто-то из них получил по заслугам. Сведения, собранные Каррадином, все же не могли дать полного представления о той жизни во всем ее многообразии. Какое, однако, поразительное совпадение, что все, кто стоял на пути Тюдоров к трону, так вовремя скончались!

Грант скептически посмотрел на книгу, принесенную ему Каррадином. Это была «Жизнь и царствование Ричарда III» некоего Джеймса Гэрднера. Brent уверял его, что он не пожалеет, если прочтет доктора Гэрднера. По его словам, книгу приняли «на ура».

Особого повода ликовать Грант не обнаружил, но, подумав, что лучше уж читать о Ричарде, чем о ком бы то ни было еще, стал перелистывать книгу и скоро понял, почему она прошла, как

выразился Brent, «на ура». Доктор Гэрднер упорно считал, что убийство было делом рук Ричарда, но как честный писатель и ученый, да к тому же еще, по его словам, беспристрастный, он не мог утаить некоторые факты. Следить за тем, как доктор Гэрднер упражняется, пытаясь подогнать эти факты под свою теорию, было просто увлекательно. Давно Грант не испытывал ничего подобного.

Не замечая собственных нелепостей, доктор Гэрднер признавал за Ричардом большой ум, великодушие, храбрость, деловые качества, обаяние, популярность и доверие, которое он внушал даже своим злейшим врагам. И на том же дыхании рассказывал о том, что он облил клеветой свою мать, умертвил двух беззащитных детей. «По преданию», — говорит этот достойнейший доктор и тут же излагает сие ужасное предание, подписываясь под ним обеими руками. В характере Ричарда не было ничего мерзкого и подлого, но, если верить доктору, он, как ни говори, был убийцей невинных детей. Даже враги доверялись ему, но он убил своих племянников, и все тут. Честность его была замечательной — но все-таки убил из корыстных побуждений.

Какие только фокусы не показывал доктор Гэрднер, какие головоломные трюки не выдвигал! Снова Гранту представился случай подивиться, как устроены мозги у этих историков. Простому человеку в голову не придет, а они-таки додумаются. Ни разу не приходилось Гранту встречать — ни в литературе, ни в жизни — существа, хотя бы отдаленно схожего с Ричардом в изображении Гэрднера или с Елизаветой Вудвилль в описании Олифанта.

Права была Лора — человеку трудно отказаться от своего предвзятого мнения. Развенчивание общепринятых понятий всегда наталкивается на внутреннее сопротивление, рождает неприязнь. Так и доктор Гэрднер: он упирается, как испуганный ребенок, не желает подчиниться неизбежному.

За свою жизнь Грант повидал немало честнейших и обаятельнейших людей, совершивших когда-то убийство. Но не такого рода и не по таким мотивам. Человек, описанный Гэрднером в «Жизни и царствовании Ричарда III», убил бы, только если на него самого обрушилось какое-нибудь несчастье. Он мог бы, скажем, убить жену за неверность. Или партнера, чьи тайные махинации разорили его фирму и разбили будущее его детей. Каковы бы ни были мотивы его преступления, оно совершилось бы как результат сильного душевного потрясения, неумышленно и не из низменных побуждений.

Нельзя сказать, что, обладая такими качествами, Ричард не был способен на убийство. Но можно утверждать, что он не был способен на такое убийство именно потому, что обладал подобными качествами.

Убийство совершено так неумело, а Ричард был человеком выдающихся способностей. Оно было безнравственным, Ричард же верен высоким моральным принципам. Оно было безжалостным, а он был добросердечным.

Если перебрать все его признанные достоинства, то становится очевидным, что, взятые в отдельности, они делали его участие в этом преступлении маловероятным. Взятые вместе, они воздвигали такую высоченную стену, что усомниться в обратном становится невозможно.

— Одного человечка вы забыли, — первым делом сообщил Гранту Каррадин, влетев в палату через несколько дней. — Его нет в вашем списке.

— Привет. Кто же он?

— Стиллингтон.

— Как же, как же! Достопочтенный епископ Батский. Если Генрих так возненавидел билль о престолонаследии, подтвердивший правоту Ричарда и лишавший прав его собственную жену, то как же он должен был ненавидеть его создателя?! Так что же было со стариком Стиллингтоном? Казнили по ошибке?

— Очевидно, старик не захотел играть.

— Во что?

— В излюбленные игры Генриха. Отказался наотрез. То ли потому, что был старым стреляным воробьем, то ли слишком наивным, словом, он не полез в ловушку. По моему убеждению — если простому архивисту дозволено его иметь, — он был наивен до такой степени, что не поддавался ни на какую провокацию. Одного этого было достаточно, чтобы его казнили.

— Вы хотите сказать, что он пересилил Генриха?

— Да нет же, никому еще не удавалось пересилить Генриха. Его просто посадили, но забыли выпустить. Так он никогда домой и не вернулся.

— Что-то вы сегодня такой веселый. Я бы даже сказал, навеселе.

— Что за подозрения! Еще все закрыто. Во мне бурлит интеллект, только и всего. Пир духа. Блеск ума.

— Серьезно? Ну так сядьте и отдохните. В чем дело, почему все стало так хорошо?

— Хорошо — не то слово. Прекрасно! Из-зуми-тельно!

— Вы все-таки наклюкались где-то.

— Если бы и захотел, в меня просто бы не влезло. Я до макушки переполнен радостью.

— Вы наткнулись на то самое нарушение общей картины, я так понимаю?

— Но оно произошло позже, чем мы думали. На другой стадии. Первые месяцы все шло как полагается. Генрих вступил в свои права, приводил в порядок дела, женился на сестре принцев, с помощью сообщников принудил парламент аннулировать билль о престолонаследии — о принцах нигде не сказано ни полслова — и принял новый билль против Ричарда и его подданных. Те, кто верно служил королю, превратились в изменников: ведь он приказал считать началом своего царствования день накануне Босвортского сражения. Одним росчерком пера Генрих прикарманил горы конфискованного имущества. Кройлендский монах, между прочим, был очень шокирован тем, как Генрих ловко провернул дело с изменой. «Боже милостивый, — пишет он, — кто после этого станет защитой нашим королям в бою, если их верных соратников в случае поражения ждет смерть, а их детей — нищета?»

— Генрих не считался со своими соотечественниками.

— Да. Он, возможно, понимал, что рано или поздно англичане поймут это. А может, они его своим и не считали. Как бы то ни было, сначала события развивались, как можно было ожидать. В августе 1485 года Генрих одержал победу, а в январе следующего года женился на Елизавете. Королева родила своего первенца в Винчестере. Ее мать присутствовала при родах и крещении ребенка. Сие произошло в сентябре 1486 года. А осенью вдовствующая королева вернулась домой в Лондон. Но уже в феврале — не упустите деталей — в феврале ее насильно отправили в монастырь, где она пробыла до конца жизни.

— Елизавета Вудвилль? — Грант был вне себя от изумления. Этого он никак не ожидал.

— Да, да. Елизавета Вудвилль, мать маленьких принцев.

— Откуда вы знаете, что она не отправилась туда по своей воле? — подумав немного, спросил Грант. — Знатные дамы принимали постриг, устав от придворной жизни, — в этом не было ничего особенного. Жизнь в монастырях не была так уж сурова, знаете ли. Наоборот, я думаю, что для богатых дам она была вполне сносной и даже удобной.

— Генрих лишил ее всего имущества и приказал отправить в монастырь в Бермондси. И это событие вызвало большой шум. Пошли разговоры, как вы понимаете.

— Понимаю теперь. Неслыханное дело! Он объяснил причину?

— Да.

— За что он ее разорил?

— За хорошее отношение к Ричарду.

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Так и значится в документах?

— Нет. Так звучит версия карманного историка Генриха.

— Вергилия?

— Да. В указе Совета, согласно которому Елизавета была заключена в монастырь, значится: «...по некоторым соображениям».

— Вы цитируете? — Грант все еще не верил своим ушам.

— Цитирую. Так и сказано: «...по некоторым соображениям».

После недолгого молчания Грант проговорил:

— Не было у него таланта находить оправдания. На его месте я придумал бы в десять раз лучше.

— То ли ему было наплевать, то ли он надеялся на всеобщую доверчивость. Заметьте, дружба Елизаветы с Ричардом не волновала его целых полтора года. Все это время все шло как по маслу. После того как Генрих пришел к власти, она получала от него и подарки, и поместья.

— Где же тут собака зарыта, как вы думаете?

— Я нашел еще кое-что. И это может натолкнуть на новые идеи. У меня созрела одна грандиозная догадка.

— Давайте ее сюда.

— В июне того же года...

— Какого года?

— 1486-го. На первом году супружества Елизаветы. В январе она венчалась, а в сентябре в Винчестере родила принца Артура в присутствии своей матери.

— Это я помню. Дальше.

— В июне того же года сэр Джеймс Тиррел был освобожден по всеобщей амнистии. Шестнадцатого июня.

— Это ни о чем не говорит. Такое не раз случалось. К концу срока наказания. Или накануне объявления нового. Это лишь зачеркивало прошлые грехи.

— Я это знаю. Первая амнистия никого не удивляет.

— Что значит «первая»? Была и вторая?

— А как же? Это и есть мой сюрприз. Ровно через месяц сэру Джеймсу была объявлена вторая амнистия. Если быть точным, то шестнадцатого июля 1486 года.

— Да-а, — протянул Грант. — Необычайно.

— Действительно, случай крайне редкий. Я задал тот же вопрос одному старичку, сидящему рядом со мной в библиотеке Британского музея. Он занимается историей и сильно

помог мне, должен вам сказать. Старичок ответил, что первый раз слышит об этом. Показываю ему выписки из мемуаров Генриха Седьмого — так он задрожал от восторга.

А Грант тем временем усиленно соображал:

— 16 июня Тиррел амнистирован в первый раз. 16 июля амнистирован вторично. В ноябре или чуть позже мать принцев возвращается в город. А в феврале ее подвергают пожизненному заточению в монастыре. Наводит на размышления?

— Верно.

— Думаете, это он сделал? Тиррел?

— Почему бы нет? Каждый раз, когда в том месте, где мы ищем, нить обрывается, невесть откуда является Тиррел со своими собственными загадками. Когда впервые возникли слухи о пропавших принцах? То есть когда об этом начали говорить открыто?

— Пожалуй, в самом начале царствования Генриха.

— Все правильно. Вот ответ на загадку, которая нас мучила с первого дня.

— А именно?

— Теперь понятно, почему не было шумихи вокруг исчезновения мальчиков. Это обстоятельство всегда ставило в тупик даже тех, кто считал, что убийца — Ричард. Действительно, если вдуматься, как это могло сойти ему с рук? При жизни у него была мощная, активная и очень влиятельная оппозиция, которую он оставил на свободе. Рассыпанная по всей стране, она продолжала действовать. Если бы мальчики пропали, ему пришлось бы иметь дело с кликой Вудвиллей — Ланкастеров. Генриху же не были страшны ни чужое мнение, ни слухи. Его оппозиция была надежно упрятана за решетку. Только теща представляла собой кое-какую опасность. Но он вовремя спустил ее в трюм и задраил люк, чтобы не совала нос куда не следует.

— Это верно. Но можно предположить, что она сделала какой-то неверный шаг. Когда она перестала получать вести от мальчиков?

— Она могла и не знать об их пропаже. Генрих мог ей прямо заявить: «Я не желаю, чтобы вы виделись. Вы оказываете на детей дурное влияние. Вот и своим дочерям позволили, выйдя из монастыря, плясать на балах у этого человека!»

— Вы правы. Он не мог ждать, пока у нее зародятся настоящие подозрения, и действовал стремительно. «Вы дурная женщина и плохая мать. Идите в монастырь и спасайте сбою душу, а ваши дети будут ограждены от вас и вашей скверны».

— Вот именно. Что же касается остальной Англии, то ни один убийца не чувствовал себя здесь в большей безопасности. После его удачной выдумки с обвинением в «измене» никто носа не мог высунуть, а тем более осведомиться о здоровье маленьких принцев. Все ходили на цыпочках. Мало ли что этот Генрих сочтет задним числом за преступление, чтобы расправиться с ними и присвоить их имущество. Нет, тогда было опасно проявлять излишнюю любознательность, тем более что правды все равно не узнаешь.

— Учитывая, что мальчики жили в Тауэре.

— Да, в Тауэре распоряжались люди Генриха, далекого от принципа Ричарда «живи и дай жить другим». О союзе Йорков и Ланкастеров не могло быть и речи. В Тауэре должны были действовать только люди Генриха.

— Так, по-видимому, и было. Вам известно, что Генрих — первый из английских королей, кто имел личного телохранителя?

— Интересно, что он сказал своей жене о ее братьях?

— Да, любопытно. Он вполне мог сказать ей правду.

— Генрих? Никогда! Такой, как Генрих, не мог бы признать, что дважды два четыре. Для этого нужны душевные силы, а Генрих — краб, он никогда не шел напрямик.

— Будь он садистом, он так бы и сделал. Как она могла ему противодействовать? Даже если бы хотела? Но вряд ли у нее было такое желание. Она только что произвела на свет наследника престола и носила еще одного. До борьбы ли ей было!

— Генрих не был садистом, — отозвался Каррадин с грустью. Ему не хотелось признавать за Генрихом даже этого сомнительного достоинства. — Как раз наоборот, убийство не доставляло ему удовольствия. Ему приходилось маскировать его. Придумывать законное основание. Если вы считаете, что он хвастался Елизавете в постели, что убил ее братьев, чтобы взбодрить себя, то вы, пожалуй, ошибаетесь.

— Может быть, вы правы, — ответил Грант и лег на спину, думая о Генрихе. — Какое определение ему подходит? Ничтожный тип. Ничтожество.

— Вот-вот. Даже волос на голове у него было ничтожно мало.

— Я не имел в виду его внешность.

— Разумеется.

— Что бы он ни делал — все было ничтожно. Возьмите пресловутые «Мортоновы вилы»: во всей истории не было более ничтожного способа изымания доходов с населения. Дело даже не в одной только жадности. Он был ничтожеством от начала и до конца.

— Несомненно. Доктору Гэрднеру тут не пришлось бы подгонять поступки Генриха под его характер. Кстати, какое у вас впечатление о его книге?

— О, потрясающее чтение. Видит Бог, почтенный доктор добился бы немалых успехов в уголовном мире.

— Потому что жульничал?

— Нисколько не жульничал. Он был чист, как стеклышко. Просто его рассуждения до крайности примитивны.

— Что вы имеете в виду?

— Большинство людей знает, что за А следует Б, даже дети. А вот большинство преступников не знает. Можете этому не верить. Многие полагают, что уголовники ловкие и смысленные ребята. Напротив, ум преступника самый примитивный. Диву даешься, насколько преступникам недостает умения рассуждать. До Б они еще кое-как доберутся, но пойти дальше им уже не под силу. Если перед преступником положить рядом две несовместимые вещи, то он на них только тупо уставится. Заставить его понять, что эти вещи несовместимы, так же невозможно, как нельзя научить человека, лишённого вкуса, отличать дома в стиле Тюдор от грубой подделки. Как продвигается ваша собственная книга?

— Начало очень заманчивое. Я уже представляю, какой она должна быть. Я имею в виду форму изложения. Надеюсь, вы не будете против.

— Почему я должен быть против?

— Я хочу описать все по порядку. Начать с того, как я с вами познакомился, как мы взялись за Ричарда, еще не зная, к чему это приведет, и как добрались до истинных фактов, отбросив позднейшие наслоения. Как мы искали всюду отклонения от естественных норм поведения, указывающих на то место, где собака зарыта. Вроде пузырей, идущих от водолазов со дна реки.

— Прекрасная идея!

— Вы серьезно?

— Абсолютно.

— Ну, я рад. Буду продолжать. Придется еще разыскать какие-нибудь детали из эпохи Генриха в качестве гарнира. Надо будет рассказать об обоих, чтобы люди могли сравнить и судить их по делам. Вы знаете, например, что Звездная палата^[31] была порождением Генриха?

— Неужели Генриха? Совсем забыл. «Мортоновы вилы» и Звездная палата. Классический пример вымогательства и классический образец тирании. Не так уж трудно вам будет дать

портреты этих двух соперников, правда? «Мортоновы вилы» и Звездная палата с одной стороны, а с другой — введение практики поручительства в суде и наказание за давление на членов суда присяжных.

— Они были приняты парламентом при Ричарде? Боже милосердный, сколько мне предстоит прочесть! Атланта со мной перестала разговаривать. А о вас она слышать не хочет. Говорит, что девушке от меня столько же проку, как от прошлогоднего журнала мод. Но я вам честно говорю, мистер Грант, что впервые в моей жизни произошло что-то очень важное. Атланта — единственное, что меня захватывает. Но это не так важно... то есть важно, но не так... Ну, вы меня понимаете...

— Я вас понимаю. Вы нашли свое настоящее дело.

— Именно! Я нашел свое настоящее дело — вот в чем вся прелесть. И это — я, маменькин сынок, приехавший вслед за Атлантой, не думая ни о чем, кроме своего алиби. Пошел в Британский музей только затем, чтобы провести время и успокоить папочку, а вышел оттуда уже с занятием в руках. Грандиозно, правда? — Каррадин внимательно посмотрел на Гранта. — Вы серьезно, мистер Грант, не хотите писать книгу сами? Дело-то стоящее.

— Не стану я писать ничего. Не ждите от меня моих «Двадцати лет в Скотланд-Ярде».

— Что? Даже мемуаров не напишете?

— Даже мемуаров. Я твердо убежден, что книг и так предостаточно.

— Но эта книга должна быть обязательно написана, — проговорил Каррадин с некоторой обидой.

— Согласен! Эта должна быть написана. Да, я хотел спросить у вас одну вещь: как скоро после двойной амнистии Тиррел получил свое место во Франции? Верно, что должность коннетабля замка Гюин он занял сразу после того, как в июле 1486 года оказал Генриху некую услугу?

Каррадин забыл про свою обиду и состроил злобредную мину, совершенно неподходящую для такого доброго и мягкого существа, как он.

— Я давно ждал, когда вы меня об этом спросите. И собирался сообщить это под занавес в случае, если вы забудете. Так слушайте: почти сразу же!

— Ах, вот как! Еще один камешек в мозаике стал на свое место. Хотелось бы знать: это было просто подходящее вакантное место или Генрих отправил его во Францию подальше от дома?

— Думаю, наоборот, это Тиррел хотел уехать подальше от дома. Если бы мной правил Генрих Седьмой, я бы предпочел, чтобы он это делал на расстоянии. Тем более если бы я исполнял секретные поручения Генриха. Он постарался бы, чтобы я не дожил до седых волос.

— Пожалуй, вы правы. Тиррел не просто поехал за границу, он там остался, как мы уже знаем.

— Не один он. То же самое сделал Джон Дайтон. Я так и не выяснил, что это были за люди, замешанные в деле об убийстве. Тюдоровские авторы, как вам известно, пишут об этом по-разному, часто в высшей степени противореча друг другу. Карманный историк Генриха Полидор Вергилий говорит, что убийство произошло, когда Ричард был в Йорке. Если верить святому и благоверному Мору, это случилось еще раньше, когда Ричард ездил в Уорик. Во всех документах фигурируют разные лица. Разобраться с этим весьма трудно. Непонятно, кто такой был Билл Слейтер — у вас он значится как Черный Билл, или еще один — Майлс Форрест. Но Джон Дайтон действительно существовал. Графтон пишет, что он довольно долго жил в Кале, «презираемый всеми», и умер в нищете. Какие они были строгие моралисты, однако. Викторянцы ничто по сравнению с ними.

— Если Дайтон бедствовал, вряд ли он оказывал услуги Генриху. Чем он занимался?

— Дайтон, которого мы имеем в виду, был священником и вовсе не бедствовал. Он жил припеваючи на доходы от синекуры. Генрих подарил Джону Дайтону приход в Фульбеке близ Грантэма, в графстве Линкольншир. Это было 2 мая 1487 года.

— Так, хорошо, — протяжно отозвался Грант. — В 1487 году, живет за границей и не бедствует.

— Угу. Чудненько, правда?

— Великолепно! Может быть, кто-то нам объяснит, почему презираемого всеми Дайтона не схватили за шкуру и не приволокли домой, чтобы повесить за убийство королевской особы?

— Нет. Никто нам ничего подобного не объяснит. Ни единый историк эпохи Тюдоров не двинулся дальше Б.

Грант засмеялся:

— Я вижу, вы быстро схватываете.

— Ясное дело. Я не только занимаюсь историей. Я еще и сижу на ступеньках Скотланд-Ярда и изучаю человеческое мышление. Вот и все, что я имею. Если вы чувствуете себя достаточно крепким, в следующий мой приход я прочту вам первые две главы моей книги. — Помолчав, Brent добавил: — Вы не против, если я посвящу ее вам?

— Я считаю, что вы должны посвятить ее Каррадину Третьему, — шутливо возразил Грант. Но Brent, по всей видимости, не был расположен шутить.

— Я не желаю таким образом делать ему рекламу, — сказал он сухо.

— Какая там реклама! Просто из благоразумия.

— Не будь вас, мистер Грант, мне бы никогда не довелось начать эту книгу, — торжественно и с чувством, как истый американец, произнес Каррадин, стоя посреди палаты, завернутый, как в тогу, в свое просторное пальто, — и я должен выразить глубокую признательность за это.

— Я очень рад, разумеется, — пробормотал Грант, а августейшая фигура посреди комнаты обмякла и снова обрела мальчишеский вид. Неловкий момент был исчерпан. Каррадин уходил с легким сердцем и легкой поступью, так же, как и вошел. Он уже не выглядел таким худым и застенчивым юнцом, как три недели назад.

Грант же собрал в уме новые сведения, что он получил за этот день, мысленно развесил их на противоположной стене и принялся размышлять.

Неприступная красавица с золотыми волосами была отгорожена от внешнего мира.

— Откуда взялись золотые волосы? — эта мысль явилась ему впервые. Посеребренные, скорее. У нее был ореол из светлых волос. Жаль, что слово «блондинка» настолько стерлось, что стало употребляться в другом смысле.

Ее замуровали пожизненно, чтобы ее присутствие никого не смущало. Тревога стала частью всей ее жизни. Ее брак с Эдуардом всколыхнул всю Англию. Она была невольной причиной гибели Уорика. Ее любовь к своим родным послужила толчком к созданию новой партии в Англии и помешала мирному восшествию Ричарда на престол. И все-таки зла на нее никто не держал. Даже недоверчивый Ричард простил ей родственные привязанности. Но все это, пока не пришел Генрих.

Она канула в неизвестность. Она, Елизавета Вудвилль, вдовствующая королева и мать нынешней королевы. Мать принцев — пленников Тауэра. При Ричарде она жила привольно, ни в чем не нуждаясь.

Еще один парадокс!

Грант оторвался от психологических размышлений и стал рассуждать как следователь. Пора приводить в порядок свое досье. Довести до блеска, прежде чем представить его на суд Божий. Бренту для книги пригодится и самому будет полезно прочистить мозги. Надо четко и ясно, черным по белому изложить все как есть.

Взяв перо и блокнот, он аккуратно написал:

«Дело: Пропажа двух мальчиков (Эдуарда, принца Уэльсского, и Ричарда, герцога Йоркского) из Тауэра (Лондон) приблизительно в 1485 году».

Он подумал, не стоит ли выписать приметы подозреваемых виновников параллельными колонками. Нет, лучше сначала закончить с Ричардом. Он сделал еще один заголовок и под ним поместил свое резюме.

«Ричард III

Предварительная характеристика

Положительная. Репутация государственного деятеля — прекрасная. Личная жизнь — безупречная. Основная черта характера, как следствие его поступков: здравомыслие.

Касательно предполагаемого преступления

а) Выгоды ему не принесло бы. Кроме него, было еще девять претендентов на престол из дома Йорков, из коих трое — мужского пола.

б) При жизни ему не было предъявлено обвинение в убийстве.

в) Мать принцев продолжала поддерживать дружбу с ним до конца жизни, а ее дочери посещали придворные балы.

г) Не испытывал никакого страха к другим наследникам дома Йорков, щедро обеспечил их содержание, всем присвоил статус членов королевской семьи.

д) Его собственное право на престол подтверждали парламентский билль и всенародное одобрение. Мальчики не имели права наследования и опасности для него не представляли.

е) Единственный, о ком ему следовало беспокоиться, были не мальчики, а

молодой Уорик, стоявший за ним как претендент на престол. Его он назначил своим наследником после смерти собственного сына.

Генрих VII

Первоначальная характеристика

Авантюрист, живущий при дворах иностранных государств. Сын честолюбивой матери. О его личной жизни ничего не известно. На государственной и любой другой службе не состоял. Основная черта характера, как следствие его поступков: коварство.

Относительно предполагаемого преступления

а) Для него было чрезвычайно важно не оставлять мальчиков в живых. Аннулировав билль о престолонаследии, не признававший законность рождения детей, он тем самым отдал английскую корону старшему из братьев, а младшего сделал его наследником.

б) В законопроекте о лишении престола и имущественных прав Ричарда, представленном им парламенту, он обвинил последнего в банальной тирании и жестокости, но ни словом не обмолвился о маленьких принцах. Напрашивается вывод: в то время дети были еще живы, а их местонахождение известно.

в) Мать мальчиков лишена своего состояния и насильно пострижена в монахини через полтора года после его восшествия на престол.

г) Он немедленно взял под стражу остальных наследников престола и держал их под арестом до удобного момента, когда можно будет избавиться от них с минимальной оглаской.

д) Он не имел ни малейших прав на престол. После смерти Ричарда королем Англии де-юре стал молодой Уорик».

После того как Грант расположил все факты по пунктам, до него впервые дошло, что Ричард был вправе сделать своего побочного сына Джона законным наследником. Подобных прецедентов было предостаточно. Кстати говоря, все семейство Бофор, включая мать Генриха, состояло из отпрысков незаконных союзов, более того, они появились на свет в результате двойных адюльтеров. Ничто не мешало Ричарду узаконить этого «живого и добродушного малого», которого он признал своим сыном и держал подле себя. Такое, видно, не приходило ему в голову. Наследником он назначил не его, а сына своего брата. Даже убитый горем, он сохранил свою доминирующую черту — здравомыслие и преданность семье. Он считал, что незаконнорожденному не место на троне Плантагенетов, пока есть законный претендент — сын его брата Георга.

Как сильно чувствуется во всей этой истории семейная привязанность! Начиная с Сесили, повсюду сопровождавшей мужа, и кончая Ричардом, признавшим наследные права племянника.

Грант впервые дал себе отчет, что такая вот семейная атмосфера укрепила его веру в невиновность Ричарда. Мальчики, которых он якобы умертвил, как котят, были детьми его брата Эдуарда. Он знал их с рождения. Напротив, для Генриха они были всего лишь символическими фигурами. Помехой на пути. Он их и в глаза-то, наверное, не видел. Одно это заставляло задуматься: кто же из них вызывает большее подозрение?

Разложив по полочкам все добытые сведения, Грант почувствовал, как в голове у него проясняется. Он, например, не замечал раньше, что отношение Генриха к биллю о престолонаследии должно быть подозрительным вдвойне. Если притязания Ричарда на престол были абсурдными, как уверял Генрих, то было бы разумно еще раз прочесть этот документ публично, чтобы всем стала видна его абсурдность. Но Генрих не сделал этого. Он употребил все силы, чтобы уничтожить любое упоминание о нем. Напрашивается неизбежный вывод:

притязание Ричарда на корону, как об этом и записано в билле, было неоспоримо.

В тот день, когда Каррадин снова появился в больнице, Грант впервые самостоятельно прошагал расстояние от койки до окна и обратно. Он так этим возгордился, что Пигалице пришлось напомнить ему, что это по силам и годовалому ребенку. Но Гранта было не унять.

— Вы-то считали, что я буду валяться здесь до бесконечности.

— Наоборот, мы очень рады, что вы так быстро идете на поправку, — ответила она с вызовом. — Но еще больше рады, что место скоро освободится. — Тряхнув белокурыми кудрями и крахмальным чепцом, она застучала каблучками по коридору.

Лежа на кровати, Грант уже без всякой ненависти оглядывал свое узилище. Чувства человека, побывавшего на полюсе или на вершине Эвереста, ничто по сравнению с тем, что ощущает человек, добравшийся до окна после долгих недель на больничной койке, думал он.

Завтра домой, в материнские объятия миссис Тинкер. Половину дня ему придется проводить в кровати, передвигаться только с помощью палок, и все же он теперь будет сам себе хозяин. Отныне он не позволит себя опекать никому: ни этому крошечному клубку энергии, ни этой тоскливой глыбе, источающей человеколюбие.

Славная жизнь ждет его впереди!

Он уже поделился радостью с сержантом Вильямсом, забежавшим к нему после командировки в Эссекс, и теперь с нетерпением ждал прихода Марты, чтобы похвастаться перед ней, каким бравым молодцом он снова стал.

— Как вам понравились те исторические книжки?

— Очень понравились. Докопался, что в них одно вранье.

Вильямс засмеялся.

— Я думаю, это не положено, — сказал он. — Секретной службе это может не понравиться. Припишут вам измену или оскорбление величества, а то и еще что-нибудь пристегнут. Разве угадаешь. На вашем месте я был бы поосторожней.

— Теперь уж я никогда в жизни не поверю тому, что написано в учебниках истории, так что одна надежда на Бога.

— Бывают же исключения, — не уступал Вильямс, как всегда, пытаясь найти разумный компромисс. — Королева Виктория все же была. А Юлий Цезарь? Разве это не было завоеванием Британии? Не забудьте и о том, что произошло в 1066 году.

— Я начинаю сильно сомневаться, действительно ли произошло что-нибудь в 1066 году. Вы, как я вижу, покончили с этим делом в Эссексе. Опять штучки нашего Братишки?

— Упорный, чертяка. Всю жизнь ему все сходило с рук. Ему и девяти не было, а он уже таскал у мамыши мелочь. Если бы в свое время его хорошенько поучили ремешком, это могло бы ему сейчас спасти жизнь. А теперь миндаль не успеет отцвести, а его повесят, как пить дать. Весна нынче будет ранняя. Темнеет сейчас поздно, и я копаюсь в саду каждый вечер. Пора и вам подышать свежим воздухом.

Вильямс распрощался и ушел, розовощекий, рассудительный и уравновешенный, как человек, которого в свое время с пользой поучили ремешком.

Грант томился ожиданием другого посетителя — человека из мира, в который он вот-вот должен вернуться. И он обрадовался, услышав знакомый осторожный стук в дверь.

— Входите, Брент, — закричал он весело.

Брент вошел.

Но это был не прежний Брент, который покинул его жизнерадостным, гордо расправив плечи. Куда девался следопыт, открыватель неизведанного? Этот был всего лишь тощий юнец в

длинном, чересчур просторном для него пальто, растерянный, убитый горем.

Грант тревожно следил за тем, как он обреченно плетется по комнате. Не видно было и толстых бумажных свертков, вечно оттягивавших его карманы, и без того похожие на сумки почтальона.

«Ничего не поделаешь, — философски рассудил Грант. — Зато какое это было приятное времяпрепровождение. Но рано или поздно загвоздка должна была где-то случиться. Глупо было надеяться, что дилетанту удастся решить научную проблему. Хотел бы я посмотреть на любителя, запросто забежавшего в Скотланд-Ярд с намерением не хуже профессионала раскрыть преступление! Почему я должен быть умнее ученых историков? Хотелось доказать самому себе, что я действительно могу судить о человеке по его лицу? Приходится признать свою ошибку. Поделом тебе. Все оттого, что где-то в глубине души я начал умиляться своему умению читать лица».

— Добрый день, мистер Грант.

— День добрый, Брент.

Хуже всего, конечно, должно быть парню. В его возрасте еще хочется верить в чудо. В его возрасте все еще удивляет и огорчает, когда воздушный шарик вдруг лопается.

— Что-то вы взгрустнули, — сказал Грант весело. — Что-то лопнуло?

— Все лопнуло.

Каррадин опустил на стул и мрачно уставился в окно.

— Неужто вам еще не надоели эти чертовы воробьи? — спросил он раздраженно.

— Да в чем дело? Вы узнали, что принцев хватились еще до смерти Ричарда?

— Хуже.

— Нашли документальное подтверждение? Письмо, может быть?

— Ни то, ни другое. Все гораздо хуже. Плохи дела вообще. Не знаю, как вам объяснить. —

Он нахмурился еще больше. — Вот чертовы птицы! Пропала теперь моя книга, мистер Грант.

— Почему?

— Кому она нужна? Вся эта история всем давно уже известна.

— Известна? Что именно?

— О том, что Ричард вовсе не убивал мальчиков и все прочее.

— И давно ли известно?

— Ах, да сотни и сотни лет.

— Погодите, дружище. С тех пор прошло всего четыреста лет.

— Какая разница? Все знают об этом уже сотни и сотни...

— Кончайте причитать и ближе к делу. Когда началась эта... эта... реабилитация?

— Когда началась? Да при первой же возможности.

— А именно?

— Как только династии Тюдоров пришел конец и говорить об этом стало безопасно.

— То есть уже при Стюартах?

— Да, уже при них. В семнадцатом веке некто по имени Бак опубликовал доказательства.

Гораций Уолпол сделал то же самое в восемнадцатом, а какой-то Маркэм — в девятнадцатом.

— А в двадцатом?

— Такого не знаю.

— Что же плохого, если им станете вы?

— Но это уже совсем не то, разве не понятно? Это не будет великое открытие! — Казалось, он произнес эти слова с большой буквы — Великое Открытие.

Грант не удержался от улыбки.

— Да хватит вам! Великих открытий в таком количестве не бывает. Из вас не получилось

первооткрывателя, так начните кампанию.

— Кампанию против чего?

— Против «тонипэнди».

Безразличие исчезло с лица Брента. Он оживился, как человек, до которого только что дошел смысл шутки.

— Вот дурацкое название, хуже не придумаешь!

— Если триста пятьдесят лет подряд люди не устают повторять, что Ричард не убивал племянников, а в школьных учебниках продолжают упорно и безосновательно утверждать обратное, то у вас впереди широкое поле деятельности. Немедленно за работу!

— Но что могу поделать я, если даже Уолпол оказался бессильным?

— Вода камень долбит.

— Мистер Грант, у меня сейчас сил нет даже на тоненький ручеек.

— Это видно по вашему лицу. Такой жалости к себе я еще не встречал. С подобным настроением нечего и пытаться дразнить английскую публику. Силенок не хватит.

— Думаете, потому, что я еще ничего не написал?

— Это не имеет значения. Кстати говоря, чаще всего первая книга бывает лучшей. В нее вкладывают самое заветное. Просто люди после школы, не прочитавшие ни одного труда по истории, сочтут себя вправе поучать вас как автора. Они обвинят вас в «обелении» Ричарда, что звучит гораздо обиднее реабилитации. Единицы заглянут в Британскую энциклопедию, приобретут эрудицию и разберут вас по косточкам. А настоящие историки даже не заметят вас.

— Дудки. Я их заставлю заметить! — разгорячился Каррадин.

— Ух ты! Это уже напоминает дух завоевателей империи.

— У нас нет империи, — возразил Каррадин.

— Есть, есть, — успокоил его Грант. — Разница между нами и вами только в том, что вы завоевали свою экономически и она лежит на одной долготе с вами, а мы отхватывали свою империю по кусочкам от всего земного шара. Вы успели уже что-то написать, прежде чем вас сразило это печальное открытие?

— Да, две главы готовы.

— Что вы с ними сделали? Выбросили, наверное.

— Нет, но чуть было не швырнул в камин.

— Что вам помешало?

— Камин у меня электрический. — Сказав это, Каррадин с облегчением вытянул свои длинные ноги, и его затрясло от смеха. — Ей-богу, мне уже лучше. Не терпится задеть англичан за живое. Во мне проснулась кровь Каррадина Первого.

— Видно, очень сильная кровь.

— Другого такого лесоруба, как он, поискать. Он с таким азартом валил лес, что в конце концов стал владельцем замка в стиле Ренессанс, двух яхт и личного железнодорожного вагона. Вы бы видели эти зеленые шелковые занавески с помпончиками, эти инкрустированные деревянные панели! Теперь, по всеобщему мнению, и в первую очередь по мнению Каррадина Третьего, каррадинская кровь стала куда жиже. Но в какой-то момент я вдруг ощутил себя Каррадином Первым. Вот теперь-то я знаю, что чувствовал старый разбойник, когда собрался купить один участок леса, а кто-то заявил, что ему его не видать. У меня даже руки зачесались, ей-богу.

— Ну наконец-то, — произнес Грант миролюбиво. — Скорей бы своими глазами прочесть то самое посвящение. — Он взял со столика блокнот и протянул Бренту. — Я тут набросал заключение следователя. Может, пригодится для вашего резюме.

Каррадин почтительно принял блокнот из рук Гранта.

— Вырвите листок и возьмите себе. Я с этим покончил.

— Пройдет неделя-другая, вы займетесь настоящим делом, и вам наверняка будет не до научного поиска, — сказал Каррадин с сожалением.

— Такого увлекательного, как это, уже не будет никогда, — совершенно искренне ответил Грант. Он украдкой взглянул на портрет, прислоненный к стопке книг. — Вы не поверите, у меня сердце упало, когда я увидел отчаяние на вашем лице и подумал, что все пошло к чертям. — Он снова поглядел на портрет и проговорил задумчиво: — Марта считает, что он похож на Лоренцо Великолепного. Ее приятель Джеймс находит, что это лицо святого. Мой доктор говорит, что он типичный калека. Сержант Вильямс уверен, что такими бывают выдающиеся судьи. А старшая сестра, пожалуй, ближе всех подошла к истине.

— Что она сказала?

— Она сказала, что у него лицо великого страдальца.

— Да, да, это так и есть. Нечего удивляться, верно?

— Нисколько. Чего только он не вынес! Последние два года на него так внезапно все навалилось. Вроде бы прежде дела шли прекрасно. Англия наконец встала на ноги. Гражданская война уходила в прошлое. Правительство уверенно оберегало мир и способствовало оживлению торговли ради всеобщего процветания. Вид из Миддлхэма через реку Уэнсли казался, наверное, таким заманчивым. И вдруг всего за два года все рухнуло — жена, сын, его собственный покой.

— И все-таки от одного судьба его уберегла.

— От чего?

— Он так и не узнал, что его имя будут с позором трепать не одно столетие.

— Да. Такого он бы не вынес. А знаете, что лично меня убедило в том, что Ричард и не помышлял об узурпации власти?

— Нет. Скажите.

— Меня убедил тот факт, что ему пришлось просить Север прислать войска, когда Стиллингтон разразился своей новостью. Если бы Ричард знал, о чем собирался рассказать Стиллингтон, или если бы он сам затеял с его помощью состряпать эту историю, он бы давно ввел эти войска. Если не в Лондон, то в одно из близлежащих графств, чтобы иметь их под рукой. То, что ему пришлось просить сначала Йорка, потом своего кузена Невилля спешно прислать людей, говорит о том, что признание Стиллингтона застало его врасплох.

— Да, да. Его сопровождала только свита, когда он прибыл, чтобы принять на себя регентство. И только в Нортгемптоне узнал о проделках Вудвиллей. Но это его не сломило. Он разметал вудвилльское двухтысячное войско и двинулся на Лондон как ни в чем не бывало. Там, насколько он знал, ему уже ничто не угрожало, кроме извечной церемонии коронации. И только после признания Стиллингтона он просит у Севера прислать его собственную армию. Крайняя нужда заставила его гнать посыльных через всю Англию. Вы, разумеется, правы, это была полная неожиданность. — Brent характерным жестом поправил дужку очков и выложил главное: — А знаете, что убедительней всего говорит о вине Генриха?

— Что?

— Таинственность.

— Таинственность?

— Да. Секретность. Тайные сделки. Закулисные маневры.

— Думаете, это была его натура?

— Нет, нет. Я в эти тонкости не вдаюсь. Ясно ведь, что Ричард не нуждался ни в какой таинственности. Замысел Генриха, наоборот, был построен на таинственном исчезновении мальчиков. До сих пор никому не приходило в голову задуматься над тем, зачем Ричарду нужна была бы вся эта закулисная возня. Что он, из ума выжил, что ли? Ему это никогда бы не сошло с

рук. Рано или поздно ему все равно пришлось бы объяснять, почему мальчиков не оказалось в Тауэре. Он же был уверен, что ему предстоит долгое царствование. Никто не пожелал поразмыслить, зачем ему надо было избирать такой сложный и опасный путь, когда есть способы куда более простые. Чего проще задушить детей и выставить для прощания. Весь Лондон шел бы мимо и оплакивал души двух безвременно умерших от лихорадки мальчиков. Вот как должен был поступить Ричард. Ведь казалось бы, убив детей, он тем самым предотвращал всякие выступления в их пользу, и поэтому в его интересах было как можно скорей обнародовать факт их смерти. Иначе его план терял бы всякий смысл. Другое дело — Генрих. Этот вынужден был искать иных способов устранения их со сцены. Ему таинственность была необходима. Генриху приходилось скрывать, как и когда они погибли. Весь замысел его состоял в том, что никто не должен был знать в точности, что произошло с мальчиками.

— Вы правы, Брент. Тысячу раз правы, — воскликнул Грант, любуясь разгоряченным лицом собеседника. — Ваше место в Скотланд-Ярде, мистер Каррадин!

Брент ответил смехом.

— Мне теперь не отвязаться от «тонипэнди». Держу пари — их больше, чем можно себе представить. Уверен, что исторические труды просто кишат ими.

— Не забудьте своего Олифанта, кстати говоря, — спохватился Грант, вынимая из тумбочки пухлый том. — Вот бы заставить всех историков пройти курс психологии, прежде чем они сядут за свои труды.

— Их это не остановит. Тот, кого интересуется человек как таковой, не пишет исторических трудов. Он пишет романы или становится психиатром, судьей...

— Или мошенником.

— Да, мошенником. Или занимается гаданием. Тому, кто хочет понять человеческую натуру, не до исторических трудов. Ведь история — это те же оловянные солдатики.

— Да будет вам! Не судите так строго. Это весьма ученые и эрудированные...

— Я не об этом. Заниматься историей все равно что передвигать фигурки на гладкой поверхности. Что-то близкое к математике.

— Если близкое к математике, то кухонным сплетням там не место, — вдруг злобно вставил Грант. Ему все еще не давал покоя святой и благоверный Томас Мор.

На прощание он решил еще раз пролистать толстого, внушающего почтение сэра Олифанта.

— Вот странно, — сказал он, — никто не скупится на похвалы ратным подвигам. Никаких данных на этот счет не имеется, одни предания. Но искушение воспеть славу так велико.

— Так рыцари признавали достоинства своих врагов, — напомнил ему Каррадин. — В основе предания лежит баллада, которую сложили во вражеском лагере.

— Да. Кем-то из окружения лорда Стэнли. «Молвил тогда рыцарь королю Ричарду», — он перевернул несколько страниц, ища нужное место. — «Честный рыцарь сэр Уильям Харрингтон» — вот кто это был.

*Никто ударов не снесет, что эта пара раздает
(проклятые ублюдки!).*

Другого срока подожди, судьбу пока не торопи.

Твой взнуздан конь, готовый в бой,

Настанет новый день — и в нем

Должно свершиться торжество —

Корона будет за тобой, ты станешь нашим королем.

«Нет, меч я теперь опустить не могу,

Не померкнуть венцу высоко над челом,

*И ни шагу назад, пока грудью дышу!
По Всевышнего воле не завтра умру,
А сегодня умру королем!»
Как сказал, так и вышло — сраженный мечом,
Он погиб, но погиб королем!*

— «Не померкнуть венцу высоко над челом», — повторил в раздумье Каррадин. — После этот венец нашли в зарослях боярышника.

— Наверняка кто-то припрятал, чтобы потом присвоить.

— Я всегда представлял себе венец такой высокой штукой с бархатным верхом, вроде той, что была на короле Георге во время коронации. Оказалось, это всего лишь золотой обруч.

— Его можно было носить поверх шлема.

— Ей-богу, — с чувством воскликнул Brent, — будь я на месте Генриха, я ни за что не надел бы эту корону. Ни за что! — После минутного молчания он вдруг спросил Гранта: — Вы знаете, что написано о битве при Босворте в летописи города Йорка?

— Нет, не знаю.

— «Сегодня к великой горести всего города сражен на поле боя и убит наш славный король Ричард» — вот что там написано.

В наступившей тишине воробьиное чириканье стало невыносимо громким.

— Не похоже на некролог о смерти ненавистного узурпатора трона, — нарушил молчание Грант.

— Совсем не похоже, — отозвался Каррадин. — «К великой горести всего города», — повторил он медленно, вслушиваясь в каждое слово. — Они были так огорчены, что ни новый режим, ни неопределенность будущего не помешали им четко и ясно написать, что это было убийство и что они этим опечалены.

— Может быть, они только что узнали о надругательстве над телом убитого короля и мысль об этом стала невыносимой?

— Да. Легко ли им было представить себе, как человека, которого они знали и любили, волокут, словно убитого зверя, и привязывают к седлу головой вниз?

— Такого и врагу не пожелаешь. Однако чувствительность была не самым сильным качеством людей Генриха или Мортонна.

— Ха! Мортон! — Brent как бы с отвращением выплюнул это имя. — Никто не пребывал в «горести», когда не стало Мортонна, уж вы мне поверьте. Вот что писал о нем автор лондонской хроники: «Среди ныне живущих нет никого, кто хотел бы сравниться с ним, так сильны были ненависть и презрение к нему простого люда».

Грант повернулся и посмотрел на портрет человека, в обществе которого он провел столько дней и ночей.

— Вы знаете, — сказал он, — несмотря на то что Мортон добился многого, в том числе кардинальского звания, я считаю, что он потерпел поражение в схватке с Ричардом. В конечном счете Ричард выиграл. Он был любим в своей стране.

— Неплохая эпитафия, — отозвался Brent печально.

— Да, не такая уж плохая, — окончательно захлопнув том Олифанта, Грант отдал его Каррадину. — Немногие хотели бы большего. Но еще меньше заслужили.

Когда Brent ушел, Грант принялся сортировать свои вещи. Непрочитанные модные романы можно завещать больничной библиотеке на радость другим пациентам. Но альбом с видами гор надо оставить себе. Не забыть бы вернуть Амазонке ее учебники. Он вытащил книги с

намерением отдать их, когда она принесет ужин. Открыв одну из них, он снова нашел то место, где повествуется о злодействе Ричарда. Вот она, эта злополучная история. Черным по белому, в школьном учебнике. Без намека на сомнение в ее достоверности. Четко, ясно и обжалованию не подлежит.

Грант уже было захлопнул учебник, но его взгляд упал на первый абзац раздела, посвященного правлению Генриха VII. Он гласил: «В расчет Тюдоров входила задача избавиться от соперников, особенно от наследников из дома Йорков, оставшихся в живых по восшествии на престол Генриха VII. Тюдоры весьма преуспели в этом деле, хотя окончательно расправиться с соперниками удалось только Генриху VIII».

Грант оторопело глядел на это откровение. Ведь этим подтверждалось, что было совершено массовое убийство. Это было простодушное признание того, что вырезана целая ветвь фамильного древа. Ричарду III приписывают убийство двух племянников, его имя стало синонимом злодейства. Зато Генрих VII, в «расчет которого входила задача» истребления целого рода, считается проницательным и дальновидным политиком. Не очень приятным в общении, но умелым, упорным и в конечном счете весьма удачливым.

Грант махнул рукой. История — это такая штука, понять которую невозможно.

Ценности ее авторов так сильно отличались от всего того, что было дорого ему самому, что вряд ли он смог бы когда-либо сойтись с ними во мнениях. Он вернется к себе в Скотланд-Ярд, где убийц называют своим именем, а закон не делает исключения ни для кого.

Он аккуратно сложил обе книги и, когда Амазонка в последний раз принесла мясной фарш с пареным черносливом, торжественно вручил их с краткой благодарственной речью. Да он и впрямь был ей благодарен. Не сохрани она свои школьные учебники, он, может быть, никогда не узнал бы правды о Ричарде Плантагенете.

Амазонка смутилась от любезных слов Гранта. «Неужели, — подумал он, — за время болезни я стал таким грубияном, что от меня ничего, кроме придировок, уже не ждут. Какой стыд!»

— Мы будем о вас скучать, — сказала она, и ее большие глаза, казалось, вот-вот наполнятся слезами. — Мы так привыкли к вам. И не только к вам, а к нему тоже, — она двинула локтем в сторону портрета.

У Гранта тут же мелькнула идея.

— А если я попрошу вас сделать мне одолжение?

— Конечно. Все, что могу.

— Возьмите фотографию, поднесите ее к окну, поближе к свету и внимательно с минуту глядите на нее. Хорошо?

— Хорошо. Но зачем это вам?

— Так надо. Просто из любезности. Я засекаю время.

С фотографией в руках она подошла к окну.

Грант следил за секундной стрелкой. Сосчитав до сорока пяти, спросил: «Ну как?» Не получив ответа, повторил вопрос.

— Странно, — отозвалась она. — Если хорошенько взглядеться, он кажется таким милым, правда?

ДОЧЬ ВРЕМЕНИ

«Портрет отличался от всех остальных. Выражение глаз — самое интересное и неповторимое в человеческом лице — ускользнуло от художника. Не получилась у него еще одна деталь: он не сумел оживить складку тонких губ широкого рта — рот вышел деревянным... Так вот он какой, Ричард III! Горбун, чудовище, которым няньки пугали детей. Погубитель невинных душ. Синоним злодейства...»
С этого портрета началась разгадка тайны Ричарда III.

75 лет
«Республика»

«Портрет отличался от всех остальных. Выражение глаз — самое интересное и неповторимое в человеческом лице — ускользнуло от него. Не получилась у художника еще одна деталь: он не сумел оживить складку тонких губ широкого рта — рот у него вышел деревянным... Так вот он какой, Ричард III! Горбун, чудовище, которым няньки пугали детей. Погубитель невинных душ. Синоним злодейства».

С этого портрета началась разгадка тайны Ричарда III.

notes

В расследовании тайны Ричарда III вместе с Грантом читателю не обойтись без генеалогических таблиц, помещенных на с. 19 и 21. *Ред.*

«Коня, коня! Венец мой за коня!» (Шекспир В. Ричард III. Акт V. Сцена 4). (Здесь и далее примечания переводчика.)

Ричард I Львиное Сердце (1157–1199) — английский король из династии Плантагенетов. Большую часть жизни провел вне Англии.

Год нормандского завоевания Англии.

Король Англии Генрих V (1413–1422), действующее лицо драмы Шекспира «Король Генрих IV».

Король Англии Генрих VI. Во время его правления (1422–1461) английские владения на территории Франции были утрачены и началась война Алой и Белой Розы (1455–1485).

Пожар 1666 года, уничтоживший полностью центральную часть города.

Эпидемия чумы в Европе в XIV веке. В Англии и Ирландии черная смерть унесла около четверти населения.

Собрание писем (1440–1486) богатого семейства из графства Норфолк.

Улица в Лондоне, известная своими театрами.

Прозвище короля Георга III (1738–1820), данное ему за интерес к сельскому хозяйству.

Уорбек Перкин (1474–1499) — один из двух самозванцев, которые по окончании войны Алой и Белой Розы пытались под именем Ричарда, герцога Йоркского, силой овладеть престолом, перешедшим к Генриху VII.

Джон Болл и Уот Тайлер — вожди крестьянского восстания в Англии (1381 г.).

После битвы при Тьюксбери.

Способ изымания денег в королевскую казну.

Карл I, король Англии (1625–1649) из династии Стюартов. Его конфликт с парламентом вылился в гражданскую войну. Обезглавлен в Лондоне.

Театральная улица в Лондоне.

Дяди короля и единоутробного брата короля (*лат.*).

Комин Филипп (1447–1511) — французский дипломат и историк, служил при дворе Людовика XI и Карла VIII.

Эдуард, герцог Уэльсский, сын Генриха VI, был убит в битве при Тьюксбери в 1471 году во время войны Алой и Белой Розы, после чего король Эдуард IV, брат Ричарда, смог возобновить свое правление.

Шекспир В. Сон в летнюю ночь. Акт III. Сцена 2.

Триумфальная арка. Находится в северо-восточной части Гайд-парка, где по выходным дням выступают импровизированные ораторы.

Движение шотландских пуритан в защиту кальвинизма и независимости Шотландии.

Ирландская республиканская армия — националистическая организация.

Непреодолимое обстоятельство (*фр.*).

Доходные церковные должности.

Восстание Симнела, под именем Эдуарда VI короновавшегося в Дублине по окончании войны Роз, было подавлено в 1487 году Генрихом VII.

Движение сторонников законной королевской власти.

Город в Северной Франции.

Мирный договор, заключенный в 1492 году между Англией и Францией.

Звездная палата — высший королевский суд, ставший орудием королевского произвола, — была ликвидирована Английской буржуазной революцией в 1641 году. Названа по потолку зала Вестминстерского дворца, украшенного звездами.